



МОСКОВСКИИ



BAZAR

*Май (№1), 2011*

Журнал Московского Салона Литераторов [www.mossallt.ru](http://www.mossallt.ru)

*Tous les genres sont bans,  
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,  
кроме скучного.*

**Главный редактор**  
*Светлана Сударикова*  
**Редактор-корректор**  
*Ирина Чижова*

Журнал выходит  
ежеквартально в рамках  
проекта «МОССАЛИТ»,  
руководитель проекта  
*Ольга Грушевская*

**Редакционный Совет**  
*Ян Кауфман*  
*Зинаида Кокорина*  
*Александр Сухих*  
*Валентин Алексеев*  
*Ольга Грушевская*

Для писем  
[mos.bazar2011@yandex.ru](mailto:mos.bazar2011@yandex.ru)

© Май, 2011 МОССАЛИТ



## Колонка главного редактора

*Уважаемые коллеги, дорогие друзья!*

*Московский Салон Литераторов открывает свой новый проект - литературно-публицистический сетевой журнал «Московский BAZAR»!*

«Существует множество хороших пьес, где царствует одна лишь веселость; иные совсем серьезны, иные смешны, иные трогают до слез. Не следует исключать ни один жанр», – писал Вольтер. *«Tous les genres sont bans, hors le genre ennuyeux.* Все жанры хороши, кроме скучного». Эти слова - девиз нашего журнала!

Это будет площадка для каждого, кто хочет поделиться любопытными фактами, знаниями, интересами, попробовать себя в новых жанрах, таких, как журналистика или научные статьи.

Мы с радостью опубликуем ваши новые произведения, статьи и эссе, размышления и думы; поговорим о том, что происходит в стране и мире, что нас трогает ине безразлично нам; с удовольствием познакомим наших читателей с произведениями авторов, живущих не только в Москве, но и в других городах и странах – двери нашего дома распахнуты для талантливых людей.

Мир вокруг нас в литературной оболочке, все и обо всем глазами литераторов, мир в литературе и литература в мире – вот концепция нашего журнала.

МВ будет выходить один раз в сезон, в нем вы найдете множество разнообразных и, надеюсь, интересных рубрик.

Сегодня мы празднуем свое рождение, и я благодарю коллег, которые принимали активное участие в работе над первым номером и помогли воплотить идею в жизнь:

Зинаиду Кокорину, составившую замечательную детскую рубрику;

Александра Сухих, сделавшего великолепную подборку поэзии для этого и нескольких следующих номеров;

Ирину Чижову, нашего замечательного редактора из Санкт-Петербурга;

Ольгу Грушевскую, облекшую слова в столь изысканную форму.

Добро пожаловать на страницы нашего журнала!

*Ваша Светлана Сударикова*

## СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Ах, война, что ж ты сделала, подлая...



НЕТ В РОССИИ СЕМЬИ ТАКОЙ...

ЯН КАУФМАН

- «МОСКВА, ВОЙНА И Я, ПАЦАН»
- «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

ИВАН КУДРИН

- «ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ»

ЗИНАИДА КОКОРИНА

- «ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОЖИТОМ»

ОЛЬГА БУТ

- «ПТЕНЦЫ БЛОКАДЫ»

АЛЕКСАНДР СУХИХ

- «ПОСЛЕВОЕННЫЙ СОНЕТ»
- «ЖИВЫЕ ВЕТЕРАНЫ»

ЮЛИЯ ВИХАРЕВА

- «РАЗГОВОР С СЫНОМ»



### Проза

ВЛАДИМИР БОРИСОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- «ВАНЬКА-ДУРАЧОК»
- «ГРОЗА, или «ПО ТУНДРЕ, ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ...»

ПАВЕЛ ОТСТАВНОВ (Пермь)

- «ПАШКА»

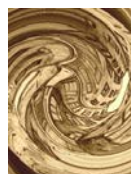
МИКАЕЛ АБАДЖЯНЦ (Армения)

- «ПОРТРЕТ»
- «СХВАТКА»
- «ДОМ 21»

### Поэзия

ИГОРЬ ЛУКШТ (МОССАЛИТ, Москва)

НИКИТА БРАГИН (МОССАЛИТ, Москва)



ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВА (Королев)  
ЮЛИЯ ВИХАРЕВА (Нижний Новгород)  
ТАТЬЯНА КАЙСАРОВА (Москва)  
ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВ (Королев)  
ТАТЬЯНА КУНИЛОВА (Уфа)

- **ПО СТРОФЕ ОТОВСЮДУ**  
МИЛА БОЖОВИЧ (Можайск)  
ЛИЛИЯ ПОЛЯКОВА (Москва)
- **СТИХОПОТЕХА**  
АЛЕКСЕЙ БЕРЕЗИН (Нью-Йорк)  
«ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ, ГОСПОЖА ПАРОДИЯ»

### Филологический ликбез

«ГОВОРIT ПАЛ САНЫЧ» (афоризмы)



ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: МАЛЫЕ ЖАНРЫ В ПРОЗЕ. ЧТО ТАКОЕ МИНИАТЮРА?» (научно-публицистическая статья)



### Культурное наследие

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- «ФЕДОР СОЛОГУБ – ПОЭТ, ПИСАТЕЛЬ, МИСТИК»

### Детское чтение



ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Москва)

- «ТАК НАЧИНАЛОСЬ ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ» (публицистика)

МАРИЯ СИДЛЕР

- «ПАПА ДЛЯ ТИГРЕНКА» (проза)
- «ЧУДО-ЯГОДА» (поэзия)
- «ПРОГУЛКА» (поэзия)

### Интервью



ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва): «ТВОРЧЕСТВО – ЭТО ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА»

- «ВАСИЛИЙ, или БЕСЕДЫ О СМЕРТИ ЖУКА-ДРЕВОТОЧЦА С ЛЕВИТАТОРОМ» (микроратюры)

*Ах, война, что ж ты сделала, подлая...*



## НЕТ В РОССИИ СЕМЬИ ТАКОЙ, ГДЕ БЫ...

### **ИРИНА ЧИЖОВА**

В 1943 году мою бабушку за связь с партизанами расстреляли немцы. Ее и еще несколько человек, среди которых были совсем молодые люди, почти дети.

Отец долго бежал по лесу за карательным отрядом, а когда добежал, увидел лишь тела, прикрытые еловыми ветками. Еще теплые тела. После перенесенного ужаса отец стал заикаться. Не удивительно – ему было всего 15 лет. Потом тела тайно похоронили в болотах. И лишь в 70-е годы отец и дед получили разрешение на перезахоронение, и останки перенесли на погост близ родной бабушкиной деревни - Поддубье, что в Новгородской области.



У бабушки было очень красивое имя – Аполлинария. *Аполлинария Пахомова...*



Оставшись без родителей (дед был на фронте, водил грузовик), мой папа и его младшая сестра долго скитались по оккупированной территории. Какое-то время были в детском доме. Позже папа, прибавив себе год, пошел в армию. Это было уже под конец войны, и в военных действиях участвовал он недолго, но был награжден медалями «За взятие Берлина» и «За отвагу».





**УЛЬЯНА ГРИШАНОВИЧ, 7 ЛЕТ**

Эту историю рассказал мне папа.

Она про дедушку. Когда дедушка был совсем маленький и жил в Белоруссии, шла война. И однажды в дом дедушки зашли немцы. И тогда, чтобы спастись, вся семья (дедушкина мама и 7 детей) забралась в погреб. Немцы зашли в дом и что-то искали. И вдруг самый младший из детей заплакал. Тогда мама зажала ему рот ладонью, хотя знала, что мальчик умрет, потому что не сможет дышать. Но у нее не было другого выхода, ведь она должна была спасти остальных детей.



К счастью, немцы быстро ушли, и все остались живы. Моего дедушку зовут Гришанович Михаил Федорович. Папа рассказывал, что дедушке тогда было страшно.

И мне тоже страшно, когда я думаю об этом. Очень, очень страшно.

\* \* \*

*Этот раздел мы посвящаем всем, кто в ту страшную войну, не жалея жизни, отстоял нашу свободу, кто прошел через этот ад и остался человеком, и кто не прошел и остался лежать в земле, чтобы мы оставались людьми.*

*Ах, война, что ж ты сделала, подлая...*



**Ян Кауфман**

## МОСКВА, ВОЙНА И Я, ПАЦАН



*На фот о: я с родит елями и брат ом, 1946 год.*

Этот солнечный воскресный день мне, девятилетнему мальчишке, запомнился на всю жизнь.

Мы с мамой ехали по Бульварному кольцу навестить бабушку.

Не доезжая до поворота на Кропоткинскую улицу, трамвай вдруг остановился, и стало удивительно тихо. Замерли даже прохожие, оказавшиеся случайно на площади. Из двух чёрных раструбов уличных репродукторов, висящих на углу, донёсся голос Левитана: «Внимание, внимание! Через несколько минут вы услышите важное правительственное сообщение!»

Затем раздался взволнованный, слегка заикающийся голос Вячеслава Молотова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава, товарищ Сталин, поручили мне сделать следующее заявление: Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну...» Когда он закончил обращение словами: «...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!», казалось, все замерли в ужасе от услышанного.

Не думал я тогда, что услышанные слова: война, немцы, Германия - останутся в моей памяти на всю жизнь.

Это было 22 июня 1941 года в 12 часов 15 минут.

Вскоре я узнал и новые, незнакомые слова - эвакуация, мобилизация, ополчение, светомаскировка, информбюро...

Наш большой пятиэтажный дом коридорной системы по Ленинградскому шоссе, в котором проживало около 100 семей, значительно опустел и без детского смеха, громких игр и мальчишеской беготни стал тих и неузнаваем. Многие семьи разъехались, большинство мужчин призвали в армию, а некоторые добровольно ушли в ополчение.

Окна, которые вечерами теперь плотно закрывались, были заклеены крест-накрест бумажными полосками, а в комнате тускло горела керосиновая лампа, и на полу стояла печка-буржуйка с трубой, выведенной на улицу через форточку.



Отец настаивал, чтобы и мы эвакуировались, но мама категорически отказалась из-за бабушки, своей мамы, которая была тяжело больна.

Отец, работавший на оборонку, всю войну мотался между Наркоматом химической промышленности, который находился теперь в городе Молотове (ныне Пермь), и различными химкомбинатами и только изредка появлялся дома.

Продукты уже продавали в ограниченном количестве. Постепенно с прилавков магазинов исчезло всё, даже хлеб, спички и соль. Иногда «выбрасывали» перловку и манку, и тогда мама умудрялась приготовить какую-то еду. Потом пропало и это. Электричество, вода, газ и центральное отопление работали с перебоями. Москва изменилась, стала тёмной и малолюдной, только у железнодорожных вокзалов было столпотворение желающих уехать... Настоящая паника в Москве началась в середине октября, когда усилились бомбёжки, и всем стало ясно, что немцы пытаются окружить город, наступая на Солнечногорск, Крюково, Истру, Волоколамск и Калинин... Над центральным районом нависли громады аэростатов. Витрины больших магазинов были заложены мешками с песком. На Пушкинской площади и у Белорусского вокзала, на Стадионе юных пионеров и на поле ипподрома стояли замаскированные батареи зениток, на Ленинградском шоссе ближе к Соколу - противотанковые заграждения - ежи...

Но прорывавшиеся сквозь огонь зениток вражеские самолёты всё чаще сбрасывали на город бомбы, бомбы-зажигалки и листовки, в которых немцы уже объявляли день взятия Москвы.

По сигналу воздушной тревоги мы с мамой, захватив рюкзачок с самым необходимым, бежали в укрытие на станцию метро Белорусская. Брат с товарищами дежурили на крыше дома, гася и сбрасывая зажигалки. Позже их всех мобилизовали на уборку урожая в Подмосковье.

Мама моя, большая рукодельница, устроилась надомницей в художественную артель, где вышивали и изготавливали военные знамёна и вымпелы. Впоследствии, в 1943 году, она в одиночку вышила знамя польской дивизии имени Тадеуша Костюшко.

Наконец появились продуктовые карточки. По ним мы начали регулярно получать хлеб, сахар, крупу, а иногда и маргарин.

Маме изредка удавалось обменять кое-какие вещи на мороженую картошку или кусочек свиного сала. Однажды в артели вышивальщицам выдали по килограмму дрожжей, и мама умудрилась сделать из них паштет. До сих пор помню этот вкус.

Сложнее всего было с бабушкой, поскольку она была верующей, и маме постоянно приходилось её обманывать, что все продукты кошерные. По сигналу тревоги мы теперь никуда не убегали, а оставались с больной бабушкой, которую перевезли к нам. Во время бомбёжки наш старый дом содрогался и, казалось, покачивался от разрывов бомб. Осыпалась штукатурка, слышалась частая стрельба зениток. Мама, присев на кровать у ног бабушки, усаживала меня рядом на стул и, не переставая, о чём-то говорила, стараясь отвлечь наше внимание... Но всё равно мы с надеждой посматривали на чёрную радиотарелку на стенке, чтобы услышать это долгожданное: «Отбой воздушной тревоги!»

В начале декабря, когда в столицу прибыло сибирское пополнение и наши перешли в контрнаступление, немного полегчало: и бомбардировок стало меньше, и продукты по карточкам появлялись чаще.

В начале 42-го моего семнадцатилетнего брата призвали в армию и отправили на учёбу в противотанковое артиллерийское училище.

И хотя война продолжалась, мы, не уехавшие в эвакуацию ребята, играли в футбол, катались на коньках, прикрученных верёвками к валенкам, а иногда, рискуя жизнью, бегали под охраняемый Ваганьковский мост, куда приходили пустые товарные эшелоны с фронта, в надежде отыскать в вагонах порох, патроны, пистолеты, ракетницы. Затем устраивали целые сражения со взрывами и стрельбой, за что

неоднократно попадали в 63 отделение милиции, которое находилось на первом этаже нашего же дома. Иногда нам, пацанам, выпадала удача - почистить лошадиные стойла конно-спортивной школы «Пищевик», что была у нас во дворе. За выполненную работу каждому вручался большой кусок подсолнечного жмыха. Это казалось вкуснее любого пирожного.

И вот наступил 43-й год, который оказался для нашей семьи трагическим: похоронили бабушку, брат вернулся с фронта инвалидом 2-й группы, почти полностью потеряв зрение. Пришло известие, что семья деда, папиного отца, погибла в Бабьем Яру, мамин брат, который до войны жил вместе с бабушкой и ушёл добровольцем в московское ополчение, пропал без вести, другой брат умер в госпитале города Муромы после выхода из окружения...

За прошедшие с начала войны годы похоронки пришли на многих родных, близких и знакомых. Но в наш дом постепенно возвращались жильцы из эвакуации, инвалиды войны, изувеченные до неузнаваемости, и жизнь постепенно брала своё. Каждое новое победное сообщение Совинформбюро праздновалось сообща, каждая пришедшая кому-либо похоронка переживалась всеми.

Отец теперь чаще бывал дома, поскольку Наркомат вернулся в Москву.

И всё-таки, несмотря на все трудности, уже появилась вера в победу.

Помню, как все ждали открытия второго фронта. На совещание, которое происходило в помещении гостиницы «Советской», прямо напротив нашего дома, прибыли министры иностранных дел союзных государств. Я, мальчишка, по глупости сфотографировал некоторых, включая и Вячеслава Молотова, за что был арестован и только чудом освобожден. А ведь могла пострадать вся семья...

В Москве открылись коммерческие магазины, в которых продукты продавали не нормировано, без карточек, по цене в два раза больше обычной.

В середине июля 1944 года на стадион «Динамо» и на Московский ипподром согнали множество пленных немцев, и 17 июля их повели несколькими колоннами по Ленинградскому шоссе, по улице Горького. У Садового кольца часть пленных пошла направо, а часть - налево. Охраняли пленных конные и пешие красноармейцы.

Тогда я впервые увидел немецких солдат, офицеров и генералов. Я с братом и мамой стоял на тротуаре в толпе москвичей, в основном женщин с детьми да мужчин-инвалидов войны. Видел, как некоторые из женщин плакали. Глядел на гордо идущих впереди колонны фашистских генералов и удивлялся: почему их не расстреляли?

На мой вопрос, видел ли брат так близко немцев на фронте, он ответил, что так близко видел только немецкие танки с крестами. Уже потом узнал, что всех пленных развезли по лагерям.

Некоторые жили под охраной в казармах на углу Большой Спасской и строили дома на Беговой улице, Хорошёвском шоссе, и красивый «ажурный» дом у Скаковой аллеи.

Школы вскоре разделили на мужские и женские. И я перешёл учиться из 163-й в мужскую 146-ю, что была на Беговой улице.

Учась в школе, я начал заниматься в конькобежной секции Стадиона юных пионеров, где моим тренером был чемпион мира - Яков Мельников, хотя терпения моего надолго не хватило. Затем были шахматы и конный спорт, в которых я достиг больших успехов.

2 мая 1945 года пал Берлин, все ликовали, почувствовав, что ещё чуть-чуть, и война закончится. Но сводки передавали, что немцы ожесточённо сопротивляются...

Хорошо помню 9 мая 1945 года, когда в 6 часов утра знакомый голос Левитана зачитал по радио Приказ Верховного Главнокомандующего: «Великая Отечественная Война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена». Все соседи выбежали в коридор, обнимая и целуя друг друга, плакали и смеялись...

Не было только моей тётки, маминой двоюродной сестры, у которой погибли на войне все четыре сына, последний, младший, в конце апреля 45-го. В это праздничное утро она, потерявшая всякий смысл в дальнейшей жизни, решила покончить с собой. Мой брат вынул её из петли в самый последний момент. Только прожила она после этого всего два года...

Мама моя целый день то смеялась и радовалась как все, а то вдруг в её глазах появлялись слёзы. Да, плакали все! И никто не стыдился этого... Вечером мама надела своё довоенное платье, брат – ордена, и мы вчетвером вместе с отцом гуляли по улице Горького. Что там творилось - трудно передать! Незнакомые совсем люди обнимались и целовались, словно родные. Чужих не было! Изредка кто-то на радостях стрелял в воздух.

В небе, украшенном разноцветным фейерверком ракет, завис аэростат с ярко освещаемым прожекторами портретом Сталина.

Наконец загремел салют - 30 залпов из 1000 орудий... Вся страна и Москва ликовали!

А уже на завтра мы с пацанами устроили свой салют. Под окном милиции в выкопанную яму положили большую банку из-под американской тушёнки, полную пороха, накрыли её кирпичами и подожгли фитиль.

Шарахнуло так, что из стены посыпались кирпичи, милиционеры выскочили с пистолетами в руках. А нас всех опять посадили в милицию... Правда ненадолго. Мы же всё-таки победили!...

## ВОЗВРАЩЕНИЕ...

*Памят и моего шурина, Абрама Львовича Бараша,  
воспитанника 2-й арт иллерийской спецшколы, похороненного  
под Берлином, и всех его т оварищей посвящаю*

Весна нынче запаздывала.

Последние апрельские дни были ещё холодны, и ночной туман рассасывался медленно и нехотя.

Мальчишка в замызганных солдатских сапогах неслышно шагал по Арбату. Одетый в выцветшие гимнастёрку и галифе, он шёл не спеша, не чувствуя холода, по когда-то хорошо знакомой улице, с трудом узнавая её.

Как же все изменилось с тех пор, как он ушел на фронт!

Арбат теперь весь вымощен плитками, уложенными ковровым узором, исчезли тротуары, а с ними и шуршащие по асфальту троллейбусы. Яркий свет уличных ажурных светильников с трудом пробивается сквозь хлопья тумана, повисшего на ветках деревьев. В переулках изредка виднеются чудом сохранившиеся старинные особняки с уютными двориками, которые раньше создавали чарующий неповторимый арбатский колорит.

Нет больше дровяного склада на Молчановке, нет и Собачьей площадки, где мальчишками часами гоняли мяч. Да и самой Молчановки уже нет. Вместо неё какая-то широченная улица с высокими белыми, похожими на раскрытые книжки, домами по разным сторонам дороги, и мелькающие яркие рекламы на фасадах. Правда, церковь Симеона, что на углу Воровского, уцелела.

«А вот и родильный дом Грауэрмана, где я появился на свет. За ним, вдалеке, на другой стороне площади, кинотеатр «Художественный», Гоголевский бульвар. Ресторан на углу Арбата стал ещё красивее и выше, да и театр Вахтангова какой-то другой, недаром мама написала, что в него бомба попала, видно перестроили». Мальчишка неторопливо шёл по Арбату, с удивлением разглядывая город, а воспоминания тревожно



стучали в висках. Память, подсказывала, что где-то совсем близко, слева, должен быть тот Кривоарбатский переулок, где он когда-то жил с родителями, младшим братом и двумя сёстрами.

«Интересно, как они там без меня? Как мама?» – тревожился он. Наконец он нашёл знакомый переулок. Справа, за забором, стоит, как и раньше, необычный дом Мельникова, похожий на два соединённых цилиндра, а в окнах-шестигранниках горит свет.

«Может дядя Костя жив?! У него была пара чёрных пуделей! Их- то, наверняка, уже нет и в помине. А в том, большом доме, жил Папанин».

Чуть дальше, наискосок, мальчишка, наконец, увидел свой шестиэтажный дом.

«Так вот он, Кривоарбатский 19! Вовсе не изменился!»

Солдат с волнением взбежал на второй этаж, где была его квартира, и с изумлением застыл. «Почему фамилии на дверных табличках не те, совсем чужие? Где же они теперь, мои?» Рука застыла над кнопкой звонка. Понурился, мальчишка медленно побрел прочь.

Потом он ещё долго бродил по знакомым с детства переулкам - Плотникову, Серебрянному, Калашному, Староконюшенному... Бродил по своей юности... Откуда-то издалека ударили робкие солнечные лучи, и туман сразу исчез. По улицам торопливо шагали первые прохожие. Город оживал, наполняясь привычным шумом.

Наконец, мальчишка оказался на Кропоткинской и машинально повернул направо, в Чертольский переулок.

А вот и она, его последняя школа - 2-я специальная артиллерийская.

Сюда он поступил за два года до начала той страшной войны, когда не стало отца. Гордо, на зависть всем мальчишкам, носил военную форму со скрещенными стволами на петлицах.

Затем грянула война...

Ему было восемнадцать, когда он, лейтенант, закончив ускоренные курсы артиллерийского училища, ушёл на фронт. Потом были военные лихие годы - тысячи километров грязи, бомбёжки, обстрелы, госпиталя и смерть товарищей. Изредка приходили долгожданные треугольные письма-весточки из Москвы от мамы и с фронта от сестры, ушедшей добровольцем. 12 марта 1945 года он, вместе с близкими фронтовыми друзьями, отметил свой двадцать первый год рождения. А потом началась битва за Берлин, и наступило 29 апреля...

И, хотя память неумолимо старалась вернуть его в это военное прошлое, почему-то после этой даты он ничего не мог вспомнить, как не силился.

«Гимназия № 1529». Неужели он ошибся? Неужели это не его спецшкола? Ничего не понимая, мальчишка смотрел на свою бывшую школу. И тут на стене увидел

памятную доску с именами погибших воспитанников. И свое имя, а рядом дату - погиб под Берлином 29 апреля 1945 года. Чуть дальше, во дворе, стоял памятник: «Воспитанникам московских специальных артиллерийских школ, проявившим мужество и героизм в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.»

И тогда острая давняя боль напомнила о себе и охватила всё его существо. И сразу вспомнилось всё, всё до самой последней минуты...

Вся короткая жизнь пронеслась перед ним за эти мгновения. Только так и не узнал он, что с того давнего сорок пятого прошел уже не один десяток апрелей, что и мама, и старшая сестра, и брат уже где-то, где-то с ним рядом...

### **Послесловие**

В Москве перед войной существовало несколько артиллерийских специальных школ, куда принимали учащихся 7-8 классов обычных средних школ. Воспитанников готовили для поступления в артиллерийские училища, они были на полном пансионе, обмундированы в военную форму, но ночевали дома. В помещении, где когда-то размещалась 2-я артиллерийская спецшкола, сейчас открыта гимназия, и в ней работает музей, где можно увидеть фотографии и письма бывших воспитанников, а на фасаде здания висит памятная доска с именами тех, кто не вернулся с фронта.



**Ах, война, что ж ты сделала, подлая...**



**Иван Кудрин**

*Иван Анатольевич Кудрин родился в 1911 году в семье интеллигентов. Маленьким мальчиком остался сиротой. Воспитывался в детдоме в Ивановской области. После окончания института в Москве оказался в армии и почти сразу – в действующей армии. Прошел всю войну. Был контужен. После победы продолжал служить в Польше, Венгрии, Румынии. Здесь, в Румынии, встретил свою любовь. Но... девушку не выпустили в Советскую Россию. Позже преподавал в Московском инженерно-строительном институте и много путешествовал по стране. Знал несколько иностранных языков, любил и умел слушать оперу. Любил детей. С незнакомыми был скрытен и подозрителен. С друзьями щедр, внимателен, терпелив, но лишней откровенности и здесь себе не позволял. Говорил не много. Как оказалось после смерти, больше писал. Умер в 1975 году.*

## ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

После рождества, под Новый год, невольно приходилось думать о Виоле. Попросту о том, что она все еще жива и, пользуясь случаем, вновь даст знать о себе. С каждым разом это напоминание все больше отзывалось в сердце, давая повод новым угрызениям совести. Уже двадцать пять лет как перед рождеством в их квартире появляется эта пестрая открытка. Двадцать пять лет, как она не видела Виолу и знает о ней лишь то, что написано на листке острым, все более старческим почерком: «С благодарностью думаю о вас. Тетя Эрже».

Только в те годы она временно носила имя Виола. Впрочем, даже не очередной открытки боялась Ханна и не того, что Виола вдруг может заявиться к ним, – ее страшили неизменно повторяющиеся из года в год слова: «С благодарностью». Была ли то в самом деле благодарность или этим Виола хотела растревожить в них совесть, не давая забыть о себе? Может, в этом больше издевки или даже злобы?

Благодарность... Ее ведь выражают за сделанное добро. Но можно ли назвать добром то, что она сделала для Виолы тогда, в последнее военное рождество осажденного Будапешта? Может, то было, скорее, унижение? Этого она не знала, но на месте Виолы не чувствовала бы благодарности. Не могла бы ни забыть этого, ни простить. Одно успокаивало: в те времена ее поступок внешне и впрямь выглядел добрым делом. Кусок хлеба, тарелка супа. Или, как тогда у нее, – макароны с маслом, сдобренные сахарным песком.

Осажденный Будапешт накануне нового 1945 года... Охвачен пламенем Королевский дворец... Один за другим взрывают мосты через Дунай. В полыньях полузамерзшего Дуная, при свете пожара, как апокалиптическое видение,

отражаются фантастические тени псевдоготической молчаливой громады парламента. Безлюдны улицы, кое-где мелькают тени. Пустынность лишь кажущаяся. Миллионный город охвачен ужасом и мужеством, страхом и бесстрашием, трусостью и храбростью и, наконец, безразличием или, вернее, равнодушием. Но, как в пустыне есть оазисы, так и здесь, в тесноте узких улочек городского центра, не было слышно ни звука от артиллерийской стрельбы.

Завешены окна, закрыты жалюзи; здесь они были в безопасности, вся семья: ее вернувшийся, наконец, с фронта муж, двое сыновей. Была даже елка с разноцветными лампочками, установленная на вращающемся музыкальном ящике и сплошь увешанная яркими конфетами, бенгальскими огнями и серебристыми нитями. Под елкой лежали подарки, скромные, правда, но зато каждому отдельно; и хотя не было прежней парадности рождественских обедов ее матери, все же, по старому обычаю, было приготовлено двенадцать блюд. Стол был богат, в доме все цело, прибрано, нигде ни пылинки, даже окна чисто вымыты к празднику.

Мир и покой. Только позже она поняла, что тот покой был лишь обманчивым затишьем перед готовящейся бурей. Но тогда им хотелось забыть обо всем на свете, и они сидели, закрыв глаза и заткнув уши, не желая ощущать ничего, кроме этого расцветенного елочными огоньками мирного и солидно обставленного уюта.

Домработница внесла густой ароматный суп из куриных потрохов с клецками. И в это время зазвонил телефон.

- Слушаю, - проговорила она, не называя себя.
  - Ханнушка, это ты? – голос был незнакомый, уже немолодой, но не старый. Она промолчала.
  - Это Виола.
  - Я не знаю никакой Виолы, – она собралась повесить трубку.
  - Не клади трубку! – это был почти крик. – Я Виола. Подумай, Ханнушка, Виола, – и еще раз, настойчиво, умоляюще: - Виола. Разве ты не узнаешь моего голоса? Она снова сделала движение, чтобы повесить трубку:
  - Нет!
  - Подожди же! Подожди! Виола...
- И тогда она, наконец, узнала:
- Господи! – вырвалось у нее. - Так это...
  - Не называй меня! – оборвал ее голос.
  - Приходи к нам! – она сразу не сообразила, что говорит ей «ты». – Приходите к нам. Где вы? Далеко?
  - Я здесь, перед домом.
  - Так поднимайтесь. Мы ждем.

Боясь, что остынет суп, Ханна вернулась к столу и торопливо стала есть. Ни муж, ни дети не спросили, кто звонил и кого она позвала в дом. И тогда, в эту самую минуту, впервые возникло то неприятное ощущение, которое двадцать пять лет в каждое рождество не будет давать ей покоя. Черным ангелом спустилось оно на крутящуюся под музыку, сияющую огнями елку. Хоть бы не пришла!

Пусть бы где-нибудь... Но додумать не смела. Ведь это была тетя Эржи, та самая тетя Эржи, но, Боже мой, сквозь какую мглу забвения пробился ее голос! (Виолой она была по фальшивым документам.) Когда-то она была ее учительницей, сутулая, растрепанная, вечно куда-то спешившая старая дева, Эржебет Штюкер. Уже долгое время она была лишена права преподавать. Как-то в первый год войны они встретились на улице.

- Тетя Эржи! – та заметно обрадовалась. – Что я могу сделать для вас? – она как сейчас видит мягкую улыбку на некрасивом постаревшем лице.

- Ничего, Ханнушка, ничего.  
 - Но все-таки... – настаивала она.  
 - У меня все в норме, удалось найти несколько репетиторских уроков. Мне и отцу хватает. Нам ведь немного нужно.

- Ах, если бы я могла вам помочь! – настойчиво продолжала она.
- Право, ничего не нужно. Уж как-нибудь дотяну до конца.

Позднее она узнала, что тете Эржи и ее отцу, маленькому высохшему старичку, который всегда ходил в огромном, до пят, зимнем пальто с коричневым мехом, удалось избежать отправки в лагерь и где-то найти прибежище. И вдруг – этот звонок!

Домработница собрала тарелки из-под супа и принесла вареные потроха с овощами: морковь, петрушкой, сельдереем. Ханна выкладывала сельдерей на тарелку мужа, когда в дверь позвонили.

- Тетя Эржи! – Она впустила ее и быстро закрыла дверь, не увидев бы кто. Пренная тетя Эржи!

- Виола, - строго повторила та.
- Но ведь для меня....
- Для тебя тоже Виола. Для всех Виола.

Она начала раздеваться. Одежда на ней была убогая: лыжные штаны на коротких кривых ногах, насквозь промокшие резиновые тапочки, длиннущее отцовское пальто с коричневым мехом, какой-то мужской свитер и пиджак, голова повязана толстым платком.

- Скорее проходите, - подтолкнула она гостью в столовую. – Согрейтесь.  
 - Я с утра брожу по улицам. Потрогай ухо – зазвенит. Прямо в ледышку превратилась.

- Почему же вы только сейчас позвонили?
- Боюсь я всех.
- Но вы же знаете, что я...

Она не ответила, только криво усмехнулась. Потом сказала:

- Почему именно тебе я должна доверять? – это прозвучало немного обидно, но Ханна смолчала. Если уж ей не доверять, то кому же? Ведь они так давно знают друг друга. Но в то же время – в этом она призналась себе только гораздо позже – она радовалась, что тетя Эржи решилась позвонить только теперь.

Она прошла вперед, ведя гостью за собой. От спортивных тапочек на только что вычищенных коврах остались грязные следы.

- Фери, дети! – воскликнула она с излишним воодушевлением. – Это та самая учительница, о которой я вам столько рассказывала.

Никто не сказал, что она никогда не упоминала тетю Эржи.

Проглотив кусок, муж встал и представился:

- Очень рад, - произнес он и снова уселся. В тарелке еще осталось недоеденное.
- Это Фериико, – продолжала Ханна, – а этот шалун – Петер.

Оба мальчика, как и муж, хорошо воспитанные и усвоившие приличные манеры, встали, но, представившись, опять сели и принялись накладывать себе на тарелки: потроха и овощи, которых было вдоволь.

Виола снова улыбнулась:

- Это тебя, - она показала на Фериико, - мама привозила в коляске на встречу бывших выпускников?

- Да, его.
- Где же это было?
- А... В кафе на улице Ваца.
- Да, там, конечно! Как это я сразу не вспомнила.

Наступила пауза. Ангел пролетел над ними. Это был тот самый Черный ангел.

- Садитесь, пожалуйста, к печке, сюда, в это кресло.

- Промерзла я.
- Там хорошо, тепло.

Ханна вернулась к столу и что-то доела из овощей, оставшихся на тарелке. Домработница собрала тарелки и направилась к двери. Любезно улыбаясь своей кривой улыбкой, Виола съезжилась в огромном, не по ней, кресле и совсем утонула в нем.

- Красивая елка, - проговорила она.
- Она к тому же вертится и играет. А ну-ка, дети, быстро заведите музыку!
- И свечи есть, - прибавил муж.

Покачиваясь, елка начала вертеться, играя и горя огнями. «Тихая ночь, святая ночь!» Уже старый механизм, хрипя, поскрипывая и замолкая время от времени, проиграл незатейливую мелодию.

Разноцветные отблески играли на лице Виолы, еще в юности покрывшемся морщинами.

Домработница внесла огромную жареную индейку и к ней гарнир: рис с грибами, жареный картофель, салат и персиковый соус. Сначала Ханна положила мужу, затем детям. Себе выбрала кусок в последнюю очередь, она любила ножку. «Это самое сочное мясо!» – говорила обычно ее мать на рождественских обедах.

- А я так испугалась, – проговорила она, приступая к индюшачьей ножке, – какая-то Виола...

- Тебе-то, дорогая, чего бояться. - Виола прижала руки к печке, наслаждаясь ее приветливым теплом; под спортивными тапочками уже собралась небольшая лужица.

- Ну, все-таки, времена сейчас тяжелые.
- Для тебя? Для вас?

Она сказала это просто, без тени упрёка.

- Дорогая, - муж протянул тарелку, - положи еще кусочек грудинки. – И повернулся к Виоле: - Всем тяжело, госпожа учительница.

Черный ангел снова пролетел над ними. Все продолжали есть. Дети тоже несколько раз просили добавки. Он индейки на блюде лежали одни остатки, картофель перемешался с салатом, в салатнице тоже разгром. На столе – красивая белая скатерть (береженная, нигде ни пятнышка!), фарфор, оставшийся еще от бабушки, столовое серебро, хрустальные бокалы. И белое вино. Муж пил умеренно, в наступившей тишине слышно было, как он, время от времени, наполнял себе бокал. Детям тоже налили понемногу. Виола с улыбкой смотрела на них, она уже отогрелась в своем огромном кресле, но была все такой же маленькой и нескладной. Она еще нет-нет да и прикладывала руки к печке, хотя нужды в этом уже не было. Все медленнее крутилась елка, мелодия звучала все фальшивее, но все так же ярко горели электрические свечи. Взглянув несколько раз на Виолу, на ее равнодушное, застывшее в любезной улыбке лицо, Ханна оставила вилку и нож, взяла рукой неподатливую ножку и продолжала обгрызать мясо, понятия не имея, что еще надо делать и говорить. Улыбнулась в ответ на улыбку Виолы. Такая ободряющая улыбка часто может выручить и еще больше может скрыть. Расспрашивать учительницу не хотелось – а вдруг услышишь такое, что может вывести из душевного равновесия.

- Слава Богу, - сказала она, наконец, и позвала домработницу. – Значит, с вами все в порядке.

- Только у меня шея кровоточит, - безмятежно ответила Виола.
- Я имела в виду здоровье...
- Лучше не бывает.
- Замечательно. – Ханна засмеялась.

Домработница собрала тарелки и вынесла остатки индейки и салата. На буфете уже стоял наготове кремовый торт и два блюда с пирожными. Она не стала ждать, когда вернется домработница, поднялась и сама поставила все на стол. Положила каждому на тарелку. Ели молча: и муж, и дети, и она. Иногда улыбались Виоле,

утонувшей в огромном кресле. На ковре, под ее спортивными тапочками, была уже огромная лужа.

- Мне хорошо, – раздался в тишине голос Виолы. – Знаешь, Ханнушка, так хорошо тому, кого собираются резать.

Надо было возражать. Ханна отрезала еще кусок торта и положила мужу на тарелку.

- Да что вы! Если до сих пор удавалось...

- Ты права. Если до сих пор. Но после «сейчас», дорогая, обычно наступает «потом».

Опять тишина с Черным ангелом.

Мужчина закурил. Затянулся раз-другой. Потом встал с портсигаром в руке.

- Курите?

- С рождения, - ответила Виола, взяла сигарету и прикурила от протянутой зажигалки. После первой затяжки лицо ее чуть-чуть сморщилось.

Мужчина быстро сел обратно. Вошла домработница, собрала тарелки, расставила кофейные чашечки.

Виола слегка откашлялась:

- Крепкие.

- «Левенте», - сказал мужчина, - «Симфонию» уже не смогли достать.

- Мне все равно, мой отец много курит и меня приучил к этому.

- Ваш милый папа! – воскликнула Ханна и тут же пожалела об этом. К чему так восторгаться, ведь она едва знала его.

- Почему вы не взяли его с собой?

Виола улыбнулась и на этот раз.

- Мертвого не возьмешь.

- Как же это, тетя Эржи!

Виола коротко затянулась сигаретой:

- Уже неделя как умер, – выговорила она наконец. – Мы прятались на улице Кеве, у Пирошки. Знаешь ее?

Ханна, конечно, не знала, но все же кивнула.

- Пирошка Кочиш, вы вместе учились или, может, ты годом младше.

Ханна все равно не помнила.

- Говорила я отцу, чтоб не ходил на улицу, сама бы сбегала. Нужно было купить молоко, и мне не хотелось, чтобы все делала Пирошка. Но отец заупрямился. Знаешь этих стариков. Сказал, что все равно пойдет, а я, если так боюсь, могу пойти с ним. Он стал просто невыносим в последнее время. Очень любил ходить, бывало, устраивал большие прогулки в горы. А когда очутился у Пирошки – они и сами-то в тесноте жили, бедно, с тремя детьми – вечно заперт был в этом сарае, который и протопить-то нельзя по-настоящему, – неожиданно Виола повернулась к мужчине: – Можно еще одну сигарету?

Он тут же вскочил. Сигарета. Коробка спичек.

- Конечно. Пожалуйста. Не одну, берите еще.

- На один раз и одной достаточно, - ответила Виола. Закурила.

Мужчина снова уселся. Пили кофе. Виола все только улыбалась. А потом немного устало и как будто наивно продолжила:

- А потом оделся и пошел с чайником в руках. Я, конечно, выскочила за ним. Не пришлось даже до угла идти, где молочный магазин: молоко продавали прямо с подводы. Можешь себе представить, какая была толкучка. Мы тоже втиснулись, отец все топтался, нервничал. А тут еще повалил густой снег. Нам уже налили молоко, когда подошел патруль. Позднее я узнала, что облава не миновала и дома Пирошки. Забирали вообще всех, кто им казался подозрительным. Я хотела спрятаться, стала заталкивать отца поглубже в толпу, думала, не заметят. Но тут один из штатских, сопровождающих



патрульных, крикнул что-то (не помню что, да и не могу и не хочу вспоминать), вытащил отца из толпы и отпихнул его к тем, другим, а я...

До этого она говорила спокойно, но тут ее голос изменился. Не плач, не смех, а какое-то сдавленное рыдание послышалось в нем.

- А я невольно отпрянула назад, сжалась в комок, затерялась в толпе. Не побежала за отцом, не вытащила его оттуда, бросила, потому что в ту минуту страх за себя пересилил во мне все. В этом было что-то животное, унижительное, но я не в силах была пошевелиться. Потом я убежала и еще раз увидела отца на заснеженной дороге под хлопьями падавшего снега. Он шел, не оборачиваясь, глядя только вперед. Я знаю, он не хотел, чтобы конвоир заподозрил, будто у него остался кто-то позади, не хотел и на меня навлечь беду. Потом из-за снега их не стало видно. Я принесла домой полчайника молока, поставила его на стол и села. Долго не могла прийти в себя. Поверите ли, Ханнушка, мне казалось, что кто-то чужой сидит на моем месте. Я почти видела эту незнакомку, которая стала вдруг мной. В это время послышались автоматные очереди, недалеко, где-то возле Ракошпатака. Я еще посидела немного, потом оделась и вышла. Я ничего не сказала, рано или поздно начнут искать меня и найдут. Только молоко оставила, чтобы оно зря не пропало. Эти полчайника молока им очень пригодятся.

Все четверо сидели неподвижно. Черный ангел уже не летал, а кружился, как внезапный порыв ветра в майский день. Вдруг Ханна зевнула во всю ширь своих прекрасных губ, с опаской, как бы не хватил паралич челюстей и не обезобразил ее наподобие Урсуса (внезапно она вспомнила прочтенный ею по рекомендации тети Эржи роман В. Гюго «Человек, который смеется»). Ее муж тоже зевнул, но в более деликатной форме, не опасаясь последствий.

Фери и Петер, как и подобает благовоспитанным и примерным мальчикам, повторили зевки, но уже в элегантном виде, в ожидании материального стимула. Однако его не последовало. Тогда младший из мальчиков поднялся и завел музыкальный механизм. Красивая елка снова засияла и, покачиваясь, завертелась, рассыпая вокруг душистые иголки.

- Оставь, – мать вскочила и оттолкнула сына. – Оставь.

Но елка все крутилась и сияла огнями.

- Ну что вы, тетя Эржи, почему обязательно умер? Может, еще отыщется.

- Я видела, – сказала Виола, – там, на берегу. – И... и...

Ханна не хотела спрашивать, все равно вышло бы глупо. И всё же спросила:

- И что с тех пор?..

Домработница начала собирать кофейные чашечки.

- Я голодна, – безмятежно сказала Виола.

- Голодна??!!

Крик замер у Ханны на губах. Голодна! Ей это и в голову до сих пор не пришло. Голодна!

- А я? Ах я скотина! – Повернулась к домработнице и крикнула на нее, словно та была виновата: - Катерина! Поесть что-нибудь уважаемой госпоже. Скорее, скорее!

Домработница ждала, что велют принести. И тогда произошло то, что она вот уже двадцать пять лет не может ни забыть, ни простить себе. Она спросила вот что:

- Вы любите макароны с сахарным песком и маслом, тетя Эржи?

- Люблю, сейчас я все люблю.

Она молниеносно обернулась к домработнице:

- Подогрей и быстро принеси вчерашние макароны, там еще осталось на одну тарелку.

Уж эти макароны с маслом! Хорошо, что теперь есть, куда их деть, не надо отдавать кошкам, не надо выбрасывать; они никогда не ели вчерашнего, даже капусту. При этом она знала, что могла бы пригласить Виолу к праздничному столу или хотя бы

сейчас могла предложить ей что-нибудь другое, например, того же густого супа. Его еще много осталось. Не съели они и шестикилограммовую индейку, половина лежит в леднике. Остался и торт, и пирожные. Она знала также, что муж и слова не сказал бы против. Но сейчас муж промолчал, сделав вид, будто его это не касается. Так они защищали что-то: себя, свое спокойствие, безопасность – все, что в эти тяжелые, смутные времена означало для них полную кладовку и доверху забитые ледники.

Виола быстро и жадно ела ложкой посыпанные сахарным песком макароны.

- Вкусно, – сказала она. – Только вот едва теплые.

Ханне хотелось надавать себе пощечин, но вместо этого она заорала на домработницу:

- Я ведь велела подогреть!

- Оставь, – успокаивала ее Виола.

Рот ее был полон макарон, то, что не влезало, она двумя пальцами проталкивала внутрь, слизывала с губ сахарный песок. Ела торопливо, давясь и задыхаясь. Домработница попыталась взять у нее миску, но она вцепилась в нее всеми десятью пальцами:

- Оставь!

Сидя возле печки, в глубоком, теплом кресле, обеими руками держала она жестяную суповую миску и ела. Ела ложкой и прямо руками, ела эти чуть теплые сладкие остатки, и уже облизанными пальцами собрала из пустой миски прилипшие кое-где сахарные крупинки.

- И так тоже хорошо, – сказала она, – чуть тепленькие...

Потом собралась, попрощалась и вышла. Все четверо стояли, словно онемев, никто не пытался задержать гостью. Виола была уже в передней, когда Ханна бросилась за ней и помогла надеть отцовское пальто с коричневым мехом.

Едва удержалась, чтобы не поторопить... да, пусть приходит как можно скорее, вот хоть завтра. Каждый день может приходиться, они не боятся и... Но больше ничего не сказала. Виола ушла.

С тех пор она не видела ее. Никогда и не говорили ни о ее визите, ни о том, что Виола вообще существовала и существует. Только в дни рождественских праздников приходилось вспоминать о ней, когда приносили пеструю открытку, на которой все более старческим почерком было написано: «С благодарностью думаю о вас. Тетя Эрже».

**Ах, война, что ж ты сделала, подлая...**



**Зинаида Кокорина**

## «ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОЖИТОМ»

В 2011 году исполняется 87 лет Владимиру Васильевичу Маркину – председателю Совета ветеранов Московской области ДОСААФ-Росто.

Когда у человека за плечами багаж прожитых лет, да ещё, если вся его жизнь насыщена такой активностью, с какой прожил В.В.Маркин, ему есть чем гордиться и чем поделиться. Вот так и появилась эта, не большая по размеру, но с большой судьбой книга В.В.Маркина «Воспоминания о прожитом».

Посвящена она дочери Ирине. Я держу в руках ещё пахнувший типографской краской переплёт и вижу её автора – бравого полковника с очаровательной улыбкой и задорными глазами, от сияния которых, кажется, светятся на груди ордена!



В этих наградах – эпоха не лёгкой судьбы человека с радостями, горечью потерь и разлук, борьбой, победами и стремлением быть полезным Родине.

Детство начиналось в тридцатых годах прошлого века, в селе Воронцово Старожиловского района, в *краю белоствольных берёз...*

В семье тружеников-колхозников было тринадцать детей. Отсюда и полуголодное детство, и полунищета, и раннее начало трудового пути ( с 15 лет). Но в те далёкие годы детства он об этом не задумывался, учился хорошо, *бегал, чтобы не опаздывать* в школу за семь километров.

Вступление в комсомол - неповторимое чувство: *быть «на седьмом небе» от счастья, быть гордым, что ты живёшь в СССР, что ты-патриот!*

Конец учёбы в восьмом классе – начало войны... Первые самолёты с фашистскими крестами, первые убитые и раненые. Враг продвигался быстро.

В числе 25 человек Владимир Васильевич был отправлен для рытья противотанковых рвов около станции Хрущово, в 12 километрах от Сторожилово. Страна готовилась к отпору. *Мы были уверены, что война быстро закончится* «...И на вражьей земле мы врагов разобьем малой кровью, могучим ударом». Так пелось в песне. *Все мальчишки стремились попасть на фронт, чтобы успеть внести свою лепту в разгром германских войск.* Старшему брату, оказавшемуся на передовой в 1942 году, оторвало ногу. Его комиссовали. *Наконец-то пришло и наше время: в конце 1942 - начале 1943 года были призваны на войну все деревенские ребята.*



*Творческий вечер с В.В. Маркиным  
(Л. В. Полякова и В.В. Маркин)*

О том, что было перенесено за годы войны, можно писать повесть, всё свежо в памяти. Сразу попал в Благовещенское пулемётное училище под Уфой. Быстро освоил устройство пулемёта «Максим», того самого, из которого стреляла легендарная Анка-пулемётчица в фильме «Чапаев». В июне 1943 года, присвоив звание младших сержантов ( вместо лейтенантов), всех прибывших с Владимиром ребят отправили в район Ворошиловграда (ныне Луганск) в 350-ю стрелковую дивизию, 1180-й стрелковый полк. *Наконец-то мы едем на передовую!* Омрачало Владимира только то, что рядом не было лучшего друга Коли Гусева. Он тяжело заболел и находился в медсанбате.

Какова же была радость, когда ночью из-под нар вылез друг *в кальсонах и рубаше. Он сбежал из лазарета, боялся, что без него война закончится.* На станции Ворожба Киевской области была объявлена остановка на 40 минут. У каждого бойца было по две рогатки. На них вешался котелок с водой. Когда вода закипала, туда засыпали концентрат (гороховый или пшённый), и через пять минут суп или каша готовы.

В то время бойцам ещё выдавали по комплекту тёплого белья на осень и зиму. По совету бывалых фронтовиков, *продайте мол, до зимы не доживёте: убьют или ранят,* Николай предложил Володе, чтобы тот сбежал на базар и продал белье, пока готовится обед. Возвратившись, Владимир обнаружил друга мёртвым: в земле под котелком лежала мина, на которой и подорвался одноклассник *Николай Гусев.*

*И вот мы, бойцы 1-го Украинского фронта, на передовой.* Самой трудной частью военной операции «Освобождение Украины» было форсирование Днепра. Тогда Владимир получил первое боевое крещение.

*Солдаты вплавь, кто на брёвнах, кто на понтонах или других подручных средствах, форсировали могучий и широкий Днепр. Не все доплыли до другого берега: кто захлебнулся, кого достала немецкая пуля, а кто и вовсе не умел плавать. Вода в реке была тёмно-красного цвета и уже довольно холодная (стоял сентябрь). Разрывались снаряды, свистели пули. Но я с тремя «товарищами по бревну» примерно через час благополучно достиг другого берега и оказался в деревне Раковицы Киевской области. Мы так продрогли, что не могли даже разговаривать. Но вскоре нам стало ой как жарко! Здесь шли ожесточённые бои – немцы пытались загнать наши части обратно в воду... После форсирования Днепра многие бойцы не находили своих частей и сражались где придётся. С вечера началась подготовка к бою... Рано утром, на рассвете, немцы пошли в атаку...*

Владимир с напарником были у пулемёта и находились за пехотой, которая залегла впереди. Вдруг пехотинцы начали отходить. Растерявшись, пулемётчики не знали, что им делать. *Пулемёт весил 32 килограмма, да в придачу пять дисков с патронами. Бросить пулемёт на поле боя - это подписать себе приговор в штрафной батальон... Пересилив страх, я закрепил свою боевую машину и открыл огонь по немцам: вправо-влево, вправо-влево... Когда увидел, что напарник упал замертво, такая ярость меня охватила, что я обо всём на свете забыл; не чувствовал уже ни страха, ни боли, ни усталости; одна мысль стучала в воспалённом мозгу: отомстить за боевых товарищей... Опомнился, лишь когда на меня свалился здоровенный немец. Увидев недалеко от пулемёта «костыль», которым прибивают рельсы к шпалам (*

*непонятно, каким образом он там оказался), я схватил его и со всей силы ударил немца в висок... После этого Владимир долго находился в шоковом состоянии, а потом пехота снова пошла в бой. Это сражение было выиграно. Позже командир дивизии, который наблюдал за сражением, представил Маркина к награждению... Лишь в 1959 году, будучи уже в звании подполковника, он получил орден Славы 3-х степеней.*

Война продолжалась. В.В. Маркину пришлось участвовать ещё во многих сражениях, но тот первый бой навсегда остался в памяти со всеми мельчайшими деталями.

В ноябре 1943 года он получил тяжёлое ранение и был доставлен в город Дарница под Киевом. Оттуда, не без приключений, в санитарном поезде был эвакуирован в город Чебаркуль Челябинской области. В госпитале с Владимиром произошёл памятный (*курьёзный*) случай. После ранения он часто терял сознание и однажды услышал, как врач говорил медсестре о нём, что *этот не жилец, скоро помрёт*. При Маркине был мамин крестик, которым она благословила сына, провозжая на войну со словами, что он спасёт в трудную минуту. Будучи контуженым, он не мог разговаривать и после услышанного о себе жестами объяснил солдатам, чтобы его похоронили с крестиком. Какое-то время Владимир находился без сознания, *а очнулся от слов: «Несите его в мертвецкую». Сознание моё настолько взбунтовалось, что прорезался голос: «Куда вы меня несёте?!» Санитары от неожиданности выронили носилки. И смех, и грех... С тех пор быстро пошёл на поправку, а врач всё удивлялся такому чудесному воскрешению.*

В марте 1944 года Маркин попал в батальон выздоравливающих в Челябинске. Он вспоминает, как был поражён, когда увидел в бане рабочих челябинского тракторного завода, который выпускал танки Т-34. *Это были скелеты, обтянутые кожей, напоминающие пленных из концентрационного лагеря. Вот так тяжело жили в тылу, да ещё создавали грозное оружие: Всё для фронта, всё для победы».*

После войны В.В. Маркин решил связать свою судьбу с армией. Поступил в Киевское артиллерийское училище им.С.М. Кирова в звании старшего сержанта. После окончания училища попал в Центральную группу войск. Оттуда – в Венгрию, в дивизию... В 1959 году попал в ракетные войска в Камышине Сталинградской области (ныне Волгоградской), был послан на учёбу в Ленинградскую авиационную академию, которая готовила ракетчиков. Возвратился с учёбы уже полковником. Закончил службу В.В. Маркин в 1975 году в звании полковника. *Отдыхать не в моём характере.* Далее началась работа в должности заместителя по технической части школы ДОССААФ в Стрые. Школа готовила для армии водителей тягачей АТТ и АТС (артиллерийские тягачи тяжёлые и средние), а также шофёров всех категорий. В 1979 году вступил в должность начальника Московской областной морской школы ДОСААФ (МОМШ).

Умение наладить дисциплину в коллективе, желание дойти до сути, поставить начатое дело до высшего уровня и многие другие качества, не позволяющие расслабиться ни себе, ни другим, закрепили за В.В. Маркиным статус человека, ответственного за своё дело. В настоящее время работает начальником учебного центра Российской оборонной спортивно-технической организации РОСТО.



*Ольга Бут*



## ПТЕНЦЫ БЛОКАДЫ

Затеплилась надежда в уголочке,  
где нет тепла, и стены так углы.  
Котенка серого прижавши к щечке,  
со щепкой, запеленатой в платочек,  
сидела девочка.  
Глаза её светлы.

А где-то там сверкает и грохочет,  
и мамы нет и старшая сестра  
ушла куда-то.  
Сполз с ноги чулочек,  
котенок испищался – кушать хочет.  
(Да и сама, ужасно голодна!)

Глаза закрыв,  
(уснуть бы! так теплее)  
и палец пососав,  
(живот болит),  
от страха лишь немного поревела,  
потом, чуть слышно носом засопела:  
глядишь,  
уж тихо, безмятежно спит.

Что снилось им тогда, птенцам блокады?  
Наверное, что вот, войне конец.  
Отец живой,  
сестра и мама рядом  
и дом, не изувеченный снарядом,  
и петушок на спичке.  
Леденец...

*Александр Сухих*



## ПОСЛЕВОЕННЫЙ СОНЕТ

*...Медаль засветится, звеня...*

И. Нехамес. *Свет медали*

Дана мне жизнь фронтовиком –  
Он выжил в той войне.  
Я вскормлен скудным молоком,  
Что памятно вдвойне...

Вкусили мы пайковый хлеб,  
Запрет на огород,  
Коров-кормилиц гнали в степь  
Под нож – в колхозный рот.

В чумазом детстве был я рад  
Дешевым леденцам  
И, чтоб услышать звон наград,  
Носил пиджак отца.

Бои и плен, и слава их  
Клокочет в нас, и плачет стих...

## ЖИВЫЕ ВЕТЕРАНЫ

*Личное впечатление с мероприятия ко  
Дню Победы, состоявшегося у Камня  
Памяти в парке подмосковного города*

Искривлены, иссушены, печальны –  
они сидели из последних сил,  
всеобщей суеты не замечая, –  
лишь огонек в глазах – победный – жил.

Привычные слова текли с трибуны  
(заучены они в десятках лет).  
Почти не отзывались в душах струны  
у тех, кто сохранил нам этот свет.  
Звучало то, что вписано в программу.

... Закончено – взлетели ввысь шары.  
Пристойно доиграли мелодраму –  
легли на постамент цветы-дары.

Когда-то обещали им машины,  
теперь – квартиры: что ж не обещать.

Они встают и распрямляют спины –  
смерть на пути, её осталось ждать.

Кто в силах – ветераны – остаются,  
пытать их будет песнями концерт,  
и каждый может завтра не проснуться,  
не оплатив лекарственный рецепт...

Глаза мои под темными очками  
наполнены бессильем близких слез...

Под музыку вальяжными шагами  
начальство разбредется стадом коз.

*Юлия Вихарева*



## РАЗГОВОР С СЫНОМ

Здравствуй, мой сынок, моя  
кровиночка!  
Добралась сюда я чуть живой,  
Заросли к тебе пути-тропиночки  
Сорняком да буйною травой.

Дождь нам помешал с тобою  
встретиться:  
Лил четыре дня, как из ведра.  
А теперь природа так и светится, -  
На тепло и солнышко щедра.

И распелись птахи сумасшедшие!  
Слышишь, как щебечут там, в лесу? Без  
гостинцев нынче я пришедшая...  
Вот, букетик простенький несусь.

У меня, родимый, всё по-прежнему,  
Только стала я совсем стара.  
Всё молю я Господа с надеждою:  
Мол, мне с сыном встретиться пора.

Вот, бывало, выйду на крылечко я,  
Коль не спится от сердечных ран,

И смотрю подолгу, как над речкою  
Предрассветный стелется туман.

А в тумане этом враз представлятся  
Два любимых и родных лица...  
То твои черты с небес мне явятся,  
То вдруг мужа - твоего отца.

И зайдётся дух, и закачается  
Всё передо мной, хоть волком вой!  
Как же так на свете получается,  
Что живу солдатскою вдовой?

Всё, что было лучшего, украдено,  
И печали нет моей конца:  
Внуков повидать судьбой не дадено  
Матери погибшего бойца.

Разворчалась... Помолчу, пожалуй, я...  
Знаю, по-другому ты б не смог.  
...А денёк и впрямь сегодня жалуется, -  
Дал с тобою свидеться, сынок.

**ПРОЗА**

**Владимир Борисов**

(МОССАЛИТ, Москва)



**ВАНЬКА-ДУРАЧОК**

...Откуда-то сверху, из-под темного заросшего лишайником и мхом черепичного конька древнего собора Notre-Dame de Paris, на заснеженную мостовую, гранитные парапеты, влажные от тающего снега, на сонные черные волны равнодушной Сены точно также равнодушно взирала старая кошка неопределенной полосато-пятнистой масти, длинная и необычайно худая. Ее короткие заостренные уши нервно подрагивали, улавливая шорох подошв о хлипкий влажный снег, чуть слышное женское пение, приглушенный кашель мужчины.

*«Tombe la neige.*

*Tu ne viendras pas ce soir.*

*Tombe la neige.*

*Et mon coeur s'habille de noir.*

*Ce soyeux cortege,*

*Tout en larmes blanches.*

*L'oiseau sur la branche*

*Pleure le sortilege...»*

(отрывок из песни С. Адамо «Снег идет»)

Кошка приподнялась с нагретого места, безбоязненно выгнула спину, широко и беззвучно ощерила пасть и, бросив последний взгляд в темную пропасть снежной круговерти, протиснулась сквозь щель слухового окна в теплую чердачную ночь.

Разлапистые и крупные, словно ненастоящие, пушинки, лениво покачиваясь, опускались на крутые истертые ступени моста, старательно прикрывая две цепочки следов, неверные и неуверенные, ярко чернеющие на белом нетронutom снегу...

1

Копытова Ивана в селе иначе, как Ванькой-дурачком, и не величали. За глаза конечно, а все ж таки обидно, наверное. Трудно сказать, отчего и когда прилепилась эта нелюбезная кличка к, в общем-то, вполне нормальному, работающему мужику, но прилипла она к нему основательно, не хуже чем родная кожа. Посмотришь, у иного и забор завалился, и избенку вбок ведет, да и сам он маму родную с похмела не узнает, а все равно, уважение:

- Здравствуйте, мол, товарищ Кузякин. Наше вам, Илья Кузьмич. Как ваше ничего, гражданин землемер?

А здесь, хоть издохни, хоть в лепешку расшибись - один хрен, все не слава Богу, все как-то не так, все не как у людей. Одним словом, раз Ванька-дурачок, значит, и поступки у него непременно дурацкие, и нечего тут из кожи лезть, что-то кому-то доказывая. Глупость все это, глупость и безнадега. Народ, он не зря гегемоном

обзывается: раз сказал, что Иван - дурак, значит, дурак. Сиди на попе ровно, сиди и не рыпайся.

...После окончания ПТУ вернулся Иван в родное село, устроился механиком-наладчиком молочно-доильного оборудования и вот уже лет двадцать, двадцать пять как беспрерывно трудится бок обок с коровками да доярками. Из последних, кстати, и жену себе отыскал - Варьку. Баба, хоть и неверная, погуливать еще до замужества любила, однако же, попивала не в пример своим сверстницам довольно умеренно, да и в теле имела приятную припухлость. Добрым был Иван мужиком, простодушным да легковверным, словно ребенок малый, тем более что из сирот (родичи его по пьяни в степи замерзли), вот и клюнул на первую попавшуюся, что сообразила раньше других ноги раздвинуть. Очухаться не успел, глядь, а уж несостоявшаяся еще тещенька его сыном называет да в баню дочку свою вместе с ним, ровно женатиков каких, париться приглашает. Оженившись да годок другой в примаках помыкавшись, Копытов стал, похоже, еще добрее и мягче душою, чем до брака. Варьку, бабу свою, к примеру, Иван никогда не бил, даже и подвыпив, да что там бабу, он, болезный, у самой распоследней паршивой овцы, перед тем, как горло ей лезвием располосовать, иной раз около часу прощения выпрашивал, хотя, кто знает, быть может, именно из-за этой его не по-деревенски доброй души и ходил Ванька в дурачках деревенских. Кто знает...

Руки у Копытова, однако, росли оттуда, откуда нужно: электродоилки и прочее оборудование по отсосу молока и отгребанию коровьего дерьма работали как часы, без простоев и поломок - оттого и колхоз их родной, что по бумагам как «Красный луч» значился, всегда в передовых по сдаче молока числился. И, надо полагать, именно из-за этого немаловажного фактора и сам Ванька, и супружница его Варька всегда премии получали, иной раз и немаленькие. Что, впрочем, только лишний раз работало против старательного механика-наладчика.

- Вон, Ванька-дурачок, опять полтора за квартал хапнул, а ты что, хуже его? Или только водку жрать умеешь? Лапоть хренов! - справедливо негодуя, выговаривала иной раз соседская баба своему мужику, вырабатывая у последнего бессознательную злобу к ни в чем не повинному Ивану.

При коровнике, длинном одноэтажном кирпичном здании, в комнатухе с дощатыми дребезжащими стенками, что расположилась прямо под лентой, по которой практически целый день бежали перемешанные с истоптанной соломой коровьи экскременты, именуемые иначе навозом, и расположилась небольшая мастерская дежурного механика. Вроде бы и плюнуть некуда, от силы метров пять квадратных комнатуха, а, гляди ж ты, все на местах, как положено. В углу примостился жирно, с потеками крашенный голубой краской старенький холодильник, рядом - верстачок с огромными тисками, косо прикрученными к его деревянному углу. Тут же расположился и кое-какой инструмент, аккуратно разложенный на промасленной газете. Пол, хоть и земляной, но аккуратно выметенный, разве что не блестящий - кто не знает, вообще за бетонный принимает. Возле холодильника невесть каким чудом умудрился Иван впихнуть засаленный диван с круглыми подлокотниками.

А на стене, над верстаком, любовно прищипленная ржавой канцелярской кнопкой, страница с фотографией, вырванная из какого-то старого журнала. Надпись, чернеющая под, несомненно, талантливым снимком гласила: «Мост Сен-Мишель. Париж. 1918 год. Мастерская Эжена Атже».

Чем привлекла Ивана эта фотография, неизвестно, но любил он ее ровно родного дитя (которого, кстати, так и не случилось по причине первого, еще девичьего, Варькиного аборта) и готов был часами рассматривать черно-белый снимок, постоянно открывая для себя все новые и новые детали, запечатленные мастером. Вот и сейчас, покачиваясь на грубо сколоченном табурете, далеко от себя отставив испачканные в масле руки, Копытов, бросив на снимок усталый взгляд (как-никак, а смену уже

отпахал), заметил, что в левом углу, чуть пониже большой, выступающей буквы N, зазмеилась чуть заметная трещинка.

- А вчера, кажись, и не было ее?- засомневался Иван и даже привстал, прищурив глаз, зеленый и вьедливый. – Неужто за ночь образовалась!?- удивленный мужик хмыкнул и, позабыв про грязные руки, почесал кудрявые, в легкую ржавчину волосы. Минут через сорок, когда, худо-бедно отмывшись теплой, отдающей железом водой, расчесанный и уставший, возвращался Иван домой темными, скудно освещенными проулками, перед взором его все еще стоял кусочек старого Парижа, запечатленный на фотоснимке: каменная глыба старинного моста, размытая редким, ненашенским снежком и одинокая женщина в длинном плаще, стоявшая у гранитного парапета. Усталая и до жуткой очевидности одинокая.

Одиночество женщины (скорее всего, дешевой уличной кокоетки), стоявшей на берегу неведомой Ивану реки, отчего-то делало ее в глазах Копытова более русской, что ли, почти что своей...

- Потерпи, одинокая, - улыбаясь, прошептал Иван, прикуривая мятую сигарету, привычно сплевывая горькие крошки табака. – Завтра я на сутки выхожу. Так что утром встретимся...

И до того хорошо у него было на душе, что даже светлая заплатка чьей-то рубахи, опрометью метнувшаяся в ночи прочь от Ванькиного дома, не смогла испортить ощущения этого странного, большого счастья.

- Что ж ты Варька, блядь-то такая, неугомонная?- удивляясь бабьей глупости, пятью минутами позже напрасно спрашивал растерянную, расхристанную, супругу Иван. – Да неужто так уж плохо, тебе, бедолага, со мной живется, что ты, дура, даже график моего дежурства вызубрить не захотела? Что ж ты позоришь меня, Варька? Невтерпеж, что ли, в самом-то деле?

Иван еще раз оглядел притихшую на диване, полную и растрепанную женщину, бесцельно разглаживающую на теле короткими пальцами холодно-скользкую шелковую ночную рубашку, вздохнул и, переборов жуткое желание смазать жене по дряблым, трясущимся ее щекам, пошел на кухню убирать следы вечернего застолья.

Увядавшие перья темно-зеленого лука, хлебные крошки и расплюснутые о консервную крышку окурки сгребал Иван со стола влажной тряпицей, нimalo не переживая, кто же на этот раз, в его отсутствие, проверял упругость пружин Иванова дивана, купленного, кстати, совсем недавно, на майские. Если еще лет пять-десять назад его мужицкое воображение, подогретое ревностью и ползающими по селу слухами, рисовало отвратно-гнусные картины Варькиного совокупления с любым из односельчан мужского пола, то теперь, когда в судьбе Копытова появилась та самая одинокая парижанка, приступы ревности как-то сами собой сошли на нет, оставив вместо себя легкое презрительное недоумение.

- Зачем ей все это? И когда же она наконец-то перебесится, ведь не девочка уже давно? - размышлял Иван, расставляя перемытую посуду на проволочной сушилке. Удовлетворенно окинув взглядом аккуратно прибранную кухню, Иван прошел в комнату. Варька, погасив свет, мирно посапывала, довольно натурально изображая спящую. Из-под якобы случайно отброшенной простыни матовой округлостью светилась голая задница его супружницы. В иные годы, по молодости, подобной хитростью Варька частенько получала у отходчивого мужа прощение. Невесело хмыкнув, Копытов прикрыл простынею женины прелести и, не понижая голоса, проговорил сухо и убежденно:

- Еще раз попадешься, уйду из дома.

В теплой, пропахшей белым квасом, старой пыльной кошмой и потным женским телом комнате, повисла плотная ночная темнота, лишь изредка прерываемая легким Варькиным похрапыванием.



Варька продержалась почти четыре месяца...

Почти под самый новый год Ивана Копытова пригласили в город на праздничную конференцию животноводов области, наградили наручными часами и разноцветной грамотой, напечатанной на плотной, глянцевой бумаге. После торжественной части всех приглашенных и награжденных зампреда облизполкома лично отвел в расположенный по соседству с домом культуры ресторан «Заморские дали №2», рассадил по утвержденному списку и, выпив на ходу рюмку водки и пожелав животноводам дальнейших успехов, скрылся на служебной машине в морозной снежной дымке.

Иван, мужик практически непьющий, довольно быстро наелся и от нечего делать решил прогуляться по периметру главной городской площади. Вот тут-то и попалась ему на глаза небольшая конторка, чуть ли не конура, над дверью которой висел красочный транспарант лиловой гуашью: «ГОРЯЩИЕ ПУТЕВКИ ПО ВСЕМУ МИРУ».

Что бы отбить водочный дух изо рта, Иван зажевал пару колючек голубой ели, растущей поблизости, и, сплюнув зеленью на грязный затоптанный снег, смело вошел в турагентство.

– Милая, мне бы, что-нибудь поближе к Парижу, – попытался отвлечь от разглядывания глянцево поблескивающего журнала сиротливо сидящую на потрепанном стуле молодую лупоглазенькую прыщеватую девицу Копытов. Деваха, не отрываясь от журнала, швырнула на стойку перед самым Ивановым носом небольшую книжицу с утопающей в огнях Эйфелевой башней и надписью: «Четыре незабываемых дня в городе влюбленных» на мятой ложенной обложке.

Копытов поспешно раскрыл буклет, но дорогого сердцу моста среди фотографий не заметил, отчего набылчился и уже довольно грубо поинтересовался:

- Ну, и сколько по нынешним временам стоят четыре дня в городе влюбленных?

Прыщеватая барышня пальцем с ноготком, украшенным облезлым черным лаком, молча царапнула в самом низу брошюры.

- Ах, еб тебя! – не удержался сразу же полностью отрезвившийся мужик. - Да это же столько телка хорошая стоит! Вы что, совсем ку-ку!?

- Это вы ку-ку! - наконец-то выродила девица. – Нам ваши телки совсем без надобности. Скажите спасибо, что путевки мы реализуем горящие, а то, боюсь, вы и с быком бы распрощались.

- А что тебе бык!?! - завелся невесть от чего Иван. - Что тебе бык, дорогу перешел? А ты его, быка этого самого, хоть раз в жизни кормила? Подстилку проссанную ему по холоду меняла? А дерьмо ты за ним убирала? Нет!?! Вот то-то!

Иван так же резко остыл, покраснел и бочком, бочком направился к двери. В углу на стуле, уронив журнал на пол, с открытым ртом сидела девушка и полными слез глазами смотрела то ли на разбушевавшегося Ивана, то ли на огромного быка, вот-вот готового появиться среди снежной, колючей круговерти за дверью.

- Ты прости меня, девочка, как тебя там? Прости. Не знаю, что это на меня нашло? Прости. – Иван распахнул дверь и почти бегом ринулся прочь. Да и пора уже было: автобус, подслеповатый и мятый, залепленный ошметками снега, уже торчал возле автовокзала.

- Прости! - прокричал он на бегу, спеша забраться в теплое, пропахшее бензином и овчиной нутро автобуса.

- Мне до Долгой! Один! – Копытов протянул кондуктору квелую купюру и, присев возле окна на жесткое сиденье, принялся высчитывать что-то в столбик, записывая цифры на заиндевевшем окне.

Дома Ивана встретила холодная тишина, нетопленная печь и тоскливое мычание недоенной коровы. Наскоро обтерев вымя Ласточки, Копытов умело и споро сдоил молоко в звящее оцинкованное ведро и, оставив его в сенях, поспешил на ферму.

В комнатухе его, на диване, с расстегнутой ширинкой, пустив на щеку клейкую слюну, похрапывал зоотехник-практикант, тщедушный паренек лет двадцати пяти, присланный из городского техникума на зимнюю практику. Варька сидела, раскачиваясь, на верстаке, совсем голая с наброшенной на полные плечи засаленной телогрейкой и, уставившись на вошедшего супруга пустым взглядом ничего не понимающих глаз, с трудом пыталась что-то выговорить. Может быть, даже и повиниться...

- Я же тебя предупреждал, сучка, – облегченно выдохнул Иван и, освобождено хохотнув, презрительно шелкнул прокуренным пальцем Варьку по крупному носу и вышел, не оборачиваясь.

Редкие по случаю новогодней ночи проезжающие машины светом фар выхватывали из снежной темноты странную до нереальности картину: по обочине дороги в сторону города шел улыбающийся мужик в коротком полушубке с зеленым дерматиновым чемоданом в руке. Следом за ним с философским равнодушием понуро брела пестрая корова, изредка помахивая заиндевелым хвостом.

Провожая взглядом проезжающие мимо него машины, Иван недовольно морщился, словно их надсадный шум мешал его нескончаемой беседе с той, которая, несомненно, ожидала его возле чужого заснеженного моста.

## 3

Иван сидел на отчаянно холодной и мокрой ступени, подложив под сидалище дерматиновый свой чемодан, сидел почти возле самой воды, с тоской осознавая всю глупость случившегося. Полупустой чемоданишко, расплющенный задницей Копытова, подозрительно скоро промок, и Ивана, основательно продрогшего, била крупная дрожь. Сигареты закончились, да и курить-то здесь, практически под мостом, на промозглом сквозняке, особого желания у Ивана не было. Хотелось согреться, выпить горячего чаю с клюквой или, на худой конец, водки. А еще хотелось домой, в родное село. В теплый коровник, где тяжело и грустно вздыхают разномастные телки, твердо перебирают копытами откормленные производители и жалобно мычат телята-первогодки. Хотелось к непутевой и, наверное, давно уже нелюбимой Варьке. Группа его уже покинула Францию (Иван вчера тайком сквозь частую решетку ближайшего к гостинице сквера наблюдал, как туристы под вечер грузились в автобус, направляющийся в аэропорт), и что теперь ему делать без документов и денег он, откровенно говоря, не представлял.

Черная как смоль вода Сены, при одном взгляде на которую становилось еще холоднее и неуютнее, чуть слышно хлюпала о серый гранит, хлюпала подозрительно музыкально. Ивану даже показалось, что сквозь шорох этих холодных волн, он может разобрать какие-то слова, а то и целые фразы...

... *«Tu ne viendras pas ce soir,*

*Me crie mon desespoir*

*Mais tombe la neige,*

*Impassible manège.*

*Tombe la neige.*

*Tu ne viendras pas ce soir.*

*Tombe la neige.*

*Tout est blanc de desespoir*

*Triste certitude,*

*Le froid et l'absence,*

*Cet odieux silence,*

*Blanche solitude».*

- совсем отчетливо услышал Иван у себя за спиной, и, все еще словно сомневаясь, он медленно, страшно медленно повернулся на голос.

Невысокая, худощавая женщина с несколько высоковатыми скулами, в светлом плаще и коротких сапожках с опушкой, промокших и даже, кажется, слегка стоптанных, стояла, опираясь на длинный зонтик-трость, ступеней на пять-шесть выше оторопевшего мужика и внимательно, смотрела на него, легко и устало улыбаясь.

- Ты все ж таки пришла, одинокая? А я, дурак, уже начал сомневаться... А ты пришла...

Он встрепенулся, узнавая ее, ту, с фотографии, с кем разговаривал так часто...

- *Quel est le problème, mec? Vous vous sentez mal?\** – проговорила она негромко и, спустившись на несколько ступеней ниже, приложила ко лбу Ивана узкую и прохладную ладошку.

- Да ты что, родимая? Ты думаешь, я заболел? Вот уж нет! Копытовы все крепкие к холоду. Родичи мои вот тоже в свое время... - он вглядывался в лицо женщины посветлевшими, повеселевшими глазами и губы его, потрескавшиеся и от холода посиневшие, непроизвольно растянулись в счастливую улыбку.

- А я знал, ты слышишь, родная, я знал, что ты придешь... Я знал...

- *Je vous invite à son. Vous avez juste besoin d'obtenir sec et chaud ... Je vous svara café\*\**, - негромко и неуверенно проговорила незнакомка и, повернувшись к Ивану спиной, начала подниматься наверх, туда, где гранитные балясины и перила моста чернели на фоне серо-снежного, утреннего неба.

Копытов зажмурился и, спихнув в воду дерматин, по его мнению, ненужного более чемодана, неловко спотыкаясь на мокрых ступенях, поспешил за ней...

На пустынную набережную, что возле моста Сен-Мишель, тихо опускался крупный, нереально крупный снег, старательно прикрывая черные цепочки следов... Влажные и неверные...

...»*Tombe la neige.*

*Tu ne viendras pas ce soir.*

*Tombe la neige»...*

---

*\* Что с вами? Вам плохо?*

*\*\* Я приглашаю вас к себе.*

*Вам просто необходимо обсушиться и обогреться...*

*Я сварю вам кофе...*

## ГРОЗА, или «ПО ТУНДРЕ, ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ»...

*«По тундре, по железной дороге  
Мчится поезд Барнаул – Воркута.  
За железной решеткой там сидят христиане  
И под грохот колес тихо гимны поют»...*

1

..Гроза выдыхалась. Все реже и реже сполохи молний освещали мертвым светом серые, набухшие дождем буденновки вековых елей и гранитные утесы, подступающие почти к самой железнодорожной ветке. Все реже и реже, все слабее и глуше в темном низком небе слышались раскаты грома, да и холодный, безжалостно полирующий шпалы ливень сошел на нет, уступив место нудному, бесконечному осеннему дождю.

Возле чернеющих горбатых конструкций моста, переброшенного через безымянную северную реку, в небольшой дощатой будочке маялся из-за непогоды и отсутствия курева часовой.

- Стоять, мать твою так! - ленивый окрик служивого и сухой металлический звук передернутого затвора карабина остановил странную, насквозь промокшую фигуру заросшего бородой мужика.

- Кто таков? Документы! – часовой нехотя выбрался из спасительной будки и, накинув глубокий капюшон брезентухи на голову, направился к неизвестному.

Тот безбоязненно, смахнув широкой ладонью капли с лица и широкой бороды, приподнял черную, линялую, тяжелую от дождя рясу и, покопавшись в кармане штанов, протянул солдату сложенную вчетверо замызганную бумажонку. Часовой вернулся в будку и, подсвечивая себе электрическим фонарем с бледно-желтым неверным светом, медленно по слогам прочитал представленную странным прохожим справку об освобождении.

- Значит, говоришь, Остапов Василий Иванович, статья пятьдесят восьмая, дробь десять, - бросил пренебрежительно часовой, презрительно рассматривая мужика в промокшей рясе. – Враг народа? Поп, никак?

- Да. Сто шестнадцать пополам, - глухо и устало подтвердил тот. – Вот, возвращаюсь домой. В Чебаркуль... Да, пожалуй, что и поп. Только из бывших.

- А что ж пешком? - лениво поинтересовался часовой, возвращая священнику бумажку. – Согласно этой справке, ты имеешь право на проезд до станции Челябинск-товарная.

- Право-то имею, гражданин начальник, что верно, то верно, да только вот с поездами беда. Там, на станции сейчас такое столпотворение, что не дай Бог. Так что я уж как-нибудь пешком, по шпалам. Думаю, скорее получится. Да и воздухом хочется вдоволь надышаться.

- Неужто в Соликамске не надышался? Там, почитай, такая же тайга.

Часовому разговор со священником явно наскучил, и он спрашивал уже просто от нечего делать, по инерции.

- Там другой воздух, совсем другой, - Остапов вдохнул волглый, прохладный воздух, настоящий на дожде, лиственнице и мазуте. – Там несвободой пахнет, гражданин начальник.

- Ладно, иди, хрен с тобой. Там, на другом берегу, тоже часовой стоит, но ты не бойсь, я ему сейчас звякну. Пропустит.

- Спасибо вам, гражданин начальник. Пойду я, - священник слегка поклонился и вновь засеменял по блестящим шпалам. Его широкая в кости фигура уже давно растворилась в ночном мраке, а часовой в своей будке все смотрел ему вслед, напряженно размышляя, сколько же теперь, после смерти товарища Сталина, вернется домой врагов народа, шпионов и диверсантов.

А Остапов, уже позабыв про часовых на мосту, все шел и шел на запад, навстречу чуть заметному дрожанию рассвета.

Вдруг черную мокроту предрассветного мрака распорол луч света железнодорожного прожектора, и мимо отошедшего в сторону священника, попердывая горячим паром на подъеме, прошел паровоз, из последних сил тащивший состав из груженных гравием открытых платформ и нескольких столыпинских вагонов с решетками на окнах.

Пахнуло мочой, карболкой и неволей. Из последнего вагона под ноги Василия Ивановича упал небольшой треугольник – письмо. Священник нагнулся и, привычно оглядевшись по сторонам, подобрал бумажку. Не читая (да и как ее прочтешь-то в такой темноте) сунул в карман...

- Странно, - пробормотал Остапов, провожая взглядом уходящий состав. – Сталин умер, а эшелоны все идут и идут. Хотя, может быть, это и просто уголовники...

Уже даже рельсы перестали подрагивать под далеко ушедшим поездом, а Остапову все слышался, а быть может, и казался негромкий надтреснутый удаляющийся голос неизвестного заключенного певца.

*... «По тундре, по холодной Сибири  
За правду Божью наших братьев ведут.  
А когда на свободе, мы их снова увидим,  
Будем радостно Бога, мы опять прославлять»...*

Хотя нет, вряд ли уголовники, скорее баптисты. Бывший зэка улыбнулся наивным словам песни и вновь пошел по шпалам. Неожиданно небо с сухим фанерным треском словно расколосось надвое, и ярко-белая молния с шипеньем и шелестом проползла по соседнему гранитному утесу.

– Наверное, рудой богат, утес-то, железом, - подумалось священнику, а память уже отбросила его далеко назад, за высокий дощатый забор с колючкой поверху, в барак для политических.

## 2

...Дверь, обитая заиндевелым войлоком, распахнулась от пренебрежительно-хозяйского пинка молодого, чисто одетого уголовника, и в барак с клубами плотного белого пара проник пронизывающий зимний холод. Уголовник, длинный и худой словно глист, на расслабленных ногах прошелся по только что вымытым полам барака и, заметив стоящего на коленях с тряпкой в руках Остапова, дурковато улыбнулся, всплеснув руками:

- Так вот вы где, отец родной, прячешься!? Бросайте вы свою тряпку, заканчивайте шнырять и срочно со мной в воровской барак. Ждут вас, батюшка. Долгонько уже ждут.

Шнырь приподнялся, с сомнением осмотрел барак и качнул головой:

- Боюсь, сейчас никак не получится. Мне еще часа полтора по полам с тряпкой ползать. Как-нибудь в другой раз.

- Да ты что, падла, хреново понял!? Тебя Ваня Мрачный самолично зовет. Исповедаться желает. Иди, говорит, Мотыль (меня, между прочим, Мотылем кличут) и без попа не возвращайся.

«Глист» пренебрежительно медленно опрокинул ведро с грязной водой, присел на ближайšie нары, закурил беломорину с замысловато согнутым мундштуком и, выпустив сквозь ноздри сизоватый дым, продолжил:

- Ты что ж думаешь, фраер, тебя твоя профессия убережет, если что? Нет, милый, для ножа все равны, будь ты поп или, положим, директор склада. За директора, пожалуй, даже больше дадут, чем за тебя, точно больше.

- Но поймите же, наконец, – священник присел рядом с уголовником. – У меня же ничего нет, кроме рясы, все остальное еще четыре года назад изъяли, при первом шмоне. Ни аналоя, ни евангелия, ни даже креста. Какая там исповедь!?

- Не канючь, отец святой. Крест ребята для тебя уже выплавили. Свинцовый. Надевай скорее свою шкурку и почапали. Ваня Мрачный шутить не любит.

Остапов в сомнении посмотрел на немытые полы, на опрокинутое ведро и расплесканную воду, уже побелевшую от холода и, махнув устало рукой, направился к своим нарам. Сдернув к изголовью потертое байковое одеяло, священник стянул с расплющенного, в просанных кругах матраса темную простенькую повседневную рясу и, аккуратно свернув ее, направился вслед за выходящим из барака уголовником.

Выпавший под утро снег, словно кокетничая, прикрыл желтые вензеля мочи на высоких отвалах и под ногами скрипел противно и озлобленно.

- Что за странная фамилия у вашего Ивана? Мрачный. Я бы даже сказал зловещая фамилия.

Протоиерей едва поспевал за ходко идущим уголовником. Тот обернулся пораженно, словно удивляясь человеческому скудоумию, но все ж таки ответил:

- То не фамилия, фраерок. То - погоняло. Ну а то, что мрачный, так, я думаю, коли тебе, отец святой, когда доведется корешком своим подзакусить, то у тебя обязательно характер попортится, гадом буду, попортится.

- Так он что – людоед!? - священник остановился и даже оглянулся назад в сторону своего недомытого барака.

- Ага. Вроде того, - хохотнул мужик и, прихватив пальцами священника за пуговицу бушлата, поторопил, – ты керя, копытами-то пошевеливай. Мне из-за тебя отвечать впадлу. Ты мне никто, ты мне даже и не родственник. Так что давай скоренько.

Воровской барак встретил вошедших плотным, влажным теплом. Возле раскаленной до малиновой искры буржуйки аккуратной стопочкой лежали, подсыхая, березовые полешки. На коленчатой ржаво-черной трубе попеременно с поджаренными сухарями сохли носки и добротные портянки. Промороженные оконные стекла исходили крупной слезой. Пахло подгоревшей корочкой и потными ногами. Несмотря на самый разгар рабочей смены, большинство нар в бараке было занято отдыхающими мужиками. Кто-то спал, кто-то играл в секу, кто-то маленькими звучными глотками пил чифирь.

- Хорошо тут у вас, тепло, - с легкой завистью пробурчал Василий Иванович, снимая с головы ушанку и осматриваясь. – Хорошо.

- Тебе туда, поп, - Мотыль подтолкнул священника в спину в сторону дальнего угла барака, где за деревянным столом сидели самые авторитетные люди, а сам, растопырив покрасневшие пальцы, почти прилип к буржуйке.

Уже на подходе к столу Василий Иванович заметил лежавший на нем крест. Да и трудно, честно говоря, его было не заметить: большой и толстый, он поблескивал свежим, не закислившимся покамест свинцом, с искусно вырезанным ликом Спасителя.

- Крест. Настоящий крест, - умилился священник и на миг с болью зажмурил глаза, словно боясь, что случайно увиденный им символ православной веры вдруг пропадет, растворится в горячем спертном воздухе барака. - Крест, – выдохнул Остапов коротко и, отбросив последние сомнения, двинулся вперед, к сидевшим за столом мужикам.

### 3

...Дождь прекратился, тучи унесло куда-то в сторону, и утреннее багровое солнце нехотя выползло из-за утеса, поросшего корявой сосной. Промокшие шпалы закурились еле заметным, прозрачным паром, а капли дождя засверкали на рельсах ртутными шариками.

- До чего же хорошо! - прошептал бывший зека и, присев на скрученный в узел корень поваленной сосны, блаженно застонав, вытянул уставшие ноги.

Железнодорожная ветка в этом месте бежала почти по самой кромке высокого каменистого обрыва, на почти отвесных скалах, которого лишь кое-где виднелись чахлые, кривые сосенки, умудрившиеся своими корнями зацепиться за мельчайшие трещины в красном, заросшем лишайником граните. Глубоко внизу, где скалы переходили в каменистые осыпи, тайга вновь раскидывала свои богатые, нечесаные, темно-зеленые волосы, лишь кое-где приукрашенные серебристыми лентами полноводных сибирских рек да легкой рыжеватостью тронутых осенью берез.

Чуть впереди, километрах в трех, возле извилистой речки, притулилось древнее, судя по старинной церквушке, сельцо. Отсюда, с высоты, сельцо это казалось до того чистеньким и ухоженным, что хотелось поставить его на ладонь целиком, вместе с домами, палисадниками, церковью и озерком, и любоваться, ровно маленькой, изящно выполненной безделицей-игрушкой. Василий Иванович разулся и, подставив лучам



осеннего солнышка красные усталые ступни, откинулся и прижался костлявой своей спиной к подсыхающему шершавому стволу дерева. Забытое Богом глубоко в Сибири село постепенно просыпалось: чуть слышно разносился картавый петушиный крик, из печных труб кое-где заструились жидкие дымки, да крошечные черные фигурки мужиков-непосед засуетились возле столь же крохотных лошадей и телег. Село не торопясь просыпалось, а Остапов, напротив, столь же неуклонно и верно засыпал, улыбаясь и зябко подергивая натруженными ногами...

...- Ну, что улыбишься, отец святой? - тяжело и словно с трудом проговорил один из сидевших за столом мужиков. – Нравится крестик? Бери. Твой. Две ночи Абраша его резал. Вон, сейчас законно отсыпается. - Мужик неопределенно дернул тяжелой кудлатой головой куда-то в сторону и вновь впери в шныря-священника смурной взгляд полинялых светлых глаз. На столе, кроме креста, стояло большое алюминиевое блюдо, почти тазик, доверху полное отварного рубца. Над шершавой бледной поверхностью переваренного желудка кучерявой неряшливостью клубился пар, горячий и необычайно вкусный. Вечно голодному священнику с трудом удалось отвести взгляд от этого невесть какими путями попавшего за лагерную колючку лакомства.

- Есть хочешь? Бери, не стесняйся, - один из сидевших за столом уголовников придвинул блюдо к Остапову. Тот отрицательно мотнул лобастой головой. – Спасибо большое за приглашение. Не могу, к сожалению. Среда. Великий пост.

- Ну, как хочешь, святоша. Наше дело предложить, твое – отказаться, - усмехнулся вор и, выхватив из блюда большой кусок отварного рубца, урча, словно крупная кошка, впился в него зубами, темными от чифиря.

- Брезгуешь или в самом деле нельзя? - вяло поинтересовался до сих пор молчавший мужик в чистом бушлате. Лицо уголовника, неподвижное, словно маска вечной скорби, составляло необычайно резкий контраст с его руками, длинные узловатые пальцы которых двигались поразительно быстро и живо. Длинная заточка сверкающей змейкой все быстрее и быстрее вращалась в этих чутких и ловких пальцах, завораживая взгляд Василия Ивановича, и вдруг словно вырвалась на свободу и, стремительно взлетев под самый потолок барака, ринулась вниз, вонзившись в толстую доску стола в миллиметре от креста. Не только священник, но и товарищи Ивана Мрачного (а то, что перед ним именно тот, кто вызвал протоиерея в воровской барак, у Остапова не было ни малейшего сомнения) со страхом смотрели на эту все еще тонко вибрирующую заточку.

- В самом деле нельзя. Среда сегодня. Пост.

- Ну, да и хрен с тобой, не ешь, - легко согласился Мрачный, лениво рассматривая Остапова. – А исповедать меня сегодня сможешь или тоже скажешь - нельзя? Садись, поп, в ногах правды нет, – Иван кивнул священнику на табурет, стоящий возле ближайших нар.

Василий Иванович поблагодарил его взглядом и присел напротив людоеда. - Смогу. У меня нет евангелия. Впрочем, нет и епитрахили, но ее можно заменить чистым полотенцем. У вас, Иван, найдется чистое полотенце? И, пожалуйста, уберите со стола мясо.

Через несколько минут по разные стороны чисто протертого стола сидели два человека. Они сидели, смотрели друг другу в глаза и казались со стороны старинными приятелями, даже как будто чем-то схожими меж собой, и лишь циничные, горькие, глубокие складки на лице Ивана Мрачного, его многочисленные татуировки на руках да слезы ужаса и отвращения, застывшие на ресницах и в спутанной бороде заключенного-священника, вещали громче всяких слов, кто из них кем был. Кто убийцей, вором и насильником, а кто священником, по большому счету, невинной жертвой страшного того времени.

- Ты пойми меня, поп, - уголовник громким шепотом, горячим и несвежим дыханием, словно огнем обжигал плачущую душу протоиерея. - Пойми, да если бы не глаза его сучьи. Если бы он, падаль дешевая, каждую ночь ко мне не являлся, да на хрен я бы тебя к себе позвал? Нужно больно. Всегда вас, бездельников божьих, недолюбливал... Ну а тут, тут что-то словно сломалось во мне. Спать не могу, блядь буду, не вру. Каждую ночь со страхом ожидаю: наперед знаю, что вот только глаза закрою, а он уже тут как тут. Улыбается, гнида, плачет, на коленях ползает, сучара!.. Э, милый, да ты никак спишь?

- Нет, Иван, не сплю я... Я плачу, - прошептал горько священник и проснулся.

## 4

Рядом с ним на высохших уже и теплых рельсах сидела, удивленно разглядывая его большими, в пол-лица, зелеными глазищами, девчонка лет десяти, в застиранном голубоватом платице и длинной, с чужого плеча вязаной кофточке. - Ты кто, девчонка? - закашлялся священник. - Откуда ты здесь?

- Я? Я Катя из Каменок. Тех, что внизу, а вот ты кто такой!? - поинтересовалась девчонка, сбросила с ноги разбитый коричневый ботинок и несколько раз саданула им по рельсам.

- Камушек попался, пока сюда забиралась, - сообщила она доверительно и, обувшись, старательно завязала на двойной узел обрывок шнура. При этом она непроизвольно высунула кончик розового острого язычка и даже, кажется, покусывала его голубовато-белыми зубами.

- Ну что, дяденька, так и будем продолжать в молчанку играть? – старательно проговаривая каждое слово в явно где-то услышанной фразе, поглядывая на мужика, выдала девчонка неожиданно, да настолько неожиданно, что Остапов, хрюкнув, зашелся хохотом, и, нечаянно соскользнув с корня, чуть было не ухнул вниз с обрыва.

- Ну, ты, Катя, и фрукт! - вытирая слезы, сказал он девчонке, отдышавшись. - Еще чуть-чуть - и поминай как звали. С такой высоты упасть – костей не соберешь.

- Это уж точно, - согласилась та, не глядя в пропасть. - Здесь в прошлую зиму дрезина с рельс сошла, так дед говорил, что даже колеса в трещину пошли. Да-а. А обходчика, который на ней ехал, так и не нашли.

- Ну, а здесь-то ты что делаешь?- Остапова все более и более забавляла беседа с этой говорливой девчонкой, словно общение с ней отогревало его давно и накрепко замерзшую в сибирских лагерях душу.

- Да мамка меня в Царево послала. За священником. Деда моего, когда он в тайге шишковал, рысь знатно порвала. Помирает. Мамка говорит, иди в Царево (это село такое, от нас километров в десяти будет), пошукай священника. Мол, дедушке неохота помирать без этого, как его...

- Без покаяния, наверно? - подсказал Василий Иванович, любуясь девчушкой, мысленно сожалея, что ему, нестарому еще мужику, так, наверное, и не придется хоть раз, хоть кого-то назвать своим сыном или дочерью. Матушка, то бишь, супруга его венчанная, Евгения Петровна, уже на сносях была, когда ее вместе с ним прихватили. Он-то, отец Василий, хоть и крепкий был мужик, да и то на рудниках этих соляных чуть не загнулся, а Женя слабенькая была совсем. Худенькая. И разрешиться толком не сумела, да и сама меньше чем за полгода сгорела. Даже до лагеря, говорят, не добралась. Где-то в тюремных подвалах и умерла. Ему тогда оказией малява пришла, записка, то есть, с воли, мол, скоротечная чахотка Женечку его прибрала. Дескать, почти и не мучилась. За пару недель ушла. Хорошо, кабы так, а если врут? Если насмерть и ее, и чадо в утробе забили? А что? Очень даже и просто.

Матушка, хоть и слабенькая внешне была, но вот чего-чего, а веры Христовой в ней иной раз поболее, чем в нем, протоиерее главного в Чебаркуле храма Господня,

наблюдалось. Иной раз в спорах богословских они с матушкой до утра проводили... Да. Было...

Остапов очнулся, выбрался из крепких пут воспоминаний и вдруг с удивлением обнаружил, что девчонка эта, все говорит и говорит, не переставая, и что он сам ей невесть что отвечает. Бывает же!

... - Так вот, я тебе и говорю, дядя Вася. Ну что тебе куда-то идти, в какой-то там Чебаркуль? И кто там тебя ждет? А у нас с мамкой дом большой, хороший, под железной крышей. Коровка есть, Милкой кличут. Опять же поросята. Их мама называть именами запрещает, говорит, чтобы не привыкала к ним. Их скоро резать будут. А уж курей-то, Бог знает сколько. Словно воробьев. Заодно и над дедушкой помолишься. Жалко деда - он добрый и меня никогда не обижал. Ну что, пойдем к нам? А то в Царево когда я еще дойду? Да и ботинки промокли, тяжелые, ужас как.

Катя смотрела на бывшего зэка зеленью своих глаз с такой надеждой, а от описания ее с мамкой дома веяло таким теплом и уютом, что Василий Иванович неожиданно для себя самого поднялся, подошел к девчонке и, взяв ее за руку, проговорил неуверенно, словно все еще в чем-то сомневаясь:

- Ну, что ж, пойдем, помолимся за твоего дедушку, хотя, если честно, я уже и не думал, что когда-нибудь снова... А-а, чего там... Пошли, Катя, пошли.

Он поднялся и, опершись о ствол корявой этой сосенки, почувствовал вдруг странный необычайный прилив сил, какой он испытывал разве что после крещенских купаний в проруби на озере Чебаркуль. Он шел за девчонкой в полинялом платъице, вязаной кофточке и старых разношенных ботинках, непрестанно и оживленно что-то ему рассказывающей, умиленно смотрел на ее тонкие загорелые ножки и веточки рук, шел по черным просмоленным шпалам навстречу осеннему солнцу, навстречу новой своей судьбе.

## 5

... - Ты что, отец святой, расплакался? Я ж тебе ничего еще и не рассказал: как, что, почему?

- Разве? - вытер слезы Остапов и внимательно всмотрелся в безжизненную пустоту черных глаз уголовника. - Скажите, Иван. А это правда, что вы человека съели? Неужто, правда!? Да неужели подобное возможно!?

- А ты как думаешь, поп, каково это по весне с зоны ноги делать? Это только, кажется, что тайга проснулась и в ней всякой живности, как в гастрономии на прилавках. Хрен тебе! Без ствола, с одной заточкой, уже через неделю копыта отбросишь. На брусничных листочках особо не побегаешь, вот и приходится фраерка какого с собой прихватывать в качестве телка на веревочке. Как сухари закончатся, так и дни его, телка, значит, тоже закончились. Иначе нельзя. Человеку кушать надобно. Кушать.

- Ну, а тот, кого вы телком называете, он как, он с вами добровольно в бега уходит? Неужто об участи своей совсем не догадывается?

Мрачный взглянул на протоиерея презрительно, хотел, похоже, грязно выругаться, но передумал и лишь дернул твердыми буграми желваков на скулах.

- А кто ж его спрашивать станет, фраерка этого, хочет он со мной бежать или не хочет? Обычно телка начинают загодя, с зимы подкармливать, хлебца ему побольше, иной раз и масла со сгущенкой. Чтоб, значит, к весне помягчее да пожирнее мяско нагулял. Если он не полная дрянь и сука последняя, то, конечно, все поймет, от допайки откажется и к весне попытается куда-либо заныкаться: в лазарет, к примеру, или, допустим, в БУР за злостное нарушение режима. Ну, а если мужичонка хлипкий попадет, на желудок слабенький (ну, вроде мово), то все на «авось» спустит - и жрать будет, и потом как-нибудь попытается с пера соскочить. Но ты-то знаешь, отец Василий, что Бог не фраер, его на арапа не возьмешь, он правду завсегда увидит.

Остапов вскочил. Пальцы правой руки, сжимающие свинцовый крест, побелели и задрожали.

- Ты! Ты... Ты хотя бы сейчас имя господина не положи. Не тебе, нехристу, о боготе разглагольствовать. Не тебе!

- Да ты что, шпионская твоя морда, раскричался? - уголовник хмыкнул, криво ухмыляясь сочными, необычно красными губами. - А ну-ка, сядь, прижми хвост. Братву не нервируй, а то, не ровен час, сам на перо как миленький напорешься. Тебя позвали грехи мои отпускать, а не морали читать. Тоже, мать твою так, Макаренко выискался. Сядь на место, кому говорю! А то, что я нехристь, так это вообще враки. Вор всегда при кресте ходит. Зырь, сучара!

Он в рывок распахнул чистенькую рабочую куртку, и Остапов увидел, что по центру безволосой, странно вогнутой груди Ивана струилась старательно выколотая цепочка с небольшим крестом. По правую и левую стороны от креста друг на друга внимательно смотрели два профиля: Сталин и девица с пухлыми, капризно оттопыренными губами...

Священник несколько успокоился, вновь сел за стол и проговорил, разглядывая искусно вырезанное в свинце лицо Иисуса:

- Нет, Иван, Макаренко вам уже не поможет... Поздно. А что до отпущения грехов, то нет, нет, к сожалению, сын мой. Поймите, не тот исповедует грех свой, кто сказал: «согрешил я», и потом остается во грехе, но тот, кто обрел грех свой и возненавидел.

Василий Иванович вздохнул, поцеловал крест, перекрестился и продолжил, устало прикрыв глаза дрожащими веками:

- Постарайтесь осознать, Иван, что во время исповеди сам Христос стоит между священником и грешником, и именно он, Спаситель наш, а не служитель церкви решает, отпустить человеку те или иные прегрешения или нет. И именно Христос сейчас через меня, своего жалкого раба, говорит вам: нет, нет тебе, сын мой, пока отпущения грехов твоих. А кошмары твои, что являются к тебе во сне, это еще не повод для отпущения грехов. Это быть может только начало твоего выздоровления. Подождем еще. Посмотрим, что дальше будет. А там, кто знает... Бог милостив... Подождем.

- А ты не боишься, отец Василий, что я сейчас глазом моргну, и тебя на ремешки такие же, как я, грешники располосуют? Не боишься? - Иван Мрачный приподнялся на локтях и в упор с каким-то страшным нездоровым интересом уставился на побледневшего священника.

- Зачем лгать? - проговорил, поднимаясь из-за стола протоиерей. - Конечно, боюсь. Но уж лучше я совсем брошу свою службу во славу Божию, чем отпущу грехи такому человеку, каким вы являетесь сегодня. Прощайте, Иван. Прощайте.

Остапов перекрестился и направился к двери, спиной чувствуя взгляды десятков глаз.

Словно крахмал в щепотке, скрипел снег под ногами неимоверно уставшего священника, с громким шуршанием вырывался белый плотный пар из его рта, но Василий Иванович, как ни странно, совсем не чувствовал холода, как впрочем и того, что к его бессильно сгорбленной спине прилипла насквозь промокшая ряса.

6

*«...В неволе вы не падайте духом.*

*Мы вместе с вами создаем Божий дом.*

*Хоть тяжка ваша доля и хоть слезы прольются,*

*Но Христова свобода ждет борцов впереди»...*

... - Слушай, Катя, а ты откуда песню эту знаешь? - пораженный священник даже приостановился, заслышав ее в исполнении девчонки.

- А-а-а, протянула Катька и, не оборачиваясь, махнула рукой. – Это все дедушка. Он как кедровой настойки нанюхается (и зачем он ее нюхает?), так эту песню и поет. Правда, не всю, а только вот этот куплет, - девчонка фыркнула и, перешагнув через рельсы, направилась к еле заметной тропе, тонкой рыжей змейкой уползающей вниз.

- Ты, дядя Вася, не бойся разбиться. Здесь камень кончается, глина идет. Она после грозы совсем мягкая. Главное, пятками сильнее бей, и не упадешь.

- Хорошо, - покорно произнес отец Василий и тут же, буквально только ступив на тропу, поскользнулся и, сбив по пути свою малолетнюю проводницу, понесся вниз, широкой спиной и задницей ощущая каждый камушек и бугорок склизкой, как мыло, глины.

Девчонка бесстрашно, словно на салазках развалившись на впалом животе скользящего вниз мужика, радостно смеялась, от избытка счастья даже крепко и часто пинала каблуками своих ботинок по коленям Остапова.

- Господи, что будет с рясой!? – только и успел подумать избитый падением отец Василий, как тут же, с разгону, разбрасывая комья глины и грязные мутные брызги дождевой воды, влетел в небольшую, но довольно глубокую лужу, пересекающую тропу. Катя по инерции отлетела на несколько шагов вперед и довольно удачно приземлилась в широкие рваные заросли татарника, а вот Василию Ивановичу повезло много меньше. Лишь через несколько минут перед посиневшей от хохота девчонкой появился грязный, избитый, основательно промокший Остапов, в изорванной в клочья рясе.

- Хорош священник, ничего не скажешь, - горько проговорил он и, морщась от боли и стыда, попытался отодрать прилипшее к телу, безвозвратно испорченное облачение.

- Ну, и как я теперь, по-твоему, буду исповедовать твоего деда? Как!?

- Делов-то! - махнула пренебрежительно рукой успокоившаяся Катя. – У меня знаешь мама какая рукодельница? Она тебе враз рясу заштопает, постирает и выгладит.

- Это уж точно, - с сомнением пробурчал бывший зека, разглядывая унылые и кособокие домишки, большей частью крытые дранкой и соломой, вразнобой притулившиеся на, похоже, единственной в селе улице, петляющей вдоль берега довольно бурной таежной реки. Он шел, прихрамывая, взяв девочку за руку, кожей чувствуя, что из каждого дома, из каждого окна на них смотрят десятки любопытных глаз.

- А что ты хочешь!? – понимающе проговорил священник самому себе, тихо улыбаясь в нечесаную, неухоженную бороду. – Деревня есть деревня. Все на виду...

Девчонка вдруг отчаянно покраснела и, вырвав ладошку из руки Василия Ивановича, проговорила, резко сворачивая к ближайшей избе:

- Ну вот, дядя Вася, мы и пришли.

Калитка скрипнула, и из дома, пройдя через палисадник, вышла совсем еще молодая, худенькая женщина в легкой татарской душегрейке без рукавов.

- А вот и мама! - обреченно прошептала Катя и, грустно взглянув на священника, незаметно подтолкнула его к женщине.

- Мама. А это дядя Вася. Он поп и хочет у нас жить, - после чего самым невероятным образом словно растворилась в воздухе, но уже через мгновение, приоткрыв окно, она вновь уверенно и радостно кричала на всю улицу:

- Мама, зови дядю Васю пить чай! Чайник я уже поставила.

- Ну что ж, дядя Вася, - вздохнула женщина, без стеснения разглядывая протоиерея такими же, как у дочери, большими зелеными глазами. – Пойдемте в дом, чай пить...

Начальник ЛО № 9 Георгий Степанович Благов, грузный и рано полысевший мужчина, молча, не без интереса рассматривал понурю фигуру Остапова.

- Гражданин начальник, заключенный № 198/6, Остапов Василий Иванович, статья пятьдесят восемь, дробь десять, по вашему приказанию прибыл, - проговорил, наконец, священник и устало привалился к дверной коробке.

- Скажите, Василий Иванович, это вы исповедовали заключенного Ивана Коробейникова? Исповедовали, игнорируя мой приказ о запрещении исполнения, каких бы то ни было церковных обрядов.

- Да, гражданин начальник. Я собирался исповедовать Ивана Коробейникова, правда, фамилию его я слышу впервые и только от вас. В бараке его знают как Ивана Мрачного, - заключенный протоиерей смотрел на равнодушное лицо начальника лагеря и с удивленьем понимал, что кто-то из дружков этого самого Ивана Мрачного - самый обыкновенный стукач.

- Знали, - поправил Благов осужденного. – Знали. Так как сегодня ночью этот самый Иван Мрачный удавился.

- Не может быть! - искренне удивился Остапов и даже подался вперед.

- Может, - Благов закурил и вновь зашуршал лежащей на столе газетой. – Судя по документам, ваш срок заканчивается через восемнадцать дней, но, боюсь, что уголовники не простят вам самоубийства людоеда. Насколько мне известно, вас, гражданин Остапов приговорили. Я решил на эти восемнадцать дней посадить вас в карцер. Благо, нарушение моего приказа присутствует. Можете меня не благодарить. Идите. И я желаю вам выйти из лагеря живым.

- Все в руках Божьих, - проговорил устало отец Василий и шагнул к двери.

- Нет!- неожиданно взорвался начальник лагеря, вскакивая. – Ни хера сейчас от Бога вашего не зависит. Все, вы слышите, заключенный № 198/6, все сейчас в моих руках, вот именно в этих (он приподнял свои полные, холеные ладони на уровень глаз и, внимательно рассмотрев, вновь аккуратно опустил их на сукно стола) самых руках. Отправь я вас сейчас в барак, и в первую же ночь вы получите шило в ухо... И все. И нет больше заключенного № 198/6, Остапова Василия Ивановича. Нет! И Бог ваш поутру лишь ручками будет разводить. Не уберег, мол.

Благов успокоился, вернулся на место и барским движением головы отпустил заключенного в коридор, где его уже поджидал конвой.

8

...Они пили морковный чай с малиновым вареньем, пили не торопясь, степенно, лишь Катя, отказавшись, куда-то пропала.

- Скажите, быть может, есть смысл уже приступить к таинству? - проговорил, наконец, Остапов, отодвигая опустевшую чашку. – Где ваш дедушка?

- Дедушка!? - воскликнула удивленно хозяйка, и вновь священник поразился ее невероятно большим зеленым глазам. – А что вам наш дедушка? Он уж лет десять как на погосте покоится... Вы что, его знали?

- Как на погосте? А рысь? А страх уйти без покаяния? А эта песенка про поезд, наконец? Как же все это понимать!?

В наступившей тишине где-то сзади послышались легкие девчоночьи шаги, скрипнула дверь и под окном чуть слышно прошуршала трава.

Клавдия Ильинична, а именно так звали Катину маму, вдруг покраснела и, сдерживая смех, поинтересовалась у обескураженного мужика:

- Скажите, а про крышу под железом или, допустим, что кур у нас как воробьев, дочка моя вам не говорила?

- Да... И еще про поросят безымянных, - священник, глядя на смеющуюся женщину, тоже расхохотался легко и освобожденно.



- Ох, - обреченно проговорила, отсмеявшись, Клавдия, – это же она где только может для меня муженька сватает. Отец-то ее еще в финскую погиб, вот и старается. Вы уже третий за этот год будете. А песню она от нашего запойного счетовода слышала. Тот, когда выпьет, завсегда только ее и поет.

- Ну, и где же те, первые? - почувствовав странный укол необоснованной ревности, поинтересовался Василий Иванович.

- Да как где!? - вновь расхохоталась смешливая женщина. – Как увидели избушку мою, железом крытую, так и сбежали.

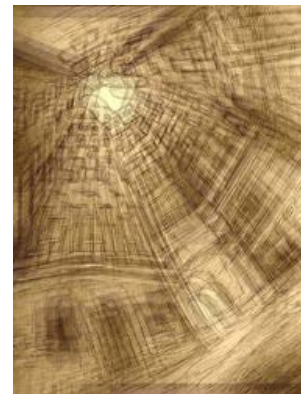
Клавдия вытерла тонкой ладошкой выступившие слезы и, поднимаясь, проговорила:

- Пойдемте, отец Василий. Пойдемте, я вам короткую дорогу на железку покажу.

- А зачем? Я бежать не собираюсь. Мне ваше село определенно нравится. Вы лучше, если это возможно, к церкви меня проводите. Десять лет как в храме не был.

- Десять!? - ахнула, должно быть мгновенно все поняв и осознав, Клавдия и, опустившись на табурет, расплакалась вдруг горько и безутешно. - Десять лет, - она плакала, ее хрупкие не по-деревенски плечики содрогались от рыданий, а он, Остапов, стоял над ней и робко и чутко гладил ее непокорные волнистые волосы.

А в окно, сквозь треснувшее стекло, приподнявшись на носочки, на них смотрела необычайно повзрослевшая девочка...

**ПРОЗА****Павел Отставнов (Пермь)****ПАШКА**

*Как долго и многотрудно строится Храм в Душе... А разрушить этот Божий Храм можно мгновенно! Но пустоты в Душе не будет – всё заполнит Зло. И вытеснит из Тебя Душу... и будешь Ты стариться, болеть и звереть... И превратишься Ты в «Пашку»...*

*Выбирай, если Ты - Человек!*

\*\*\*

Уральская осень холодными дождями и сумраком приносит в душу предчувствие беды и обостряет болезни. В одну из таких осенних ночей по своей квартире бродил старик. Больной желудок не давал ему уснуть. Свет старик не включал из экономии и бешено бил всё, на что натыкался в темноте.

Во время этих долгих хождений прошедшая жизнь представлялась ему цепью несчастий и долгих лет тяжелого труда...

Вспоминалось голодное детство в деревне: отец погиб на фронте, и маленький Павлик, бросив учебу, пошел работать. Затем был единственный светлый период жизни - армия. Там его накормили, научили, что делать, как думать, показали место в строю. Там было всё ясно и спокойно!

После армии Паша устроился на завод, стал зарабатывать и пьянствовал с такими же молодыми парнями и девушками. «Веселье» закончилось нелепой женитьбой «на спор»...

«Молодая» была старше его и опытнее. Павел влюбился с первой ночи и гордился красивой женой. Завод вне очереди выделил передовику квартиру. Жить бы молодым да жить. Увы, жена быстро прибрала Пашу к рукам.

Сначала она перешла буфетчицей в клуб, а вскоре и вовсе бросила работу. Он с ног сбивался: днем на заводе, вечером подрабатывал, успевая бегать по магазинам, варить обеды и кормить супругу. А она вскоре отказалась и спать с ним, заявив:

- Ты, Пашка, чаще бы мылся!

- Он взмолился:

- Так с металлом же работаю!

Но стерпел и это, только стал регулярно напиваться. Часто Пашка спал под дверью, когда его пьяного не пускали в дом...

Наконец, жена сбежала с каким-то командированным. Пашка запил «в смерть» и неделю не выходил на работу. Затем все же появился, был прощен и пить стал тихо, но каждый день. Женушка вернулась через пару месяцев, выставила мужа из квартиры и сошлась с очередным «другом». Пашка же стал жить в общежитии...

Тогда или раньше сломало пусть слабого, но доброго человека так, что жизнь уже не доставляла ему радость? Лишь за работой он забывался и делал все с удовольствием - быстро и хорошо. Но творческие порывы начальству были не нужны, и постепенно к Пашке пришла апатия. А с болезнями и возрастом всё наполнила злоба!

...Бесцветная жизнь из пьянок, похмелья и работы пролетела быстро. И хотя перед пенсией Пашка получил-таки квартиру, он жил один, потому что никто не мог выдержать его придирок. Быстро меняющаяся жизнь пугала и озлобляла его. Для того чтобы меньше волноваться, он перестал читать газеты, смотреть телевизор, старался реже выходить из дома. Единственными собеседниками у него стали старухи у подъезда. С ними Пашка ругал реформы, вспоминал «порядок» Сталина, иногда шутил. Но всегда, уходя, шептал:

Проститутки!

Вскоре старику стало не хватать пенсии. Пришлось устроиться ночным сторожем. Тем самым разрушилась его давняя мечта - отдохнуть от всего «этого мира». Язва болела все чаще, и бессонными ночами он стал мечтать о приходе к власти «сильного человека». Но главное было в том, что Пашка мечтал получить автомат и отомстить за свою неудавшуюся жизнь. Он мечтал мучить, убивать, насиловать. Со стороны казалось, что Пашка слабый старик, но злоба удесятерила его силы!

Однажды ночью, когда он возвращался с дежурства, его остановили молодые парни. Настроение у них было отличное, поэтому бить не собирались, а лишь стали издеваться над одеждой пожилого человека. Усталость не позволила Пашке справиться с приступом бешенства. Он повалил одного парня и стал душить. Юнец закричал, его товарищи принялись бить старика. Но Пашка уже не чувствовал боли и рвал единственного врага, которого видел...

Парни сообщая отбросили Пашку, подхватили пострадавшего друга и побежали. Старик поднял какую-то трубу и гнался за ними, пока не упал от усталости. Затем он так и шел до дома с трубой и убил бы любого, кто встретится...

Тяжко работая всю жизнь, Пашка ненавидел тех, кто, по его мнению, жил за счет «рабочих и крестьян»: коммунистов, «черных», интеллигентов... Позднее к ним он добавил и «спекулянтов-предпринимателей». Коммунистов охраняло государство. «Черные» держались вместе - по одному не ударишь. Предпринимателей он боялся - они олицетворяли для него мафию. Конечно, если бы началась всеобщая свара, он с удовольствием бил бы всех их. Но свары пока не было, а сколько он себя помнил, его постоянно натравливали на интеллигенцию. Эта давняя ненависть вскоре вылилась на реальных людей...

В соседней квартире жила семья: отец и мать - инженеры на заводе; дочь - подросток лет двенадцати. Соседи имели машину, прилично одевались. Средний достаток нелегко давался: помимо завода сосед подрабатывал, и вся семья трудилась в своем саду. Но собственно не материальному благополучию завидовал Пашка, а тихой сосредоточенности на семейном счастье. Он завидовал тому светлому миру, который создавали для себя любящие люди.

Сначала старик старался мелко досадить: грубил, рвал газеты в их почтовом ящике. Но всё это мало трогало соседей. Они оставались холодны и вежливы. И когда Пашка понял, что вся семья сплочена вокруг ребенка, он решил ударить в самое больное место.

Мотаясь ночью по своей квартире, он надумал изнасиловать, а затем убить девочку. Пашка долго вынашивал свой план, стал вежлив и приветлив с соседями. Но, когда Пашка все обдумал, кто-то опередил его! Над девочкой надругались и убили в городском парке, недалеко от школы. Сначала Пашка люто возненавидел убийцу, сорвавшего его план. Но, когда старик заметил, что горе подкосило родителей, для него наступили лучшие дни жизни. К Пашке даже вернулась молодая энергия, и он взял на себя организацию похорон...

Девочку провожал весь город. Майское тепло, белые цветы яблонь, белые банты девочки - всё это было наполнено жизнью, весной. Дети, пришедшие к своей однокласснице, видели её как будто спящей. Им казалось, что она скоро встанет и разделит с ними все радости летних каникул. Но Пашка знал, что девочка не встанет! Её прокушенные от боли губы показывали, что человек погиб мучительно и страшно. А Пашке не было страшно! Он смотрел на девочку и увлеченно представлял, как бы издевался над ней...

Старик мечтал... и его приходилось окликать, когда было необходимо руководить церемонией. Но внешне Пашка не показывал своей радости: был суров, деловит, даже всплакнул на кладбище. На поминках выпил водки. У себя дома добавил ещё, и ему нестерпимо захотелось вновь насладиться видом человеческого горя. Он пошел и позвонил в квартиру соседей. Вышел отец девочки и спросил тихо:

- Что тебе?

- Из-за открытой двери был слышен голос, который, казалось, принадлежал не женщине, а роботу:

- Доча, моя доча... Доча, моя доча...

Пашка сказал:

- Пришел спросить, может, надо чего ещё?

В этот момент он не выдержал и торжествующе заулыбался. Лицо соседа дернулось, и он прохрипел:

- Нет! Больше ничего не надо!

Дверь захлопнули, а Пашка шел к себе и вопил:

- Вот они, интеллигенты паршивые! Помогаешь им, а они тебе в лицо плюют!

Дома он ещё пил, и когда пришел сосед, Пашка был уже совсем пьян.

Сосед сказал:

- Ты меня прости, Паша! Сорвался я! У тебя от усталости улыбка появилась, а мне взбрело в голову...

Пашка зашипел:

- Нет, не от усталости! Счастлив я, счастлив! Понял? Носить тебе - не переносить, сволочь!

Сосед отшатнулся и ушел, ничего не сказав...

Соседка после похорон попала в больницу. А вскоре вообще ушла на пенсию - у неё стали отниматься ноги. Сосед поседел и состарился, но по-прежнему был вежлив с окружающими. Пашку это бесило, и он шептал:

- Добью я тебя, добью! Вот жену твою прихлопну - сам у меня загнешься!

Но вскоре события отвлекли Пашку. На новой попытке изнасилования попался убийца девочки. Началось следствие, затем суд. Пашка думал об убийце: «Дурак! Вот я не попадусь так глупо!» И он стал более тщательно готовить расправу над соседкой...

Однажды Пашку окликнула старуха, которая всегда всё узнавала первой. Она рассказала, что отец девочки на суде плеснул в убийцу кислотой: выжег глаза и изуродовал лицо. Эта новость словно по голове ударила старика. Он молча пошел домой, налил трясущимися руками стакан водки, жадно выпил. Затем, обессилив от пережитого волнения, повалился спать.

Ночью ему приснился сон, будто бы его держат за руки, а сосед медленно идет к нему со стаканом кислоты...

Пашка проснулся от собственного крика, пошел на кухню и допил водку. Немного успокоившись, он подумал: «Мы подождем. Пока автомат не дадут, рыпаться не будем. Но, когда придет время, рука не дрогнет!» И закричал в открытое окно:

- Не дрогнет рука! Слышите, гады!!!

**ПРОЗА****Микаел Абаджяц (Армения)**

*Прозаик, переводчик. Родился 3 апреля 1970 года в Ереване. Впервые опубликовался в 1995 году в журнале «Литературная Армения». Работает редактором в литературно-художественном журнале «Нор Дар».*

*В 1999 году рассказ «Белая броня» удостоен специального приза Международного ПЕН-клуба.*

*В 2004 году сборник рассказов «Белая башня» (2002) (на армянском языке) получил ежегодную премию им. Артака Амбарцумяна. В 2009 году МСП «Новый Современник» присудил ему почетное звание «Короля Прозы». В 2010 году по государственному заказу вышел сборник рассказов «Портрет» (на арм. языке). Переводился на английский и другие языки. Член Союза писателей Армении, член Международного ПЕН-клуба, член МСП «Новый Современник».*

**ПОРТРЕТ**

За мертвой осенней веткой показался сруб старой деревенской церквушки. Три башенки, увенчанные когда-то позолоченными крестами, грозили рухнуть. А одна из бревенчатых стен и вовсе развалилась, предоставив дождю промыть свои полусгнившие ребра. Ароматом подгнившей листвы был наполнен свежий лесной воздух, и было жаль, что грубой, некрашеной рамкой обрывается этот чудесный мирок. Только сейчас я сообразил, что стою у картины долго и начинаю привлекать Ее внимание.

– Вы хотите купить?

Но вместо ответа я стал продираться сквозь шумную толпу, расталкивая локтями знатоков истинной живописи. Среди безвкусно размалеванных холстов редко попадались потуги на оригинальность, а еще реже полотна, обращающие на себя внимание и отпугивающие своим правдоподобием и естественностью.

– Хотите, я нарисую вас?

Я столкнулся с Ее грустным и отрешенным взглядом. В толпе, сверкавшей цепочками и заклепками и расхваливавшей во все свое могучее горло свой товар, Она выглядела как-то странно.

– Научите меня рисовать, – вдруг сказал я, едва сдерживая волнение.

На мгновение Она смутилась, но потом, сделав неуловимый жест, повела меня за собой к разбитой временем церкви, к потрескавшимся дверям, которые отворялись медленно, со странным скрипом, поглощавшим все остальные звуки. Она вела меня куда-то еще, иногда оборачиваясь и улыбаясь, и мне стало безразлично все, кроме этого женского лица и этой улыбки.

Мы шли и шли, а Она мне показывала реки и горы, леса и храмы, и я радовался, точно ребенок, любой Ее похвале. Я понял, что главное – не изображенное, а смысл и чувства, вложенные в него.

Контур и очертания предметов приобретали двойной смысл. Линия делалась не просто штрихом, а определенным символом, несущим в себе тайну. Я вглядывался в замысловатые узоры, сплетающиеся в замки, храмы, озера, и не мог оторваться от

кисти, пока не убеждался, что узор закончен и любая другая линия оказывается лишней. Я стал ощущать прелесть в том, что раньше казалось привычным и простым. И все время я слышал голос тихий и нежный, ласкающий и спокойный. Я видел Ее прекрасное лицо, его правильные черты и становился уверенней.

И вдруг дорога оборвалась. На краю ее стоял чистый маленький домик. Войдя внутрь, я обнаружил обычную крестьянскую утварь, крепкий дубовый стол, пару неотесанных деревянных скамей. Здесь я работал, создавая свой мир. Здесь я оценил мир реально, сбросив с него покрывало таинственности, сорвав с него маску ханжества и лицемерия.

Здесь все начиналось с Нее. Утро начиналось с Ее улыбки, женственной и непринужденной. Свою опору, точку отсчета я нашел, и этот туманный мир стал тесен. Пытаясь раздвинуть горизонт, я стал травмировать Ее. Дальше Она не могла быть проводником. Здесь кончался Ее мир. Это было тягостно. Рушилась вера в Ее могущество. Все, что было связано с Нею, отходило на задний план, оседая где-то в глубине сознания.

– Хочешь увидеть свой портрет?

Она выводила каждую черточку, внимательно вглядываясь в мое лицо. Я чувствовал, что Она наносит на холст каждую морщину. Не выдержав, я заглянул за мольберт. О, ужас! Это был дряблый самодовольный старик, сверкающий шафрановыми залысинами! Глупое и жестокое выражение лица придавало ему одновременно свирепое и комичное выражение. Это был я.

Бред, сон!

Я бросил Ей грязную пачку денег и стал проталкиваться сквозь толпу, едва сдерживая рыдания.

## СХВАТКА

Мир неожиданно вздрогнул. Сверкнул ослепительно ярко и вдруг оглох и онемел на бесконечно долгое мгновение. Ветер стих внезапно, и песок остановился, покрытый пеленой прозрачной и замкнутой. Жарче делалось постепенно, но зримо, и вскоре воздух задрожал словно в ознобе. Я понял, что это западня, рванулся в сторону, но горизонты сузились до границ гладиаторской арены. Солнце еще не в зените свернулось от жара в слепящее белое кольцо. Выхода не было. И оно, тяжелое, желтое, равнодушное, вновь приняло прежние очертания. Я замер и вдавил свою черную обжигающую тень в песок. А солнце становилось ярким постепенно, по мере того, как сам я делался от оседающей пыли цвета горячего мертвого зноя. И я стал ждать.

Солнце сдвинулось к западу. Вдруг внешний мир сотряс оглушительно ревущей волной застоявшуюся тишину моей западни. Теперь я был в ней не один. Она впускала еще кого-то. Что-то могучее и живое, все в облаке пыли, заполнило пространство сначала на четверть, затем на треть и на половину. Движения его были стремительны и порывисты. Он был весь из углов и округлостей, шероховатых и острых, царапавших взор и пространство. От него разило мощью и уверенностью. Он был цвета и пыла пустыни. И вновь запульсировала тишина, напряженно и бесстрастно. Меня он пока не заметил...

А был он, как неистовая сила, сжавшаяся для удара. Я напрягся. Удар. На месте, где я был, осталась лишь моя тень, смешавшаяся с пятном испаряющейся влаги. Воздух насытился ядом. С меня ссыпался песок и пыль. Остаток пространства я заполнил собою. Я смотрел, не отрываясь, в широко расставленные клешни и тугой раскачивающий хвост. Нет, нам было не разойтись. Чья-то злая воля потехи ради сводила нас снова и снова. Дышать стало тяжело. Желтая полумгла скрыла его. И



осталось только солнце, мутное, желтоватое, и тень огромная, со вновь наворачивающейся, ослепительно прозрачной, словно янтарь каплей яда. Но боль, огромная, горячая, пришла не от этой крохотной точки, горящей ярче солнца. Она вонзилась откуда-то сбоку, рассыпалась по телу кипящей волной и метнулась от меня в сторону желтой тени с куском моего трепещущего тела.

И вновь пыль стала оседать. Она оседала медленно, с неясным шорохом, а в воздухе, сжатая чужой клешней, билась в беззвучной агонии моя собственная конечность. Клешня разжималась медленно. И что-то длинное, изломанное, вдруг заплясало между нами, разбрасывая желтый песок.

И тогда внутри меня родилась ярость, пузырящаяся, пенящаяся и слепая. Она была звенящая и тонкая, твердая и тугая. Она втянула весь воздух между мной и горячей тенью. Она была гибкой, струящейся, но твердой и прочной, как стержень. Она опутывала ненавистное пространство и разила жалом, острым и тонким, и рыгала кипящим ядом. Она не замечала ран, жестоких и рваных, гнала боль, и та не смела к ней подступиться. Она неистовствовала и бесновалась, пока под нею не дрогнуло в последний раз и не замерло изуродованное тело.

И вновь застонал надо мной ветер. Снова побежали в неведомую даль песчинки. Холодный ветер заполнил легкие и не принес ни облегчения, ни ощущения жизни. В небе все так же полыхало солнце. И я знал, что мне не унести далеко своих увязших в песке, остывающих внутренностей. Подо мной ширилась лужа, не впитывающейся в землю прозрачной крови. Наконец в ней я различил свое отражение. Но сознание мое уже погасло. Стон ветра потонул в странном шипении. И последнее, что донеслось до меня, были слова, полные не то ужаса не то гадливости: “Тарантул, это был тарантул!” Но, может, они мне уже только послышались...

## ДОМ 21

Каждое утро ровно без пяти восемь, так что по нему можно было сверять часы, из дома 17 выходил человек не старый и не молодой, внешности вполне заурядной, одетый в черный, безупречно чистый, почти траурный костюм и начинал двигаться по улице в сторону увеличения чугунных номеров на фасадах домов светлых и чистых. У дома 19 он очень мило раскланивался с хозяином булочной, при этом улыбался печально, а булочник, откормленный как боров, улыбался радостно, с трудом растягивая пухлые губы. Мимо дома 21 он проходил, не останавливаясь. Дом был мрачен и закрыт всегда на засовы. Он был похож на большую сову в ряду маленьких пестрых птичек. Иногда ему казалось, что в недрах дома кто-то ухал или смеялся натужно, как от щекотки. У дома 23 он с облегчением здоровался с благообразной седой старушкой, поливавшей на клумбе яркие астры. У дома 25 он прикладывал руку к голове, как бы снимая несуществующую шляпу, и приветствовал старого почтальона. У дома 27 он останавливался, толкал стеклянную дверь и ровно в восемь входил в учреждение, на вывеске которого большими буквами было написано: ПОХОРОННОЕ АГЕНТСТВО. Кроме него здесь работало еще два человека. Молодой черноволосый посыльный с голубыми глазами и пожилой грузный лысеющий директор с обрюзгшим лицом. Они между собой говорили редко и исключительно по делу. Каждый знал свое дело, и на лице каждого застыло выражение глубочайшей светлой печали. Оттого, что одеты они были почти одинаково, в конторе делалось особенно уныло. И даже настенные часы тут тикали уныло и чинно. Когда изредка в контору заходил клиент с воспаленными заплаканными глазами, он приглашал его к столу из черного дерева, садился за него и сам, надевал маленькие блестящие очки, со скорбным лицом выслушивал клиента, открывал толстый потрепанный журнал, заносил имя и фамилию,

даты рождения и смерти усопшего, а также записывал, сколько заказано траурных венков и из каких цветов, писал еще что-то, а затем соболезновал клиенту и отправлял его к директору. Он смотрел вслед сгорбленной фигуре и думал, что смерть не такая уж страшная штука. Сама по себе она не страшна. Страшной ее делает человеческое горе и страдание. А в общем то смерть так же банальна, как и жизнь. Всего-то две цифры на могильном камне. И только горькая, тяжелая, прожигающая гранит слеза делает зрелище смерти невыносимым. И он с удовлетворением думал о том, что у него самого никого нет – ни родственников ни друзей. И тогда он вглядывался в печальные лица директора и посыльного. Известие о его собственной смерти они примут печально, как должное, и ни один мускул не дрогнет на их застывших равнодушных лицах. С директора и посыльного он переводил взгляд на окно, в которое был виден кусок их чистой и узкой улочки. Почему-то ему вспоминались старый почтальон, благообразная старушка с лейкой, толстый булочник. К ним ко всем когда-нибудь должна была заявиться смерть. И как хорошо, что никто из них не знал, когда ждать гостью. Пусть каждый из них, да и он сам, втайне лелеет надежду, что смерть забудет к нему заглянуть или перепутает чугунный номер на стене и посетит кого-нибудь другого. Пусть каждый знает лишь дату своего рождения, но не смерти и считает, сколько лет прожил, а не сколько осталось жить. В таких размышлениях, или почти таких, проходили часы, недели, годы. Когда вечером закрывалась дверь конторы, он шел не торопясь домой, обремененный своими думами, правда их не замечающий, печально кивал закрывающимся почтальону и булочнику, седой чистенькой старушке. Когда-то они его приглашали к себе в дом, звали, обижались, но он никогда не принимал их предложений, ссылаясь на какие-то несуществующие дела, и думал, что когда-нибудь и их имена он занесет в свой потрепанный журнал. Когда он проходил мимо таинственного дома 21, то испытывал смутную тревогу. Он спрашивал себя: «С чего бы это?» Но ничего не мог себе ответить. Однажды даже ему показалось, что в одном из окон мелькнуло лицо, длинноволосое, раскрашенное яркими красками по белому толстому слою грима. Видение это короткое, страшноватое не давало ему покоя. Уже сидя в своем тихом пустом доме, устроившись уютно в кресле и почитывая газету или какую-то книжку, он вновь припоминал мельком виденное лицо. На него находил какой-то мистический страх, и ему думалось, что лицо это не могло принадлежать никому кроме смерти.

Однажды он возвращался из конторы особенно поздно. Сумерки уже изрядно сгустились. Почта и булочная были закрыты, и даже старушка уже не копалась в своей клумбе. Он проходил мимо дома 21 и остановился пораженный. Дом светился голубыми и красными неоновыми огнями, дверь его была распахнута настежь, и из его чрева на тротуар лился сильный влекущий свет. От стены оторвалась женская фигура. На лице ее, обрамленном распущенными волосами, трупными пятнами лежал неоновый свет.

- Ты чего так побледнел, дорогуша? – хрипло засмеялась она.

Она подошла близко. Очень близко. Прижалась к нему. Она показалась ему костлявой и холодной. Она взяла его за руку. Он почувствовал прикосновение цепкой кисти. Она повела его туда, где полыхал холодный красно-синий огонь. Они сидели за круглым столом, покрытым белой, как саван, скатертью. Человек из-за стойки поставил на стол бутылку красного вина и два прозрачных бокала.

- Ну, разливай, – рассмеялась она.

Смех ее показался ему неприятно резким. Казалось он исходил из истлевшего горла, точно воздух, слетавший с ее уст, отталкивался не от упругой плоти, а от обнажающейся кости. Он протянул руку к бутылке, налил доверху оба бокала. Ему даже удалось почти не пролить. Всего одна капля сорвалась с зеленого полупрозрачного горлышка на белоснежную скатерть. Но эта капля... Она была, как

кровь. Она взяла свой бокал, поднесла к лицу. И вдруг посмотрела на него сквозь этот бокал огромным, воспаленным, кровавым глазом.

– Ну? – она уже не смеялась, – я могу почти все. Я смогу исполнить любое твое желание, любую прихоть.

Он понимал, что должен что-нибудь сказать. Но не мог. Не мог найти подходящего слова. Все слова, которые он когда-то знал позабылись. Да и о чем с ней говорить, он тоже не знал. Он беспомощно огляделся. И вдруг увидел, что здесь таких столиков, как этот, много. За ними сидели люди. Люди эти ему были знакомы. Вон директор похоронного агентства. Он ему улыбается и почему-то грозит пальцем, должно быть в шутку. А вон булочник о чем-то шепчется с почтальоном и украдкой оглядывает его. И даже благообразная старушка здесь. Она почему-то смотрит на него печально и осуждающе качает головой. А вон и черноволосый посыльный. И вдруг он заговорил довольно уверенно, сам удивляясь своей дерзости:

– Почему из всех этих людей ты выбрала именно меня?

Она осушила бокал. Один единственный ее глаз сразу сделался маленьким, масляным. Она подалась вперед, так что стали видны ее тощие груди и немного даже обиженно произнесла:

– А что? Ты мне нравишься, а их я уже слишком хорошо знаю. Они все давно мои. Только не строй из себя недотрогу. Неужто за всю свою жизнь ты не мечтал обо мне тоскливыми вечерами? Наконец я пришла и к тебе. Ну, проси о чем мечтал!

– Ну, хорошо, костлявая, сделай что-нибудь такое, чтобы кровь закипела в жилах. Дай власти такой, чтобы весь мир можно было обнять, да так, чтобы из него брызнула его бледная жидкая кровь. Дай золота, искрящегося, желтого, ввергающего в сумасшествие. Дай любви, настолько чистой, на сколько может быть чиста земная плоть. Можешь мне дать все это? Говори!

Она ненадолго задумалась. Потом вяло и равнодушно произнесла:

– Могу, конечно. Но все это мечты. Когда они сбываются, остается лишь разочарование. И только грезы о смерти не разочаровывают.

Он поднялся сникший, подавленный. Из кармана своего черного костюма достал горсть мелочи. Ее не хватало, чтобы рассчитаться за бутылку вина. Она опять засмеялась плотоядно и нахально, неловким пьяным движением она смахнула мелочь со стола и вдруг произнесла:

– Платить надо по счету, человек.

\*\*\*

Утром, когда в окне ночного ресторанчика забрезжил бледный рассвет, высвечивая верно и трезво его не очень чистое нутро, между человеком за стойкой и вульгарной девицей, простоволосой и хмельной, происходил разговор следующего содержания:

– Ну и ночка была. Когда полиция наехала, перепугалась же я. Откуда же я знала, что этот псих застрелится? Откуда я могла знать, что у него пистолет?

Человек за стойкой сначала молчал, протирая стеклянные бокалы. Потом все-таки спросил:

– А о чем же ты все-таки с ним говорила?

Она посмотрела на него без всякой мысли, в ее круглых пустых глазах вновь полыхнул красно-синий огонек, но тут же погас. Она поднесла к глазам платок, стараясь утереть слезу, давно высохшую черным страшным потеком на белой коже и произнесла:

– Да не помню я. Много чего я ему говорила. Напилась я вчера. Не помню...



ПОЭЗИЯ

**Игорь Лукит**  
(МОССАЛИТ, Москва)

РЕМЕСЛА

## К музе

*...туникошуршащая приходит к нам и, не застав  
нерадивых за трудами, отлетает прочь...*

Еще тепло твоей руки хранил уют угрюмый мой,  
Еще в луче кружился прах, взметенный легкою стопой,  
Еще светился янтарем горячий чай сквозь грань стекла...  
Росой, смолой, водой живой любовь сквозь душу протекла.

Небрежный стула поворот, печенья ломтик на столе –  
Все отмечало для меня твой след мгновенный на земле  
И наполняло январь студенкой памяти моей  
Капелью, хрупким серебром, бессонницей апрельских дней.

Дарила песнею сверчка мой быт земной, мастеровой,  
Мир влажных глин, камней, листов – зеленый, белый, охряной,  
Куда лохматые коты вперяют взор сквозь пыль стекла...  
Но время стрелки развело, и встреча не произошла.

Ты посетила этот кров. Мой дом счастливо сохранил  
Доверчивую нежность плеч, улыбки тайну, трепет крыл.  
И лик любимый проступал, чем время дале, тем ясней  
Сквозь мел нетронутых листов, сквозь бурый скол седых камней.

## Моление над глиняным комом

Травины пыльные, обломок валуна...  
Сквозь толщу стен в подвальные глубины  
Нисходит свет из старого окна,  
Где ветра вздох, где ворох воробьиный...  
Мерцает в каплях серебра скульптурной глины  
Зелёный ком, чья плоть окроплена

Шнуром зеркальным плещущей струи.  
Здесь в магме родовой, первоначальной  
Сокрыты все творения мои –  
Рождённые и будущие чада –  
Отзвучия любовей и печалей,  
Отчаяний и помыслов рои.  
Под коркой глины слышу шелест крыл,  
Смятенье юных губ и плеск ладоней,  
И старости ворчливые хоры.  
Здесь смерти необузданные кони  
Сквозь льды и хаос древних космогоний  
Летят в пещерах глиняной горы.

Я рассекаю грубой бороздой  
Горбы и глади глиняного поля,  
Тревожа Небо медленной мольбой:  
“Пребудь со мной, в дни радости и боли,  
В часы трудов – в обычае ль, в крамоле -  
Отец Небесный, Свете тихий мой”...

## Землекоп

Дело древнее моё –  
разговор с корой земною,  
пыль да глина под ногою,  
солнца жар да штык с киркою –  
простодушное житьё.

Острым лемехом лопата,  
узловатое древко,  
вековой слежалый ком  
рассечёт неглубоко –  
хлеб даётся трудновато.

Дарит грубая земля  
одинокому герою  
встречу с утренней звездой,  
разговор с душой немой,  
жизнь негромкую суля.

Обнажая соль и камень,  
тёмных вод подземный ток,  
я срезаю трав венки:  
Клевер, кашку, василёк -  
слижет все лопатный пламень.

Крова будущего ось  
завяжу со звёзд осями,  
на зарю в зелёном храме  
помолюсь. Из горла ямы  
выну глины первой горсть.

И пойдёт качать лопата  
мерно маятник времён.  
Нет меня! Я только звон  
камня, да гуденье крон,  
да кусок земли початый.

Так куда летят года?  
Станный труд кому мой нужен?  
Но пахнет глубинной стужей –  
снова голову закружит,  
снова манит пустота.

## Шансонье

Дай волю, нищий шансонье,  
гулять картавящей строке  
по медной медленной струне.  
Забудь о звонком пятаке,  
летающем в мятую жестянку,  
и сердца стынущую ранку  
прозри в фиалковом зрачке.

Как придорожная трава,  
как сон пылящихся камней  
просты гортанные слова...  
Но гул сиреневых ветвей,  
но майских гроз дрожащий воздух,  
но лепестки пионов поздних  
и солнце поздних алтарей

любви... но скорбь осенних дней –  
всё распахнёт, разбередит  
мотив неснящих площадей...  
Не сетуй, сердце, пощади  
певца за призрак расставаний  
и на язык воспоминаний  
шансон его переведи.

## Бетономешалка

Как сонно тянет лебеда  
линялый лист сквозь щебень серый,  
в песчаной груди из карьера  
сверкает иглами слюда,

в смоле, как в каплях янтаря,  
опалубки. Так нежно пахнет  
еловым тёсом, ведра чахнут,  
цементной дымкою кура.

А надо всем горой встаёт  
кормилицы пузатой тело,  
круженьем, песнею и делом  
нас к трудолюбию зовёт.

Благословенная бадья!  
Твоё грохочущее чрево  
в овал зияющего зева  
не раз поил водою я.

Мелела местная река,  
в горячем пеклеплыли дали...  
Мы хрусткий щебень засыпали  
в твои помятые бока.

Песок-сырец вослед шуршал,  
цемент дымился тучей сизой,  
как пыль времён, мучным карнизом  
на лбы и брови оседал.

Эй, мельники!

А между тем, июль с косою  
гулял по солнечным полянам,  
и запах трав, густой и пряный,  
качался брагой чумовой.

Но рельса звон! Отёрши пот,  
стальная мамка сбор трубила,  
бетонной “кашею” кормила  
вкруг ожидающий народ.

Тогда лопат больших совки  
сходились накрест на металле  
и с лязгом “кашу” раздавали  
в носилки, ведра и лотки.

По трапам с ношею, бегом  
копчёные, как воблы, спины  
качали грубые мужчины,  
кляня и трап, и мать его.

И важно ухался бетон,  
и растекался по каньонам,  
чтоб стать узорочьем гранёным,  
согласно замыслу сторон.

И так – до сумерек густых:  
мешалки голос хриловатый  
да плеск, да звяканье лопаты.  
И так – до сумерек густых.

## ПОЭЗИЯ

*Никита Брагин*

*(МОССАЛИТ, Москва)*



## Анахронизмы

Гастроли гладиаторов. Арена  
посыпана песочком из Сахары,  
сигнала к бою ждет вторая смена,  
сияют шлемы, словно самовары,  
а те, чей номер завершен, уходят  
в пыли, крови, грязище и поту,  
и павших, как добычу на охоте,  
прислужники на крючьях волокут.

Имперская провинция. Вандалы,  
арабы, иудеи, эфиопы –  
не хуже, чем в сумятице вокзалов  
разбухших мегаполисов Европы.  
Под наглый визг мобильных телефонов  
торговцы рекламируют добро,  
а в ложе восседает vip-персона –  
сам прокуратор, член политбюро.

Среди квадриг лоснится белый хаммер  
любимца публики, певца и мима,  
и продавщица роз в пурпурной гамме  
горит и тает, проплывая мимо...  
Сканируют жрецы телячью печень,  
смакуя желчь событий и причин,  
и потаённо возжигает свечи  
для вечности –  
Аврелий Августин.



## Пятый угол

Меня загнали в пятый угол  
потомки обрвов и дулебов;  
горелый пух вороньих пугал  
в моё прокуренное небо  
летит, и опадают шкурки  
повылинявших облаков  
на молодящихся придурков  
и вечно юных дураков.

А небеса чреваты прошлым,  
наполовину позабытым,  
при том, что будущее в крошки  
толпой бездельников разбито...  
Остановившись на минуту,  
я чувствую – молчат часы,  
и память вековечной смуты  
сквозит предчувствием грозы.

Движенья нет. Мудрец брадатый  
забрался на колонну храма.  
Теперь он столпник. Небогата  
палитра этой панорамы –  
пустые постаменты статуй,  
свезённых на монетный двор,  
и зрелище звезды хвостатой,  
вещающей войну и мор.

Империя роняет лавры,  
теряет маховые перья,  
жрецы богов, как динозавры,  
погибли в пошлости безверья;  
глухарь-поэт ещё токует,  
стыдиться некого ему...  
На что сменю тоску такую,  
что в искупление приму?

На всё, что дышит настоящим,  
что льётся красным и горячим,  
что не положишь в долгий ящик,  
и в погребках души не спрячешь,  
на сердце, тонущее в море,  
на золотой среди грошей,  
и чернозём на косогоре,

изрытый строфами траншей.

И этот нищий пятый угол  
в пыли и горечи полыни  
развертывается упруго  
путём, простёртым по пустыне,  
где вечер тих и необъятен,  
где ветер холоден и сух,  
где слышит голос благодати  
освобождающийся дух.

## Конь Блед

Вдруг, безмерно, незаконно,  
безотчётно и сурово  
разнесётся топот конный  
и разбудит... Полвторого, за окном  
темно и снежно,  
под ребром лохмотья боли,  
и летит душа кромешно, словно ветер в  
чисто поле...  
Но куда ты, конь мой бледный, ночью  
судной, тенью смутной  
перескакиваешь бездны  
безответно, безрассудно?

Или видишь гневным оком  
полыхание пожара,  
или слышишь счёт порокам  
на пиру у Валтасара?  
Или чувствуешь родную,  
отлетающую в небо,  
где сидящий одесную  
ей подаст вина и хлеба?

Нет, ни то, и ни другое, –  
это слово на ладони,  
это солнце за рекою,  
где в росе играют кони,  
это – стелется травую,  
недосказанное пряча,  
это рвётся ретивое,  
то ли плясом, то ли плачем...

\*\*\*

Английский клуб. Печальный Чаадаев  
Уже не пьёт ни пунша, ни клико.  
Когда в соседях видишь негодяев,  
остаться благодушным нелегко.  
Приходится дышать со всеми вместе,  
аккумулируя чужую боль,  
и отголоском прогрессивной вести  
сгорает иноземный алкоголь  
в мозгу, давно исследованном свыше,  
официально взятом в «жёлтый дом»,  
в груди, что так стенокардийно дышит  
над каждым допетровским кирпичом,  
что не тогда, не так, не там уложен,  
и может дать лишь горестный урок  
для человечества... Помилуй, Боже,  
за европейский взгляд и русский рок.

Тем временем сквозь ночь и Бологое  
пыхтящий поезд мчится из Москвы.  
Исполнено решение благое,  
и шпалы от Неглинной до Невы  
уже воспеть готовится Некрасов,  
оплакивая кости мужиков...  
Шпангоуты петровского баркаса  
напряжены, как рёбра бурлаков...  
Здесь тиранию видят в каждом шаге,  
чахоточно рыдая и смеясь,  
и путь неглазок даже на бумаге,  
а впереди всё непролазней грязь...

Из нашего прекрасного далёка,  
как память о любви, они милы  
и дороги. Приглажена жестокость,  
глупейший сор повыметен в углы,  
культурный слой промыт, рассортирован,  
и с этикеткой каждый экспонат  
лежит цветком в гербарии бывшего,  
давно утратив прежний аромат.  
Профессора авторитетно скажут,  
кто прогрессивен был, кто – ретроград,  
и мы, не различая тушь и сажу,  
кладём в копировальный аппарат  
листы иллюзий, палимпсесты мнений,  
перемешав натуру, дух и быт...  
А родины необъяснимый гений  
всё так же и ликует, и скорбит.

**ПОЭЗИЯ**

*Елена Александрова (Королев)*



**Начало**

По небу разливался свет зари.  
Светало поздно. Окна запотели.  
В кустах замёрзших дрогли воробьи  
С изысканной японской акварели.

Так начиналось. Вдрагивал и гас  
Прозрачный сумрак, жался к полу комнат.  
Не то, чтоб это было в первый раз:  
Мне много тысяч зим, я что-то помню.

Так начиналось. Ты уже ушёл:  
Ты из таких, ты отовсюду рвёшься.  
Я вспомнила тебя так хорошо,  
Что не было сомненья – ты вернёшься.

В сети смертей, скитаний и рождений  
Мы снова встретились. Подольше только будь!  
Обняв колени в скомканной постели,  
Закрыв глаза, я слушала Судьбу.

И прошлое всей тяжестью потерь  
Того, что будет, мне не заслонило.  
Так началось. И заскрипела дверь.  
И я глаза счастливые открыла.

\*\*\*

Вошла Весна под наш непрочный кров.  
Тебе три года. В мороке апреля,  
Под мерный дальний гул колоколов  
Страстная завершается неделя.  
И утро залито дождём косым,  
Внизу плывёт и ёжится дорога,  
А мы с тобою счастливы, как могут  
Быть счастливы земные мать и сын.  
Не зная человечьих смут и бед,  
Студёный ливень хлещет, веселится,  
Мерцающий голубоватый свет  
Бросая на предметы и на лица.  
И капли на стекле блестят как ртуть.  
Назло дождю вдали скрипят качели.  
А ты напоминаешь мне чуть-чуть  
Христа-ребёнка, кисти Боттичелли.  
Ещё лежит в низинах серый снег,  
Качается в окошке тополь мокрый.  
Кончается двадцатый страшный век.  
Холодный дождь апрельский моет стёкла.

**ПОЭЗИЯ**

**Юлия Вихарева**

*(Нижний Новгород)*



**В ночь перед Рождеством...**

Как странно это –  
 Не включая света,  
 Лежать вдвоём без дела, просто так,  
 И слушать снег...  
 И стук сердец друг друга...  
 И из угла чуть слышное «тик-так»...  
 Молчать, переплетая пальцы туго,  
 Боясь спугнуть движением одним  
 Предчувствие рождественского чуда,  
 А может...невозможность встречи с ним,  
 Ведь жизнь и так полна чудес, покуда  
 Мы вместе, рядом...  
 Праздничным нарядом  
 Сверкает ель за креслом, у стены.  
 И пахнет пирогами очень вкусно,  
 А мы с тобой...  
 Мы просто влюблены,  
 И нам вдвоём ни капельки не грустно!  
 И тихо снег в окно о том стучится,  
 Что лучшее –  
 оно ещё случится.

**Я сегодня в делах**

Я сегодня в делах. Я рисую весеннее небо.  
 Наплевать, что за окнами злится зима, ну и что ж?!  
 Распускаются в банке три маленьких прутика вербы –  
 Акварельный букет, просто чудо, как будет хорош!

На рисунке - сосульки, что с ночи затеяли плакать,  
 С крыши тянется тонкая ниточка капелек – слёз,  
 И впиваются ветки в небесную сочную мякоть  
 молянисто-набухшими почками старых берёз.

Солнце, как апельсин. Получилось по-детски немного...  
 Пусть уж будет огромным (простите художнику блажь).  
 Кто-то скажет: «Зима на дворе. Не смеши, ради Бога!»  
 Ну и что?! Лично я наблюдаю весенний пейзаж.

## За молоком

*(Вольный стих)*

Каждое утро, без исключения,  
Заварив себе чаю, непременно с мятой,  
Позавтракав кашей или просто печеньем,  
Она выходила с бидоном мятым

За молоком. И, тихонько брякая  
Погнувшейся крышкой и ручкой, снова  
Она по пути бездомным собакам  
Несла пакетик чего-то съестного.

Какой-нибудь псине чесала за ухом и,  
Считая копейки, семенила к бочке,  
Вставала в очередь с другими старухами,  
Вспоминала там об уехавшей дочке.

И при этом совсем не имело значения,  
Что старухам были давно знакомы  
Заграничные дочкины приключения  
Вдали от Родины и отчего дома.

Там, у бочки, вздыхая прилюдно, тяжко,  
Молоком наполнив бидон литровый,  
Горевала она, что дочь, бедняжка,  
Не попьёт молочка от живой коровы.

За границей питание много хуже:  
Днём с огнём не найдёшь и простой картошки.  
Ей в ответ тихо хлюпали в грязной луже  
Её старые войлочные сапожки.

И, забрав свой бидончик с помятой крышкой  
(И боками, но это уже детали),  
Шла обратно она в худом пальтишке  
В ту квартиру, в которой её не ждали.

## Утюг

В забытьи пребывая практически,  
Жил в кладовке утюг электрический.  
Даже с новой подошвою классною  
Жизнь казалась ему разнесчастною.

Иногда только - утром иль вечером  
Выбирался на редкие встречи он  
С неуклюжей доскою гладильною  
Да с хозяйкой своею субтильною,

Чтоб для этой хозяйюшки – душечки  
Гладить с чувством оборочки-рюшечки,  
И дышать горячо на салфеточки,  
И утюжить полоски да клеточки...

Он на блузках ЕЁ по порядочку  
Нацеловывал каждую складочку,  
И с особой сноровкой и грацией  
По атласной скользил комбинации.

А позднее – уже обесточенный,  
Он, подошвой блестя навороченной,  
Бредил новою встречей (пусть редкою!)  
И пыхтел под хромой табуреткою.

Там, страдая почти что физически,  
Одинокий утюг электрический  
Всё мечтал (о высокой награде ли?) –  
Чтоб его хоть разочек погладили...

**ПОЭЗИЯ**

***Татьяна Кайсарова (Москва)***



\*\*\*

Всё растворяется в мистике вечера:  
никнет жара в придорожной пыли.  
Ближние дачи стволами расчерчены,  
роща мерещится где-то вдали.

Тело в испарине, сердце в предчувствии,  
небо встревожено - близится тьма.  
Ветренный ветер в испуге почувствовал:  
кто-то неведомый сводит с ума.

Грохот неясный, как бред сумасшедшего,  
в клевере пчёлы тревожно гудят,  
чьё-то бельишко на леске развешено -  
самою верной приметой дождя.

Двинулась тьма и пошла во все стороны,  
гром, как судьба - содрогнись и прими.  
Кроны качнулись, да вскинулись вороны,  
вышел Всевышний и хлопнул дверьми!

Дождь в одночасье нахлынул лавиной  
прямо и вкось - за стеною стена...  
В доме божественно пахнет малиною,  
сумерки плачут навзрыд у окна.



ПОЭЗИЯ

*Юрий Александров (Королев)*

## Сонет в духе Микеланджело

Друзья мои в могилах уж давно,  
И не одни истлеть успели кости.  
Не на одном заброшенном погосте  
Крестам их рассыпаться суждено.

Остался я, трухлявое бревно,  
Не годное ни в топку, ни в подмостье.  
Никто не ждёт ни к празднику, ни в гости:  
Наскучил всем, как скисшее вино.

И мне наскучил этой жизни чад:  
Здесь в низости живут, «в сортирах мочат»,  
В веселье – пьют, в страдании – молчат,  
И губительные страсти всех морочат.

Мне ненавистна мира суэта,  
Но всё ж порой пленяет красота.

**ПОЭЗИЯ**

**Татьяна Кунилова (Уфа)**



**Половинчатость**

Половинчатость, несмелость  
Демонстрируют незрелость.  
Полумысли в каждой фразе  
Превращают речи в бред.  
Половинчатость деяний -  
Недоделок одеянье:  
Половинчатость полета -  
Это кубарем в кювет.

Половинчатость желаний -  
Путь мучительных метаний.  
С половинкою прицела  
В "яблочко" не попадешь.  
Половинчатость эмоций:  
Ваше сердце не взорвется,  
Но душевная прохлада  
Для любви - холодный дождь...

Половинчатость удачи -  
Лишь насмешка, не иначе.  
Половинчатость победы  
Радости не принесет.  
Половинчатость решений -  
Половинчатость свершений...  
Кто все делает вполсилы,  
Тот вполжизни и живет.

**Нарождающееся  
солнышко**

Ты совсем еще хрупкая, стройная  
И такая еще изящная,  
Но заметна в походке невольная  
Осторожность непреходящая.

По какой-то особенной плавности,  
По замедленности в движении,  
Затаенной светящейся радости  
Видно женщину в положении.

Все в тебе - воплощение свежести,  
А в глазах (с синевою до доньшка)  
Золотистое марево нежности -  
Как заря в ожидании солнышка...



## Безответная любовь

Долго плакала осень над садом -  
Так влюбиться! И столь безответно...  
После бегства бездумного лета,  
Осень очень хотела быть рядом,

Утешать, прогоняя печали,  
Легким ветром взъерошивать кудри  
И нашептывать страстно под утро:  
- Лето минуло, осень - в начале!

Посмотри на меня - я ль не краше  
Не заботливее, не щедрее?  
Хочешь, стану навеки твоею?..  
Сад... все слышал... не слушая даже.

Осень злато горстями бросала  
В ноги – жестом поистине царским,  
Укрывала с заботливой лаской  
Плечи ярким, цветным покрывалом,

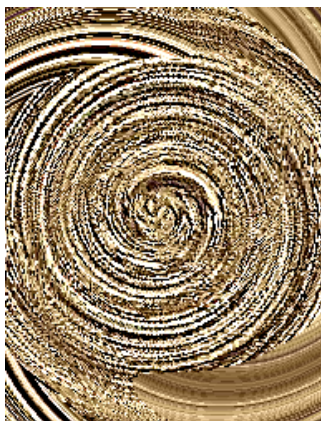
Прогоняла на юг птичьи стаи -  
О сопернице напоминанье...  
Сад краснел от такого вниманья,  
По беспечному лету вздыхая.

Осень - пышная, страстная - стыла,  
Часто плакала дождиком мелким,  
На платки носовые отделку  
Золотистую переводила.

Выцветали роскошные краски,  
Оголялись озябшие ветви...  
Замерзающий сад грезил летом,  
Как дитя перед сном - доброй сказкой.

Все прохладней и горше слезинки,  
Все длинней и морознее - ночи.  
Сад однажды почувял - щекочут  
Обнаженные ветви снежинки.

Это осень, все злато растратив,  
Серебра рассыпала монеты.  
Сад дремал... и во сне видел лето,  
Поцелуи его да объятья...



ПОЭЗИЯ

*По ст рофе от овсюду*

**Мила Божович**  
(Можайск)

**Ветерок**

Я хотел бы иметь тело,  
но оно подвержено тлену.

Я хотел бы подать голосок,  
но он тонок, а не высок.

Я хотел бы во тьме светиться,  
но на чем удержать огонек?

И для вас я лишь ветерок,  
овевающий ваши лица.

**Лилия Полякова**  
(Москва)

*Е.Н.Флеровой, с любовью*

Сумевший почувствовать миг.  
Безмолвного цвета заложник.  
Вершитель холщовых интриг.  
Художник.

В смешении пестрых полос  
Находка как будто случайна.  
Но в каждой картине вопрос.  
И тайна.

Расплавленным золотом свет.  
Парящая легкость сюжета.  
Но в каждой картине ответ  
Поэта.  
Находка как будто случайна.  
Но в каждой картине вопрос.  
И тайна.

Расплавленным золотом свет.  
Парящая легкость сюжета.  
Но в каждой картине ответ  
Поэта.

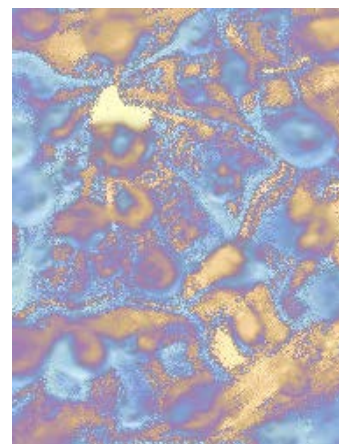
ПОЭЗИЯ

*Ст ихопот еха*

*Алексей Березин (Нью-Йорк)*

ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ,

ГОСПОЖА ПАРОДИЯ



Мать шелкунчика

*...Сидел и слушал Дебюсси.*

*Люблю я «Лунный свет» у Клода.*

*...*

*мне почему-то снится Бах...*

**Николай Назаров**

Я с детства – жуткий меломан,  
Хочу признаться, между прочим.  
Мелодий сладостный дурман  
Я ощущаю днём и ночью.

Лежу я как-то по весне  
И дрыхну крепким сном младенца.  
И вдруг Беллини снится мне.  
Люблю я “Норму” у Винченцо.

Какой-то редкостный недуг?  
Откуда сновиденья эти?  
Чайковский мне приснился вдруг.  
Люблю “Щелкунчика” у Пети.

Какая странная хандра!  
Я о такой ещё не слышал.

Мне снился Хренников вчера.  
Я очень “Мать” люблю у Тиши.

Верчусь на смятых простынях  
В предчувствии видений новых.  
Шаинский снился мне на днях.  
Люблю “Кузнечика” у Вовы.

Однажды вижу я во сне,  
Как солнце спряталось за тучи.  
Вдруг Алибасов снится мне,  
А с ним и вся “На-На” до кучи.

Потом цветной кошмарный сон  
Большим экраном развернулся –  
Мне снился ЗАГС. И Мендельсон...  
На всякий случай я проснулся...

## Где бы ты ни была...

*...Ты взойдешь на ступень, я рукою тебя поддержу...*

**Александр Акулов**

Знай, любимая, скоро приду я! Ногами. Двумя.  
Ниц паду пред тобой! Всеми рёбрами. На пол. Плашмя.  
Ну, а ты, может быть, улыбнёшься зубами в ответ  
И, наверное, скажешь мне ртом: "Где ты был столько лет?".

Как же буду я счастлив увидеть глазами тебя!  
И подумаю мозгом: "Ну как можно жить, не любя?!"...  
Будет лунная ночь. Я задую губами свечу...  
И любить тебя буду... А чем - уточнять не хочу.

## Особые приметы

*...А в твоём невинном взгляде - глубина и чистота,  
Но зачем-то притаилась вдруг порочинка у рта...*

**Галина Пичура**

Я, едва закончив школу, полюбила паренька.  
Он был то ли гинеколог, то ль шофёр грузовика.  
Он любил уху и студень и болел за ЦСКА,  
Только жаль, имел занудинку у левого виска.

Повстречала инженера - эталон моей мечты -  
То ль из Рио-де-Жанейро, то ли из-под Воркуты.  
Под его невинным взглядом я забыла все табу,  
Но заметила вдруг садо-мазохистинку на лбу.

Я любила есаула - не боялась ни черта.  
Только всё перечеркнула шизофренинка у рта.  
В миг интимного общенья возле проруби в реке  
У него я извращенинку узрела на щеке.

Повстречала одногодка из соседнего села -  
У него на подбородке алкоголинка была.  
Сам он был неглупый малый, без намёка на шизу.  
Я не сразу увидала педофилинку в глазу.

Наконец-то, Богу слава, я нашла свой идеал -  
Он в душе моей по праву занял высший пьедестал.  
У него, что интересно, одного из многих тыщ,  
На носу - простой и честный, благородный, милый прыщ.

## Альберкамюзикл

*Осеверяненное небо...*

**Дарья Кирсанова**

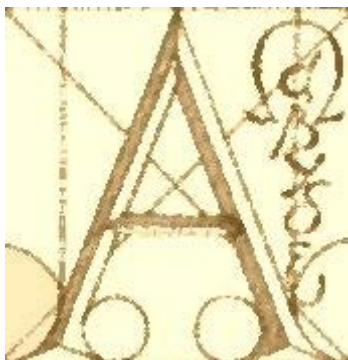
Ларошфукончен бал. В стендальнюю дорогу  
За доризонт уйду я тропкою окольной...  
Пусть я недоальфонсдоделанный немного,  
О прошлом думать мне гюгорько и рембольно.

Где я, от жизни одюмевший многожёнец,  
Обэдгарпошлив чувства, помыслы, желанья,  
Осименонивал жюльверчивых поклонниц,  
Что всюду бегали за мной роменролланью.

А мне б забыть оконандойлевшие лица  
Всех женщин, мной обгуберманутых когда-то,  
И в муракаменной пещере поселиться,  
Где не швырнёт в меня никто рабиндранату.

Забыв капризы мерименчивой погоды,  
В эмильзоляторе выращивая мирты,  
Я притуплю гамзатхлый привкус несвободы  
Большим глотком неразведённого шекспирта.

Потом введу денидидрол внутримарктвенно  
И мопассанистого калия себе я...  
Сойду под кафканье завистников со сцены...  
И от такого счастья охемингуею.



## ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЛИКБЕЗ

Начнем с сожалений о том, что всеобщая безграмотность стала вполне нормальным явлением нашего времени. Настолько нормальным, что даже незыблемые когда-то правила русского языка теперь подстраиваются под не очень грамотную разговорную речь. Так мы скоро начнем заказывать в кафе одно кофе, есть йогурты (с ударением на у)... Это еще ничего, а вдруг, чего доброго, будем учить детей играть на пианине, ездить на метро и носить польты, то есть следовать по пути максимального приближения языка литературного к языку народному? А тут еще и пресловутый «албанский». Ну, его-то создатели и последователи как раз очень хорошо должны знать нормы и правила «великого и могучего», так как их задача – все их нарушить. С этой стороны нам бояться нечего – это такой, на наш взгляд, озорной протест: перебесятся и успокоятся. А вот, например, слышать обращение друг к другу по половому признаку: «Мужчина, вы выходите?» или «Женщина, вы не подскажете?..» - это и в самом деле режет слух. Не хочется становиться «соаффтарами» новой реформы, которая может сильно навредить, правда?

Конечно, и раньше проводилось реформирование русской орфографии, и слово «черт» писалось через «о» – «чорт», «панцирь» через «ы» – «панцырь», а вместо «расступиться» писали «разступиться», «новыя» вместо «новые», «ея» вместо «ее», много букв, ненужных с точки зрения авторов реформ, поубирали. Может быть, оно и оправдано, и правильно, и разумно, но... Вспоминаются слова русского философа, писателя, публициста Ивана Александровича Ильина о реформе 1918 года: «Была энергичная группа формалистов, толковавших правописание, как нечто условное, относительное, беспочвенное, механическое, почти произвольное, не связанное ни со смыслом, ни с художественностью, ни даже с историей языка и народа». Он же писал: «Зачѣмъ всѣ эти искаженія? Для чего это умопомрачающее сниженіе? Кому нужна эта смута въ мысли и въ языковомъ творествѣ?? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: все это нужно врагамъ національной Россіи. Имъ; именно имъ, и только имъ»...

Впрочем, довольно сожалений, настало время шуток. Для начала приведем гениальные «афоризмы», если их можно так назвать, принадлежащие одному нашему современнику, весьма далекому от филологии, но имеющему высшее образование. Причину этих речевых ошибок не беремся анализировать, так как пишет он гораздо правильнее, чем говорит. Просто читайте, улыбайтесь и... учите русский язык ☺.

## ГОВОРИТ ПАЛ САНЫЧ

### (АФОРИЗМЫ)

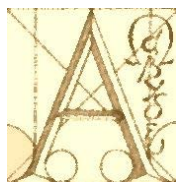
- Непослушному сыну: А ты через 5 минут, чтоб тебя в постель была.
- Другому непослушному сыну: Чтоб сегодня же вышел на работу, а иначе, чтоб глаз моих здесь к вечеру не было!
- Обоим непослушным сыновьям: Почему это там лежит, а не здесь валяется?
- Почему я должен сто раз ждать?
- В ответ на вопрос: Что такое клаустрофобия? - Это когда совершенно потеют, паника.
- Не надо выливать с пустой головы на порожнюю.
- Я проснулся сквозь глаз.
- Весной картошку надо покупать маленькими килограммами.
- Про дорогу, которая поворачивает: Тут же загнутая видимость!
- Нужно твое небольшое присутствие.
- Приехал домой после долгого отсутствия (работает за городом, неделями не бывает дома), смотрят с женой телевизор, разговаривают. – Господи, как мне хорошо ТАМ: все молчат, я слушаю!
- Я старый телевизор отдал охранникам, и он там доумер.
- Вопрос: - Что это за бочки? Ответ: - Это не бочки, это бочки с соляжкой.
- Жене в шутку: - Зуб выбью – будешь кривоногая.
- Жена ему: - Пашенька, давай выпьем за нас, чтобы мы любили друг друга долго-долго и умерли в один день! Он: - Нет! Я хочу жить долго!!!



- Я иногда перебарщиваю палку.
- Возится с мобильником: - Я забыл нажать кновишу.
- Давайте конкретно: нет так нет, да так нет.
- У меня чувство подковыристой занозы.
- Почему огурцы имеют не зеленоватую форму?
- В Испании восторгается изобилием в магазинах: - Бери – хочу – не покупай!
- Было небольшое чувство писанья. (Хотел в туалет).
- Хватит махами рукать.
- Глазуй закра!
- А-а, понятно, откуда ноги дуют.
- Европам по галопам.







## ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЛИКБЕЗ

Литературоведение: Малые жанры в прозе

**Ольга Грушевская (МОССАЛИТ, Москва)**

### ЧТО ТАКОЕ МИНИАТЮРА?



*«Боюсь, что не сумею вам все это объяснить, - учтиво промолвила Алиса. - Я и сама ничего не понимаю. Столько превращений в один день хоть кого собьет с толку».*

*Л.Кэрролл «Приключения Алисы в стране чудес»*

#### Вместо вступления: кратко об истории литературных жанров

О литературных жанрах написано множество фундаментальных литературоведческих статей, в них дается полная классификация и отличительные черты каждого жанра – с ними можно ознакомиться отдельно. Мы же на этом аспекте специально и подробно останавливаться не будем, так как это в нашу задачу не входит, но, поскольку мы будем оперировать термином «жанр», нам надо хотя бы понять, что это такое и получить краткую историческую справку.

Не станем изобретать велосипед, а обратимся к Википедии, где найдем:

**Литературные жанры** - группы литературных произведений, объединенных совокупностью формальных и содержательных свойств (в отличие от литературных форм, выделение которых основано только на формальных признаках). Жанры можно разделить по форме (напр., повесть, пьеса, очерк), по содержанию (комедия, драма), по родам (эпические жанры, лирические, драматические).

Первую систематизацию жанров дал еще Аристотель в своей «Поэтике», и долгое время жанры представляли собой готовую структуру, которая привела к появлению нормативных поэтик. С их помощью авторы получали «указания», как должны были быть написаны трагедии или оды. Именно к такому сочинению относится «Поэтическое искусство» Буало (1674). Долгое время любые нарушения или отклонения от правил строго осуждались критиками, хотя правила, безусловно, претерпевали изменения. Эти изменения, продиктованные как внутрилитературными, так и социально-культурными процессами в общественном развитии, привели к тому, что в конце XVIII в. нормативные поэтики стали «трещать по швам»: многие

привычные жанры начали отмирать или маргинализироваться, другие же, наоборот, приобрели актуальность и привлекли внимание литераторов.

Сегодня понятие «жанр» имеет достаточно широкое значение, и все чаще мы наблюдаем в одном произведении намеренное слияние сразу нескольких жанров, что, на мой взгляд, является отличительной особенностью современных литературных тенденций. И это не случайно – поступательное движение к универсальности и слиянию различных социальных и культурных пластов, до этого считающихся несочетаемыми, все больше приобретает глобальный характер – характер тотального эклектизма.

Тем не менее, жанр в своей основе остается базовой платформой, на которой неизбежно строится авторский замысел - с теми или иными «отклонениями», а потому в своем художественном творчестве любой автор мыслит жанровыми категориями. Многие литературоведы сравнивают жанр «с рамой, в которую вмещается жизненный опыт автора». При этом важно заметить, что даже в нынешнее эклектичное время подобное рамирование диктует не только объем текста, но и методы его организации.

### **Постановка задачи**

Поскольку нашей задачей является рассмотрение миниатюры как сверхмалого прозаического жанра, сначала попробуем отделить ее от других прозаических форм (например, ритмическая проза), которые могут вносить жанровую путаницу, если используются в урезанных или также в малых (коротких) формах. Кстати, такими формами, вносящими путаницу, могут быть и нерифмованные поэтические произведения, к которым относятся короткие стихотворения в прозе, белые стихи, верлибры (свободные стихи) и даже хайку. Но если разница между миниатюрой и хайку очевидна, то различия между поэтической миниатюрой, стихотворением в прозе и верлибром порой размыты, не говоря уже о тех случаях, когда стихи в прозе приравнивают к верлибрам или белым стихам.

Говоря о миниатюре как о малом прозаическом жанре, мы остановимся детально и рассмотрим ее в совокупности формальных и содержательных признаков, а также для сравнения проведем параллели с другими малыми прозаическими жанрами (короткие рассказы, эссе и т.д.).

### **Часть 1. Коротко о стихотворениях в прозе, ритмической прозе, белых стихах и верлибрах (свободные стихи)**

Сделаем небольшой экскурс в область литературных жанровых форм, которые понадобятся нам при разговоре о миниатюре, и проиллюстрируем их наглядными примерами, которые, если не запутают нас окончательно, то хотя бы сфокусируют внимание на основных признаках.

1) **Стихотворения в прозе** - отличаются от прозы и, в частности, от миниатюры отсутствием сюжета и установки на информацию или какое-либо развитие повествования; а от поэзии – отсутствием строгой метрики, ритмики, строфики и рифмы. Стихам в прозе свойственны метафоричность, субъективизм, эмоциональность и лирическое изложение мысли, риторические приёмы (в частности лексико-синтаксическими повторами). Запись текста идет в строчку, что делает прозаические стихи сродни прозе. Они появились как жанр лирической миниатюры в европейской прозе в 19-20 вв. Образцами этого жанра можно считать произведения Малларме, Рембо, Бодлера («Поэмы в прозе»), Новалиса («Гимны ночи»), и др.

*Под широким пасмурным небом, на широкой пыльной равнине, где ни дороги, ни травы, ни репейника, ни крапивы, я встретил людей, которые шли, согнувшись.*

*Из них каждый нёс на спине громадную Химеру, тяжёлую, как мешок с мукою или углём, или как ноша римского пехотинца.*

**Шарль Бодлер**  
**«Каждому своя химера», отрывок**

Самым знаменитым и хрестоматийным русским стихотворением в прозе, которое мы учили еще в школе, является «**Русский язык**» **И.С.Тургенева (1882)**:

*Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!*

Другим примером, продолжающим русские традиции, служат стихотворения в прозе **Иннокентия Анненского**:

#### **Под снегом**

*На поля и дороги, легко и неслышно кружась, падают снежные хлопья. Резвятся белые плясуны в небесном просторе и, усталые, неподвижные, целыми тысячами отдыхают на земле, а там заснут на крышах, на дорогах, на столбах и деревьях.*

*Кругом - тишина в глубоком забытьи, и ко всему равнодушный мир безмолвен. Но в этом безбрежном покое сердце обернулось к прошлому и думает об усыпленной любви.*

#### **Тучи**

*Я стражду. Там, далеко, сонные тучи ползут с безмолвной равнины. На черных крыльях гордо прорезая туман, каркая, пролетают вороны. Печальные остовы деревьев с мольбой подставили свои нагие ветви под жестокие укусы ветра. Как мне холодно. Я одна. Под нависшим серым небом носятся стоны угасшего и говорят мне: Приди. Долина одета туманом, приди, скорбная, приди, разлюбленная.*

Но, как мы уже говорили, стихотворения в прозе не следует путать с ритмической прозой, свободным стихом (верлибром) или белым стихом.

2) В Энциклопедических словарях ритмическая проза определяется как проза фонетически организованная, с осязательным для слуха закономерным чередованием звуковых элементов и намеренным повторением определённых ритмических фигур или метрических моделей. Ритмическая проза может быть культовой, ораторской. Таким образом, здесь уже хорошо прослеживается ритм, но, благодаря записи в строчку, текст продолжает восприниматься именно как проза.

Примером ритмической прозы могут служить **Симфонии Андрея Белого («Драматическая симфония», 1802 г.)**:

*Большая луна плыла вдоль разорванных облак.*

*То здесь, то там подымались возвышения, поросшие молодыми березками.*

*Виднелись лысые холмы, усеянные пнями.*

*Иногда попадались сосны, прижимавшиеся друг к другу в одинокой кучке.*

*Дул крепкий ветер, и деревья махали длинными ветками.  
Я сидел у ручья и говорил дребезжающим голосом:  
«Как?.. Еще живо?.. Еще не уснуло?»  
«Усни, усни... О, разорванное сердце!»  
И мне в ответ раздавался насмешливый хохот: «Усни... Ха, ха... Усни... Ха, ха,  
ха...»*

*Это был грохот великана. Над ручьем я увидел его огромную тень...*

\*\*\*

*Весеннею ночью умирал старый король. Молодой сын склонился над старым.  
Нехорошим огнем блистала корона на старых кудрях.  
Освещенный красным огнем очага, заговорил король беспросветною ночью: «Сын  
мой, отвори окно той, что стучится ко мне. Дай подышать мне весною!»*

*«Весною...»*

*Ветер ворвался в окно, и с ветром влетело что-то, крутя занавеской.*

**Андрей Белый,  
Северная симфония (1-я, героическая)**

Другим примером служит ритмическая проза **Бориса Пильняка** (ниже - «Год», 1911), где прослеживается влияние Белого:

*...Тревожный полусон, тревожная дремота царила.  
Еще не ушла зима, еще не прошла весна... Но стали смешливее  
лучи, зашумели гулы...  
Дул низкий, упругий, треплющий волосы девушки ветерок...  
Потянуло за город...*

Говоря же о верлибрах и белых стихах, надо сразу сказать, что споры об их различии и сходстве ведут везде и постоянно. Считается, что различаются они в ритмической организованности строк.

3) **Белый стих** (буквальный перевод с франц. vers blanc, восходит к англ. blank verse), нерифмованный стих в силлабическом и силлабо-тоническом стихосложении. Белому стиху свойственна астрофичность или бедная строфика и вместе с тем большая свобода и речевая гибкость. К белым стихам прибегали М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, В. А. Жуковский, И. Бунин.

*... Там он томился  
Три долгих дня,  
Три долгих ночи  
И содрогался; наконец  
Был исцелен  
Живительным бальзамом  
Всеисцеляющей природы...*

**В. Жуковский «Орел и голубка»**

*Восемь лет в Венеции я не был...  
Мука Бреннер! Вымотало душу  
По мостам, ущельям и туннелям,  
Но зато какой глубокий отдых!..*

**И. Бунин**

К белым стихам с успехом можно отнести и драматические жанры – драматургию Шекспира, трагедии Пушкина – «Борис Годунов» и «Маленькие трагедии».

*... Ты, отче патриарх, вы все, бояре,  
Обнажена моя душа пред вами:  
Вы видели, что я приемлю власть  
Великую со страхом и смиреньем.  
Сколь тяжела обязанность моя!  
Наследую могущим Иоаннам -  
Наследую и ангелу-царю!..*

**А. С. Пушкин «Борис Годунов»**

С верлибрами все обстоит сложнее, и вокруг этой поэтической формы ведется множество дискуссий. В Википедии можно найти такое определение свободного стиха (верлибра):

4) **Верлибр** (фр. vers libre) - в разной степени свободный от жёсткой рифмометрической композиции стих, занявший довольно широкую нишу в европейской, в частности англоязычной, поэзии XX века. Это тип стихосложения, для которого характерен отказ от всех «вторичных признаков» стиховой речи: рифмы, слогового метра, изотонии, изосиллабизма (равенства строк по числу ударений и слогов) и регулярной строфики.

Свободный стих пограничен между стихом и прозой. С прозой его роднит чередование строк различной длины, отсутствие рифмы, малая упорядоченность ударений. Но по слоговому составу, по акцентной системе и по графической установке (расположению строк) и возникающим вследствие этого межстрочным паузам он схож с поэзией. Интересно то, что появление верлибра в 1884 г. было обусловлено именно обновлением в нормативных поэтиках. На существующих стихотворных формах сказалось влияние и народной поэзии, и библейского и литургического стиха, и переводов иноязычной литературы, и разговорной речи.

Распространение верлибра начинается в XIX в. и нарастает в XX в., его создают А. Рембо, Лафорг, Аполлинер, Поль Элюар, в русской литературе - А. М. Добролюбов, А. А. Блок, В. В. Хлебников, Н. К. Рерих.

Знаменитый «**Зверинец**» **Велимира Хлебникова (1901,1911)** многие тоже относят к верлибру:

*О, Сад, Сад!  
Где железо подобно отцу, напоминающему братьям, что они братья, и  
останавливающему кровопролитную схватку.  
Где немцы ходят пить пиво.  
А красотки продавать тело.  
Где орлы сидят подобны вечности, означенной сегодняшним, еще лишенным  
вечера, днем.*

...

Посмотрим и другие примеры:

**Мираж**

*Что предо мною  
Затравленный взгляд  
Взгляд беспокойней чем крыса в звериной  
берлоге*

*Взгляд женщины скрытной  
Отвергнутой  
Похожей на то  
О чем никогда не пишу.*

**Поль Элюар**

**Я умер и засмеялся**

*Просто большое стало малым, малое большим.  
Просто во всех членах уравнения бытия знак «да» заменился знаком «нет».  
Таинственная нить уводила меня в мир бытия, и я узнавал Вселенную внутри  
моего кровавого шарика.*

*Я узнавал главное ядро своей мысли как величественное небо, в котором я  
нахожусь.*

*Запах времени соединял меня с той работой, которой я не верил перед тем как  
потонул, увлеченный ее ничтожеством.*

*Теперь она висела, пересеченная тучей, как громадная полоса неба, заключавшая  
текущие туманы, и воздух, и звездные кучи.*

*Одна звездная куча светила, как открытый глаз атома.*

*И я понял, что все остается по-старому, но только я смотрю на мир против  
течения.*

*Я вишу как нетопырь своего собственного я.*

*Я полетел к родным.*

*Я бросал в них лоскуты бумаги, звенел по струнам.*

*Заметив колокольчики, привязанные к ниткам, я дергал за нитку.*

*Я настойчиво кричал «ау» из-под блюдечка, но никто мне не отвечал, тогда  
закрыв глаза крыльями и умер второй раз, прорыдав: как скорбен этот мир!*

**Сальвадор Дали**

**« Ветры с моря и ветры с берега»**

И, наконец, скажем пару слов о сверхмалой форме поэзии без рифмы – хайку.

5) **Хайку** (яп. 俳句) - жанр традиционной японской лирической поэзии вака. В самостоятельный жанр эта поэзия, носившая тогда название хокку, выделилась в XVI веке; современное название было предложено в XIX веке. Хайку изображает жизнь природы и жизнь человека в их слитном, нерасторжимом единстве на фоне времен года. Чаще всего повествование ведётся в настоящем времени: автор представляет свои переживания. Рифмы в хайку в европейском понимании нет, поскольку здесь используются другие принципы построения стиха. Ниже приводим классические примеры основоположников этого поэтического направления.

*Плывет гряда облаков...  
Как бережно светлую луну  
Она несет на себе!*

**Бонтё**

*К западу лунный свет  
Двигается. Тени цветов  
Идут на восток.*

\*\*\*

*Долгие дни весны  
Идут чередой... Я снова  
В давно минувшем живу.*

**Еса Бусон**

В современной поэтике можно увидеть такие образцы:

*Зимой умереть  
Зимой умереть,  
Чтобы в разгаре лета  
Падал снег, снег, снег.*

*Лягушка Басё  
Как вода в пруду  
безмятежна жизнь моя.  
И вдруг - лягушка!*

\*\*\*

*Как пусто небо!  
Будто нет его вовсе.  
Так - просто воздух.*

**Игорь Бурдонов**

## **Часть 2. Что такое Миниатюра?**

Перед тем как перейти к детальному анализу прозаической миниатюры и попытаться понять, что это за «птица» и как ее «поймать», рассмотрим сначала это понятие так, как это делает большинство из нас.

### **Миниатюра в широком смысле слова**

Понятие миниатюры имеет очень широкий смысл, и в большинстве случаев ассоциируется с миниатюрными, т.е. малыми размерами того или иного художественного объекта или произведения. Использование термина «миниатюра» можно часто встретить в театре, цирке, на эстраде, когда говорят о скетче, разговорной, хореографической или музыкальной сценке, эстрадной или клоунской постановке.

В литературе же долгое время под «миниатюрой» подразумевали короткий рассказ, короткую пьесу, интермедию и т.д., тем самым ставился знак равенства между термином «миниатюра» и понятием «малый». В этом нет ничего удивительного.

Если обратиться к Литературной энциклопедии 1929 -1939 гг. под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского, то можно прочитать, что:

«Миниатюра - термин, заимствованный из живописи и применяемый иногда в литературоведении для обозначения небольшого по размерам драматического или лиро-эпического произведения».

И далее говорится, что термин этот совершенно не определен ни в стилевом, ни в жанровом плане, поскольку, основываясь на ключевом понятии «малого размера», к миниатюре можно легко отнести и одноактную или многоактную пьесу, когда

представление занимает лишь часть театрального вечера (так называемые «театры миниатюр»); а в литературе точно так же термин «миниатюра» можно применить и для обозначения стихотворения в прозе, эссе, новеллы.

«Введение этого весьма расплывчатого термина отражает укрепление в известных кругах буржуазной критики тенденций к «взаимоосвещению искусств», - пишется в Энциклопедии 1939 г., - характерных для импрессионизма и символизма; лишенный конкретно-исторического содержания термин «миниатюра» научной ценности не имеет».

Однако еще в 1925 г. в работе «Миниатюра» Валентина Дынник высказывает иное мнение: «Заводя речь о сверхмалой форме, мы имеем в виду, прежде всего, миниатюру, заявившую о себе как о литературном факте с конца XIX столетия.

Благодаря своей жанровой многосоставности миниатюра позволяет обращаться к различным сторонам жизни и ставить в центр бытовые, социальные, философские вопросы. Избежать содержательной тавтологии (те же проблемы могут рассматриваться в рассказе, повести, романе) миниатюре помогает ее предельно малый объем, благодаря которому художественный образ в количественном отношении идентичен авторскому тезису, т.е. перед нами тот исключительный случай, когда авторская концепция занимает все текстуальное пространство».

Таким образом, автор Валентина Дынник выделяет миниатюру в отдельный самостоятельный жанр.

Именно основываясь на таком подходе к понятию «миниатюра» – на ее многосоставности – мы ее и рассмотрим, имея целью доказать, что миниатюра заслуживает того, чтобы быть признанной отдельным жанром сверхмалой формы.

### **Миниатюра как отдельный сверхмалый жанр**

К сожалению, жанр миниатюры исследован лишь частично, и, как уже было сказано, литературоведами долгое время интерпретировался как короткий рассказ, короткое эссе, зарисовка и т.д. Хотя уже со второй половины XX в. миниатюра становится достаточно популярной среди литераторов и вычленяется в отдельное направление из смежных ей форм – стихотворений в прозе, ритмической прозы, верлибров.

Именно благодаря своей сложной синтетической «производной», впитавшей признаки сразу нескольких ритмических жанров и прозаических составляющих, миниатюра заслуживает внимания как особое литературное явление.

Итак, что же можно назвать миниатюрой? В статье Валентины Дынник «Миниатюра» дается такое определение:

**МИНИАТЮРА** — литературный термин, заимствованный из живописи, где означает исполненную красками небольших размеров картинку, книжную заставку, концовку и т. п. Происходит этот термин от слова «миниум» (франц. *miniature* - от лат. *minium* - киноварь, сурик) — название красной краски (киновари или сурика), которая была в употреблении у старинных мастеров миниатюры.

Остановимся подробно на характерных особенностях этого малого жанра.

1) Как и в живописи, первой, но не основной, как считают многие, характерной чертой литературной миниатюры служит ее **небольшой размер**. От двух-трех емких предложений, например:



Мой дом стоит так высоко,  
Что слышен кашель Бога

*Тонино Гуэрра*

до более объемного текста.

Однако не всякое короткое произведение - миниатюра. Ближе всех к миниатюре здесь приближаются короткие стихотворения в прозе, о которых мы говорили выше, но от миниатюры их отличает доминирующий лирический компонент и отсутствие сюжетности (развития действия). Если же говорить о сверхмалой форме, то к миниатюре приближаются поэтические хайку с прослеживаемым символическим эпическим (сюжетным) началом, но хайку - самостоятельная форма со своими задачами (созерцательность и единение с природой) и ритмикой, и при этом хайку не есть короткий стих.

2) Как мы говорили, в прозаической миниатюре (в отличие от стихотворения в прозе и верлибра) **должно быть некое сюжетное начало**. Но какую же роль в прозаической миниатюре играет сюжет? И не правы ли те, кто приравнивает миниатюру к упомянутым малым прозаическим жанрам? Ведь сюжет есть типичный признак рассказа, короткой повести, одноактной пьесы и т.д.

А роль сюжета заключается в том, что в миниатюре не нужно действие само по себе - так, как оно необходимо роману, повести, рассказу, пьесе и пр., где действие, как точно в своих комментариях заметил литературный критик Валентин Алексеев, есть «прагматика текста, способ существования текста». В этом смысле миниатюра такого действия не требует. Действие в миниатюре очень символично (также как и в ритмической прозе) и чаще – дается условно, штрихами, детали играют роль не смысловую, а только как штрихи для яркости картины. По словам Валентина Алексеева, «законченность действия миниатюры («фабулы») это вовсе не сюжетная законченность. Это смысловая законченность символа! В этом – огромная и принципиальная разница. Иными словами, при сохранении действия можно выдернуть смысл символа, и тогда миниатюра исчезнет. Так и в романе - выдерни действие при сохранении символичности - и роман исчезнет».

Примерами таких мини-сюжетов, в рамки которых укладываются целая жизнь и которые невольно подводят читателя к самостоятельным выводам, служат миниатюры Тонино Гуэрры (см. ниже). При этом действия в них несут чисто знаковую нагрузку («Распахнутые ворота», «Ожидание»).

**Таким образом, сюжет в миниатюре служит исключительно для формирования законченности символа, а никак не для развития действия как такового.**

3) Ввиду наличия сюжета, миниатюра отличается и от эссе (воспоминания, философские рассуждения, наблюдения), и от художественных статичных зарисовок, поскольку:

а) **авторское восприятие внешнего мира доминирует над внутренним авторским восприятием**. По сути, миниатюра, если подойти формально, есть произведение эпическое или драматическое, хотя и маленькое, где идет анализ внешней ситуации на основе почерпнутой из внешнего мира информации;

б) в ней всегда присутствует **динамика**, но динамика эта не сюжетная, а смысловая или эмоциональная. Динамика (действие) в миниатюре должна присутствовать для того, чтобы увидеть в макросъемке процесс формирования какого-то явления, которое и есть, по сути, и проблема и вывод одновременно. Если прибегнуть к визуальным примерам, то типичным образцом миниатюры могут служить ускоренные кадры рождения бабочки из кокона в фильмах BBC «Дикая природа». В

этом запечатленном процессе рождения нового образа главное не то, «как движется сюжет превращения куколки в бабочку, а тот смысл, который выражен символом перехода куколки в бабочку» (В. Алексеев).

Если же сосредоточиться только на внутреннем эмоциональном восприятии и отбросить всякую динамику, неразрывно связанную с внешним миром, то на выходе мы получим эссе или поэтическую зарисовку в форме стихотворения в прозе или верлибра.

Здесь будет уместно добавить, что в наше время – в период постоянно меняющихся социальных контекстов и ускорения ощущения времени – зафиксированный автором в миниатюре момент бытия может оказаться максимально приближенным к истине.

4) Миниатюра, в отличие от байки, анекдота, короткого рассказа и т.д., не повествует, не рассказывает о чем-то, не рассуждает (эссе), не вспоминает (короткие мемуары, воспоминания), не подводит итогов и не делает выводов (афоризмы, высказывания), а констатирует **значимое состояние или действие, несет в себе конкретный яркий знаковый смысл**. Именно наличием знакового смысла миниатюра отличается от художественных зарисовок и описаний – ритмической прозы, стихотворений в прозе и т.д.

При этом авторский замысел может быть любым – от решения вселенских вопросов до изображения частной ситуации, но которая несет в себе знаковое явление.

**Таким образом, у миниатюры совершенно определенная задача: создать картинку в рамке, изящно выписанную, с конкретным замыслом и с одним сюжетно-семантическим рядом ради задуманного смысла.**

Примером здесь могут служить задания, которые иногда дают первокурсникам для разминки в театральных училищах: изобразить несколькими движениями или поворотами головы Ненависть, Зависть, Нежность, Искренность, Душевную боль и т.д. – несколькими очень точными и значимыми движениями. Безусловно, при определенной постановке задачи короткий талантливый рассказ может оказаться на стыке с миниатюрой (но только на стыке, т.к. задача рассказа как жанра – иная), а вот миниатюра никак рассказом быть не может.

Так, если внимательно проанализировать описания мастера миниатюры Петера Альтенберга (см. ниже), то мы обнаружим, что они несут в себе символы внутренних состояний, и его размышления выходят далеко за рамки внутренних переживаний, затрагивая широкий круг вопросов: взаимоотношения художника и общества, мир женской психики и т.д.

5) Миниатюра всегда **пропорциональна**. Это означает, что она вполне может затронуть глобальную тему, достойную романа, но при этом она не превращается в урезанное произведение – отрывок, ограниченный каким-то отдельным моментом, она как бы сжимается, сохраняя пропорции. В статье В. Дынник приводится пример маленькой драмы Метерлинка „L' Intérieur“, «где на нескольких страницах разворачивается перед нами мистическая суть жизни, постигнутая тайным видением поэта». Здесь же можно привести в пример и «Будильник» Тонино Гуэрры (см. ниже). Характерным примером может служить и миниатюра «Синяя собака», которая в сжатом виде рассказывает о процессах зарождения и развития в человеческом сердце таких сложных чувств, как любовь, привязанность, сострадание – на примере отношений бедняка и бродячей собаки. Эта миниатюра настолько символична, пропорциональна и законченна, что она легла в основу художественного фильма Дж. Пернаторе (с Филиппом Нуаре в главной роли), и это очень показательно.

б) Тогда сразу встает важный и характерный для миниатюры вопрос: какими же художественными способами достигнуть такой непростой задачи (глобальная тематика, например)?

Для типичной миниатюры **свойственен символизм**: умение увидеть в малом – нечто значимое, в случайном – закономерность, в крохотной детали – весь мир. Характерный и предельно простой пример приводит В. Дынник, говоря, что «надо постараться показать «солнце в малой капле воды».

Тот же Петер Альтенберг пытается в тесных рамках миниатюры дать наблюдение за закономерностью – за символом целого явления («Письмо», «Книжка»). Образ или явление Альтенберг заменяет лишь намеком на него, преподносит часть вместо целого, извлекает «экстракты жизни»: «человека в одной фразе, душевное переживание на одной странице, пейзаж в одном слове». И такой же символизм присутствует у Гуэрры – в «Фотографии» и в «Троице».

7) Небольшие размеры миниатюры влекут за собою и другие ее отличительные черты в художественном отношении, и «на первый план выходит – **тщательность отделки, изящество**», – пишет в своей статье о миниатюре В. Дынник. – Здесь — полная аналогия с миниатюрой живописной, которая требует острого глаза и уверенной руки мастера».

И хочется добавить: как в миниатюрной живописи важны краски, так в литературной работе важна яркая стилистика, ритмика (мелодика) и структура. И в этом плане миниатюра схожа с поэтическими формами – ритмической прозой и белым стихом.

8) Есть и другие важные аспекты, характеризующие миниатюру. На них в своих заметках обращает внимание Игорь Бурдонов, художник, поэт, прозаик, успешно работающий в жанре хокку и миниатюры.

«Миниатюра, – пишет Игорь Бурдонов, – это, прежде всего, прозаический текст, из которого нельзя удалить ни одного слова».

К сожалению, в большинстве произведений, претендующих на этот жанр, можно удалить много слов.

«**Условие «неудаления»**», – продолжает Бурдонов, – необходимое, но, конечно, не достаточное. Второе условие сформулировать труднее: это что-то вроде полной замкнутости, завершённости и самодостаточности миниатюры. Её нельзя продолжить, и она не является продолжением. Если её вставить в обрамляющий текст, её границы в нём не размоются, она в нём останется отдельным, вставным куском.

В сумме этих двух условий получается, что миниатюра – это некий атом в прозаическом мире: неделима и неслиянна с окружением».

А я лишь продолжу: миниатюра – это воздушная вещица, заставляющая своим легким прикосновением задуматься о смысле жизни.

#### **Суммируя все сказанное, в миниатюре, прежде всего, видится следующее:**

1. Малые размеры текста.
2. Наличие сюжетного начала, демонстрирующего знаковый смысл.
3. Авторское начало (субъективизм) в восприятии внешнего мира.
3. Динамика как желательное условие, но не главенствующее – исключительно для демонстрации идеи.
4. Четкая постановка задачи (задачей может выступать как глобальная тема, проблема, так и частный вопрос).
5. Структурность (продуманная организация текста, влекущая за собой законченность, пропорциональность).
6. Символизм, аллегоричность (приветствуется, если того требует тема).

7. Самодостаточность – «неделимость».

8. Характерная стилистика, изящество формы (ритмика, мелодика – желательны).

Итак, миниатюра - самостоятельное неделимое законченное литературное произведение малого размера, построенное на авторских образах и с фабулой в основе, не повествующее, а демонстрирующее, динамичное, пропорциональное, изящно прописанное, с доминантой в символическом аспекте действия при четко обозначенном знаковом смысле.

Как уже было упомянуто, яркими образцами миниатюр могут служить малые произведения Петера Альтенберга, особенно его книга «Как я это вижу» (1896 г.), а также ряд малых форм Тонино Гуэрры. Как в произведениях Альтенберга, так и Гуэрры отражены все характерные формальные и смысловые жанровые особенности, которые мы рассмотрели выше.

\* \* \*

**Миниатюры**  
**Петера Альтенберга из книги «Как я это вижу», 1896 г.**  
**(аннотация и перевод Г.Снежинской)**

*Петер Альтенберг – псевдоним Рихарда Энглендера (1859-1919), австрийский прозаик, автор импрессионистских набросков и зарисовок, иронических афоризмов. Сборник прозаических миниатюр, которому Петер Альтенберг дал программное название «Как я это вижу» (1896 г.). Главное для Альтенберга – внутренний мир человека, универсум личности, на фоне окружающего мира. Отсюда и его манера – «телеграфный стиль души», как называл ее сам «венский Диоген», завсегдатай кофеен австрийской столицы в начале нашего века.*



**Кофейня**

Заботы? Не все ли равно, какие, – иди в кофейню!

Она не смогла прийти на свидание, пусть даже по очень серьезной причине? – В кофейню!

Башмаки износились? – В кофейню!

Получаешь четыреста в месяц, а тратишь пятьсот? – В кофейню!

Бережешь каждый грош и на всем экономишь? – В кофейню!

Ты канцелярский служащий, а когда-то мечтал стать врачом? – В кофейню!

И ни одна не способна тебя понять? – В кофейню!

Все люди мерзки и внушают отвращение, но без них никак невозможно? – В кофейню!

Везде закрыт кредит? – В кофейню!

**Письмо**

Милостивая государыня!

Вы утверждаете, что вы «счастливы»? Это ужасно. Бетховен и Шиллер, Гуго Вольф, Новалис и Пенау счастливы не были. По какому же праву претендуете на счастье вы? По праву посредственности? Но этого права у вас нет, потому что вы

посредственностью не являетесь. Вы говорите, что кто-то тоскует, кто-то плачет из-за вас. Лучше расскажите, что это вы о ком-то плачете, вы о ком-то тоскуете. Вы передаете то, что думают о вас другие... Лучше скажите, что вы о других думаете. Говорите о тех, кем вы восхищаетесь, и не говорите о тех, кто восхищается вами. Ваш мир – он такой, какой он есть, тогда как мир других, мир тех, «кто не вы», обогащает ваши мысли, ваши чувства. Блестящие аттестации, получаемые у тех, кто ничего не понимает, – слишком дешевая цена за чувство уверенности в себе. Кто вы – Элеонора Дузе, Иветт Гильбер, Эльза Леман? То-то же. Всегда говорите: «Я почитаю» и никогда: «Меня почитают». «Неуверенность в себе» – еще не свойство артистической натуры. Будь самим собой – не больше и не меньше! Когда вы восторгаетесь русским балетом – Нижинским, Карсавиным, картиной кровавой резни в гареме и гибелью стражников, когда вы говорите о русской народной музыке, когда описываете дам, сидящих в ложах, серебряные диадемы на прелестных локонах, лиловые и изумрудно-зеленые бархатные туники, все скрывающие от взоров, словно сдержанные и благородные тяжелые портьеры – о, здесь слышен ваш и только ваш голос. Вы вбираете в себя красоту мира, вы становитесь богаче. Когда же вы говорите о себе, вы убоги. Тогда слышно женщину, которая хвастается полученным подаванием. Попрошайка, пристроившаяся на мосту, что ведет в богадельню человеческой жизни.

### **Книжка**

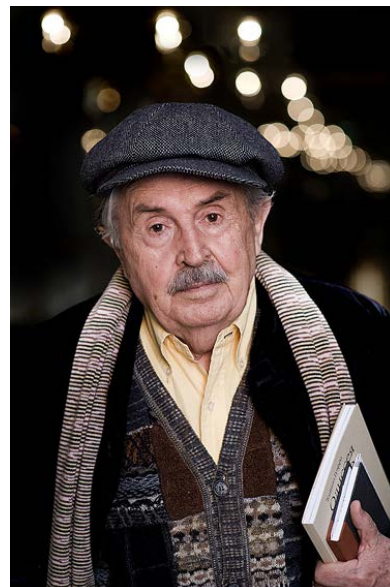
Только что вышла в свет книжка о Бетховене – в издательстве Ульштайн, цена 80 теллеров – или не то одна крона. Собственно говоря, это мелкие «заметки о Бетховене», собранные Паулем Виглером. Найдется ли такая мелочь из жизни Бетховена, которая была бы не интересна? Почему бы мне не интересоваться тем, какие были у него любимые блюда и напитки? Сколько раз за всю свою жизнь мы узнаем подобные вещи про людей, которых никогда бы не стали об этом расспрашивать. Какая походка была у Бетховена, как он принимал приглашения и как отказывал, как он вел себя, когда ему всерьез случалось увлечься какой-нибудь барышней, и тогда, когда другой его обскачет и женится на ней... Каким мылом он мылся, какая трость у него была, какой зонтик? Вам это не интересно? А мне так – очень! Ведь гений – это целостный организм, и мельчайшая шестеренка, крохотный винтик – часть гениальной машины. А вы, именно вы беретесь судить о том, что в ней всего важнее?! Тоненькая книжечка позволяет заглянуть в самые потаенные уголки этой хитроумной гигантской машины, которая создавала музыку для вечности. Если вы можете решиться и положить эту книжечку на столик в спальне своей подруги, чтобы читала на сон грядущий, – то значит, у вас и впрямь есть подруга.

### **Канатоходец**

Когда я был маленьким, я каждое воскресенье бывал в Хитцинге и там взволнованно смотрел на то, как мсье Блондэн на протянутом на страшной высоте канате устанавливал маленькую железную жаровню, готовил себе яичницу и съедал ее там, на канате, невозмутимо и с аппетитом, – так всем казалось. Конечно, к земле от него тянулись тонкие канаты-страховки, и для опытного акробата опасности, можно сказать, не было никакой. Но для меня-то она все равно – была! Вся Вена говорила о Блондэне. Говорили, впрочем, глупости: «Господи, а вдруг он сорвется!» Дело в том, что он-то стал миллионером и лишь относительно рисковал своей никчемной жизнью – наилучшее из предприятий, возможных на земле. Господи! И тут вдруг сорваться... Нет, вот не сорваться ниоткуда, а именно жить несмотря ни на что – вот вы что сумейте-ка!

**Миниатюры**  
**Тонино Гуэрры из книги «Семь тетрадей**  
**жизни», 2005 г.**

*Тонино Гуэрра (итал. Tonino Guerra; 16 марта 1920, Сантарканджелло ди Романья) — итальянский поэт, писатель и сценарист, писал сценарии для таких выдающихся кинорежиссеров, как Федерико Феллини, Микеланджело Антониони, Андрей Тарковский, Лукино Висконти, Франческо Роззи и Тео Ангелопулос.*



**Ожидание**

Он был так влюблён, что не выходил из дома и сидел у самой двери, чтобы сразу же обнять её, как только она позвонит в дверь и скажет, что тоже любит его. В голове звучал один вопрос: «Ты меня любишь?» Но она не позвонила, а он сделался старым. Однажды кто-то тихо постучался в его дверь, а он испугался и убежал, чтобы спрятаться за шкаф...

**Будильник**

У одного бедного арабского торговца был только один будильник для продажи, который он выставлял на своем пыльном коврик. Он заметил, что вот уже много дней, как старая женщина интересуется его будильником. Это была бедуйка одного из тех племен, которые движутся с ветром.

«Хочешь его купить?» - спросил он ее однажды.

«Сколько стоит?»

«Немного. Но не знаю, продам ли его. Если исчезнет и он, у меня больше не будет работы».

«Тогда зачем ты выставил его на продажу?»

«Оттого, что это дает мне ощущение жизни. А тебе он зачем? Не видишь разве, что у него нет стрелок?»

«Но он тикает?»

Торговец завел будильник, и послышалось звучное металлическое тиканье. Старуха закрыла глаза и думала, что в темноте ночи могло бы показаться, будто чье-то другое сердце бьется рядом.

**Распахнутые ворота**

Неизвестно, кто побудил больных стащить грязные простыни, белые халаты и фартуки и отправиться на ловлю бабочек. Они соорудили садок, натянув на металлический каркас сетку от комаров. Получилась легкая круглая клетка, где ползало в неволе, перебирая ножками по ячейкам сетки, бесчисленное множество чешуекрылых, слетавшихся из лишенного зелени города на цветущие лужайки и клумбы лечебницы для душевнобольных.

В конце концов, пациенты потребовали у главного врача направить в центр города монахиню-сиделку и освободить там всех бабочек. Так и было сделано.

На площадь сбежалось много народу, и, когда монахиня распустила шнур, стягивавший сетку, в воздух взмыла целая туча бабочек. Уличное движение

остановилось, потому что всех поразило это необыкновенное событие. А когда люди поняли его смысл, то открыли в знак солидарности ворота сумасшедшего дома, чтобы одарить его узников свободой и любовью.

### **Фотография**

Как-то вечером он стоял в трамвае и вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за руку. Молодой солдат уступал ему место пожилому человеку. Он смутился и сел: такое с ним случилось впервые. Отвернувшись к окну, за которым ничего не было видно, кроме ночной темноты, он вдруг почувствовал весь груз своих лет. С той ночи он заперся в четырех стенах, но они не могли удержать его тоски. Как-то утром он получил письмо из далекого города. Вскрыв его, он обнаружил фотографию старой обнаженной женщины. Без всякой подписи, и пояснений. Он надел очки и отыскал в морщинистом лице знакомые черты: это была единственная женщина, которую он по-настоящему любил в своей жизни. Зная великодушие своей возлюбленной, он сразу понял смысл ее послания. Догадавшись о его страданиях, женщина не постеснялась показать ему свое старое тело, чтобы он убедился, что чувства сильнее плоти.

### **Троица**

Одному человеку сказали однажды, что он дерево.  
Испугавшись, побежал посмотреть на себя в зеркало и увидел, что он жаба.

---

#### **\* Используемая литература**

*Художественная:*

Альтенберг П. Как я это вижу, 1896 .

Белый А. Старый Арбат: Повести - М.: Моск. рабочий, 1989.

Анненский И. Ф. Книги отражений - М.: Наука, 1979 .

Гуэрра Т. Семь тетрадей жизни, 2005.

Элюар П. Стихи: пер. с фр. М. Ваксмахера. - М.: Сварог и К, 1998 - 424 с.

Бодлер Ш. Каждому своя химера. Из маленьких поэм в прозе: пер. с фр. Ф. Сологуба.

Стихи.ру:

Дали С. Ветры с моря и ветры с берега, Copyright: Шкала Экспромта, 2010.

Хлебников В. Copyright:, 2006.

Бурдонов И. Восточные формы, 2008.

*Литературно-критическая:*

Дынный В. Миниатюра. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т.; Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. — М.; Л.: Изд. Л. Д. Френкель, 1925.

Литературная энциклопедия: В 11 т.; М.: изд. Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература; Под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. 1929—1939 .

Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэ; Под ред. проф. Горкина А. П. 2006.

Орлицкий Ю. Самый изобразительный и охватистый... ( Заметки о ритмическом своеобразии прозы Бориса Пильняка).

Интернет-ресурс. Википедия.

Алексеев В. Рабочие заметки (по итогам проекта ВКР 2010), 2010.

Бурдонов И. Рабочие комментарии и обзоры (по итогам проекта ВКР 2010), 2010.

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ****Светлана Сударикова****(МОССАЛИТ, Москва)****ФЕДОР СОЛОГУБ –****ПОЭТ, ПИСАТЕЛЬ, МИСТИК**

В 1902 году на острове Мартиника в Вест-Индии происходит одно из страшнейших в истории человечества событий - извержение вулкана Монтань-Пеле. В результате этой катастрофы погибло более 30000 человек, так, в столице Сен-Пьер выжили всего два счастливица, заключенные в каменный мешок местной тюрьмы.

В это время в Петербурге из-за своеобразного преломления лучей, связанного с этим катаклизмом, наблюдаются необыкновенные закаты, о которых много пишут и говорят. Символисты пророчат грядущую катастрофу, общество в нервном ожидании, религиозно-мистические кружки полны пугающих предчувствий и неясных предсказаний. Оккультных кружков существует бесчисленное множество – умирает один, на его месте возникает другой. Особенно популярны спиритические сеансы. Многие известные деятели культуры, науки и литературы являются членами таких кружков.

**А.Блок, Ф.Сологуб, Г.Чулков**

Так, среди членов братства «Аргонатов» («Арго»), возникшем на месте кружка последователей учения Владимира Соловьева о Святой Софии, были С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, А.С.Аскольдов и, конечно, поэты-символисты, многие из которых - законченные мистики. Андрей Белый писал: «Оккультизм – это воздух, которым мы дышим», а Валерий Брюсов славился спиритическими сеансами.

Последователями оккультных наук были Мережковский, Зинаида Гиппиус, Александр Блок, Вячеслав Иванов и другие деятели литературы. И, конечно, Федор Сологуб, удивительно интересная и мрачная фигура русской литературы, человек, облаченный в мистические предсказания и видения, о которых Блок сказал: «Полнота его видений всегда лежит далее того, что может быть воплощено в слове».



Федор Кузьмич Тетерников родился в Санкт-Петербурге в семье портного, незаконнорожденного сына помещика, 17 февраля 1863 года. Отец умер, когда будущему поэту было 4 года. После смерти главы семьи мать Федора Сологуба возвращается к барам Агаповым в качестве одной прислуги. В доме Агаповых и прошло детство поэта.

Агаповы были просвещенной семьей, и мальчику разрешалось пользоваться библиотекой, где он читал книги, журналы, его брали с собой в театр, он учился, сначала в приходской школе, затем в уездном училище, а после в Учительском институте, который окончил в 1882 году, с отличием защитив диплом. При этом сын кухарки знал свое место – спал на кухне, в передней делал уроки, выполнял различные поручения хозяев.



*Ф.Сологуб*

Федор Сологуб рос непослушным ребенком, за что регулярно был порот. Мать порола сына за любые провинности, даже когда он уже учительствовал, и порка стала болезнью, навязчивым желанием, без чего Сологуб уже не мог существовать. После смерти матери ее место заняла сестра, при этом никаких обид не было. Сологуб безгранично любил и ту и другую, и тяжело переживал смерть обеих.

Еще одной странной привычкой Сологуба, сформировавшейся в тот период, было хождение босиком. Поначалу это было связано с бедностью и хроническим безденьем, но постепенно стало философией, и будучи уже немолодым и достаточно обеспеченным человеком, Федор Сологуб любил удивить задержавшихся где-нибудь ночных прохожих, которые могли наблюдать хорошо одетого человека, прогуливающегося по ночному Петербургу босиком.

Но это позже. А пока юный Сологуб после окончания Учительского института отправляется в провинцию учителем младших классов, где проведет 10 лет жизни, время, о котором он потом скажет: «Я был слишком юн и мало подготовлен к тому, что меня встретило». Сначала Сологуб получает направление в город Крестцы Новгородской области, затем в Великие Луки и Вытегру. Позже в романах «Тяжелые сны» и «Мелкий бес» Сологуб опишет жуткую атмосферу, в которой он жил в годы учительствования в Провинции. А.Блок говорил, что роман «Мелкий бес» был прочитан всей образованной Россией, а Андрей Белый писал в своих мемуарах, что Сологуб, Горький, Куприн и Андреев были четверьмя наиболее известными писателями в России того времени, «четверку эту провозгласила критика 1908-1910 годов». Роман действительно имел громадный успех, а имя главного героя, учителя гимназии Передонова, стало нарицательным. Передоновщина - это олицетворение всего гадкого, низкого, мелких человеческих страстей, клеветы, ненависти, пьянства. Сам Сологуб писал, что у него «не было необходимости сочинять и выдумывать из себя», и «все в моем романе основано на очень тонких наблюдениях, и я имел для моего романа достаточно натуры вокруг себя». В этом романе у Сологуба, как истинного символиста, появляется омерзительный символ всей этой передоновщины – Недотыкомка, неопределенное существо, злое, юркое, противное и страшное. Недотыкомка – это

безраздельный властелин душ Передоновых и мира обитателей «Мелкого беса», мира «умственного и нравственного одиночества», в котором 10 лет выживал Сологуб.

Наконец, в 1892 году Сологуб перебирается в Петербург, где происходит первое удивительное событие – стихами никому не известного поэта заинтересовались в журнале «Северный вестник». Именно тогда появляется всем известный псевдоним, и из Тетерникова рождается Сологуб. И провинциал, учитель младших классов, по сути, человек без происхождения попадает в высший литературно-философский круг Петербурга, элитный клуб, где вращались К.Бальмонт, А.Чехов, З.Гиппиус, А.Белый, Мережковский и др. известные литераторы, философы. Более того, Сологуб становится одним из основоположников зарождающегося тогда нового литературного течения, давшего России замечательных поэтов, - символизма.

Сологуб много печатается. Его романы и статьи переводятся на немецкий язык и издаются в Вене. Появляются сборники стихов: цикл стихов «Звезда Маир», «Пламенный круг», «Змий», сказочки, которые Сологуб пишет во время русско-японской войны, рассказы, романы, статьи, драматические произведения «Литургия мне», «Дар мудрых пчел». Сологуб активно публикуется вплоть до Октябрьской революции, которую воспринял скептически, считая большевиков случайными захватчиками власти. В 1907-1914 годах Сологуб пишет роман «Творимая легенда» (в первоначальном варианте «Навьи чары»), в котором действие происходит не только в реальной жизни, но и в иных измерениях. В этом романе Сологуб словно предвидит будущую революцию в России – в некоем фантастическом государстве революционные партии добиваются свержения монархии, но свободы и счастья народу не приносят. Еще одну провидческую фразу говорит Сологуб в канун Октябрьской революции: «Произойдет величайшее потрясение. Солдаты разойдутся по домам, крестьяне заберут землю, рабочие прогонят фабрикантов. Власть будет у тех, кто разрешит массам произвести это разрушение России. И будет много крови». Увы, мрачные предвидения Сологуба сбылись.



*А.Чеботаревская и Ф.Сологуб*

Одним из символических образов, присущих творчеству «символистов», был образ Святой Софии, Вечной Женственности и Мировой души, Мудрости и женского начала в Боге. У каждого символиста была своя Незнакомка, своя Прекрасная Дама, для Сологуба воплощением этого образа стала Анастасия Чеботаревская. Чеботаревская появляется в жизни Сологуба сразу же после смерти сестры, она словно, перенимает на себя заботу о поэте.

И сразу жизнь Сологуба кардинально меняется. Меняется все: обстановка в квартире, окружение, привычки и даже внешность. Чеботаревская устраивает не только быт поэта, но и его литературную жизнь, став фактическим литературным агентом поэта. Они даже пишут совместные рассказы, а некоторые свои статьи Чеботаревская публикует под именем Сологуба (разумеется, с его ведома) – так проще было опубликоваться. Без сомнения, Сологуб боготворил свою Снегурочку, и был счастлив.

Именно эти годы стали для Сологуба самыми счастливыми как в творческом, так и в личном плане. Так продолжается вплоть до революции, ставшей для Сологуба крахом всего, что было ему дорого.

Творчество Сологуба – это его философия, воплощенная в литературно-художественные формы. Поражает, сколь тесно были сплетены, спутаны в единый клубок поэзия и судьба Сологуба, словно он всю жизнь вел творческий дневник, в который заносил не только мысли, впечатления, размышления, но и события собственной жизни. Символом судьбы в творчестве поэта были качели. «В тени косматой ели, над шумною рекой» висят эти самые качели, а ты сидишь, крепко ухватившись за веревки, и то взлетаешь вверх, то стремительно падаешь вниз, только держись, того гляди, сломается «шатучая доска» или перетрется «крутяся конопля», и тогда... И все бы ничего, да только качает качели сам черт, «качает и смеется, вперед, назад, вперед, назад».

В Петербурге о Сологубе говорили разное. Его считали колдуном, ведуном. Он действительно был личностью странной и неоднозначной. Ходасевич писал, что когда увидел Сологуба впервые, страшно испугался и так и боялся его до самой смерти. У Сологуба был небольшой литературный салон, в который не раз заходили знаменитые и молодые литераторы. Современники вспоминали, что там было как-то неуютно. Сологуб говорил тихим загробным голосом, отчего по коже пробегали мурашки, к тому же был как бы отсутствующим, а когда к нему обращались, его удивленный взгляд будто спрашивал: «Как, вы еще живы?».



*Ф. Сологуб*

Однажды Вячеслав Иванов собрался пораньше уйти от Сологуба и навестить Мережковских. Погода стояла чудесная, теплая и солнечная. Однако поэт долго не мог найти свои галоши, ему все время попадались галоши, помеченные буквой «Т», Тетерников, это довело его буквально до иступления. Когда же галоши, наконец, были найдены, и поэт вышел из дома, небо внезапно нахмурилось, потемнело, поднялся сильный ветер и пошел проливной дождь. Иванов немедленно отправился домой, глубоко убежденный, что эта история с галошами и ливнем была ничем иным, как колдовскими происками Сологуба. Сологуб увлекался буддизмом и верил, что воплощался на Земле неоднократно. То он вспоминал себя собакой, то нюрнбергским палачом, то кровожадной королевой, то красавицей гетерой Фриной:

*Насыт ив очи нагот ою  
Эфирных и бесст рашных т ел,  
Земною ст раст ною красою  
Я воплот ит ься захот ел.  
Тогда мне дали имя Фрины  
И в обаяньи неж ных сил  
Я восхит ил мои Афины  
И т ело в волны погрузил.*

Это было не предположение, а твердая убежденность. И, естественно, его ждали иные воплощения.

*Душа, от т оргнувшись от т ела,  
Как будешь т ы в веках ж ива?  
Как т ы припомнишь вне предела  
Все наши формы и слова.  
Но т ы ж ива, я знаю эт о,  
И т ы пройдешь сквозь дым веков,  
Во исполнение завет а,  
Еще ж ивее без оков.*

Поэтому смерть, еще один символ Сологубовской поэзии, становится символом освобождения, не какой-то сгорбленной старухой, а прекраснейшим образом, «милее всех дев лобзанных»:

*Подруга-смерт ь, не замедляй,  
Разрушь порочную природу,  
И мне опят ь мою свободу  
Для созидания от дай.*

Не зря Горький критиковал Сологуба как проповедника смерти и носителя пессимистических идей.

Воплощением прекрасной жизни у Сологуба является звезда Маир, вокруг которой вращается планета Ойле, страна любви и мира, блаженный край вечной красоты, и таинственная река Лигой отражает сияние Маира. Может быть, это и есть те самые видения, о которых писал Блок, и планета Ойле не что иное, как ветхозаветный рай? А на Земле балом правит Сатана, к образу которого Сологуб обращается на протяжении всего творчества. Кто сказал: «Сотворим человека по нашему подобию»? Бог Сатане, или Сатана Богу? – размышляет Сологуб в «Афоризмах», кто правит миром, Бог или Сатана?

В отличие от звезды Маир, Солнце – жестокий дракон, который слепит глаза, а земной мир – «одна обширная тюрьма», и пленная душа томится «под брэнною тюрьмою тела».

Нужно отметить, что обращение к Дьяволу и богохульство в литературной среде того времени были достаточно популярны, так, на одной из «сред» у Вячеслава Иванова в ответ на провозглашенный хозяином масонский тост «За свет!» Брюсов вскопчил и прогортанил: «За тьму!», а Андрей Белый сорвал с себя крест и бросил его. Поэтому не удивительны такие стихи у Сологуба, как «И верен я, отец мой, Дьявол, обету, данному в злой час» или «Сатана вошел во фраке, в лакированных туфлях»,

однако, и Творец не чужд творчеству поэта. Бог и Дьявол у Сологуба тождественны, две части одного целого. Но, несмотря на такое восприятие мира, бесконечной любовью пронизаны стихи Сологуба, посвященные Родине:

*О, Русь, в тоске изнемогая,  
Тебе слагаю гимны я,  
Милее нет на свет е края,  
О, родина моя!*

Сологуб бесконечно и трогательно любил Россию, возможно, поэтому революция стала для поэта и личной трагедией. И если Февральская революция была «днями великой радости», то затем качели стремительно полетели вниз.

23 сентября 1921 года в приступе психастении Анастасия Николаевна Чеботаревская с дамбы Тучкова моста бросилась в реку Ждановку. И без того нездоровая психика Чеботаревской была подорвана смертью Блока и Гумилева, а также невозможностью выехать за границу: Сологуб хлопочет об этом, но получает отказы.

Труп Чеботаревской долго не могли найти, и Сологуб не переставал верить, что жена жива, поскольку никто точно не мог сказать, что женщина, бросившаяся с моста, именно Чеботаревская. Сологуб публиковал объявления в газетах и даже когда садился обедать, обязательно ставил еще один прибор. Злые языки говорили, что Сологуб обедает с покойницей. Труп был обнаружен лишь через полгода. Причем по мистическому стечению обстоятельств, одна из последних льдин вынесла его как раз напротив дома, который незадолго до этого снял поэт.



*А. Чеботаревская и Ф. Сологуб*

Тело Чеботаревской было настолько обезображено, что поэт опознал его лишь по обручальному кольцу, которое потом бережно хранил.

Это событие совершенно измотало Сологуба, но, как писала Ольга Форш: «Потом он опять жил, потому что был поэт, и стихи к нему шли». Скорее он доживал, писал спокойные философские стихи, дожидаясь встречи с любимой на прекрасной земле Ойле.

Сологуб, по его собственным словам, обладал «видением пророка». Так, он знал, когда умрет. Он любил говорить, что болен декабризмом. На вопрос, что это за болезнь такая, поэт отвечал, что это болезнь, от которой умирают в декабре.





*Каждый год я болен в декабре,  
Не умею я без солнца жить,  
Я устал бессонно ворожить  
И склоняюсь к смерти в декабре.  
Зрелый колос, в демонской игре  
Дерзко брошенный среди земли.  
Тьма меня погубит в декабре.  
В декабре я перестану жить.*

Сологуб умер 5 декабря 1927 года.

Похоронен поэт вместе с Анастасией Николаевной на Смоленском кладбище Петербурга недалеко от могилы А.Блока.

**ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ****Зинаида Кокорина****(МОССАЛИТ, Москва)****ТАК НАЧИНАЛОСЬ ДЕТСКОЕ  
ЧТЕНИЕ**

*Открывая детскую рубрику, хочу напомнить читателям кое-что из богатой истории детской журналистики в нашей стране. Русская пресса для юного читателя, в отличие от взрослой, началась с журнала.*

До революции издавалось около трёхсот детских и юношеских журналов, в основном в Москве и Петербурге. Одни журналы издавались десятилетиями, другие прекращали своё существование после первой же книжки. Причин для этого было много: у издателей не было средств, журнал не находил подписчиков, но чаще всего журналы не могли соперничать с уже издававшимися и любимыми читателями. Каждый из вышедших журналов имел свою тематику, направленность, структуру.

В России детская литература возникла из книг для детей на основе устного народного творчества. Сказки, былины, песни, пословицы, загадки со времён древней Руси способствовали идейно-эстетическому и нравственному формированию многих поколений детей. Первыми специальными книгами для детей были учебные книги: азбуки, буквари, энциклопедии... Они оказывали большое влияние на развитие детской литературы.

О том, что существовали древние азбуки и буквари, свидетельствуют находки советских археологов. Киевская Русь была государством высокоразвитой культуры и широко распространённой грамотности.

При раскопках в Новгороде были обнаружены письма и документы, написанные на бересте. Ранние из дошедших до нас учебников, относятся к XVI веку. В 1574 году во Львове вышла - самая первая из печатных книг – азбука, созданная ради *скорого младенческого «научения»* первопечатником Иваном Фёдоровым. Один из первых букварей, дошедших до нас, «Начальное учение человекам, хотящим разумети божественного писания», напечатан в Москве. Создан он Василием Фёдоровичем Бурцевым в 1634 году. Букварь не только учил грамоте, но был книгой для чтения и служил нравственному воспитанию детей.

Первые рукописные сборники появляются в XVII веке.

**ЯН АМОС КАМЕНСКИЙ** (1592-1670) – основоположник научной педагогики, изобретатель классно-урочной системы (реформатор школы) – стал родоначальником литературы. Его книга «Мир в картинках», по существу, стала первой книгой, написанной специально для детей. Каменский оказал огромное влияние на развитие



мировой педагогики и школьной практики. Многие его дидактические положения вошли в современную теорию обучения.

**СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ** (1628-1680) – церковный деятель, богослов и писатель. Занимаясь с 1667 года воспитанием царских детей, написал для них несколько сочинений, в том числе «*Вертоград многоцветный*». Это был сборник стихотворений, предназначенный служить *книгой для чтения*.

В конце XVII века появляется в России первый детский писатель **КАРИОН ИСТОМИН** (1650-1717). Монах Чудова монастыря в Москве, поэт и педагог. Он писал стихи для детей, создавал энциклопедии, составлял буквари (два букваря изданы в 1694 и 1696 годах). Ему принадлежат «Арифметика» (1700) и «Лицевой букварь» (1692). Букварь был преподнесён царице Наталье Кирилловне в 1692 году для обучения её внука, царевича Алексея, сына Петра I. В 1694 году этот букварь был напечатан с иллюстрациями.

Первый в мире детский журнал «**Лейпцигский еженедельный листок**» был издан в Германии (1772-1774 гг.). Через три года в России (в Москве) стало выходить специальное детское периодическое издание «**Детское чтение для сердца и разума**».

Положил начало отечественным изданиям для юного читателя журнал русского просветителя **Н. Новикова** «**Детское чтение для сердца и разума**».

Он выходил в виде еженедельного приложения к «Московским ведомостям» с 1785 по 1789 год. Новиков видел в издании журнала, прежде всего, возможность провести в жизнь свои педагогические и просветительские идеи. По мнению основателя, детский журнал должен был служить «для сердца и разума», с ранних лет воспитывать добрых граждан, прививая юным читателям законы добродетели. На страницах журнала печатались научные статьи, рассказы, басни, комедии, шутки, беседы о явлениях природы. Н.Новиков считал, что в государстве всё «сделается удобным, когда воспитание достигнет возможной степени своего совершенства». Это и было целью его издания. В редакции работали сотрудники с хорошим вкусом и литературным талантом, так, одним из редакторов был Н. Карамзин, опубликовавший на страницах журнала первую повесть «Евгений и Юлия». Печаталась и переводная литература. Читатели знакомились с произведениями Вольтера, Лессинга, Томсона и многих других знаменитых зарубежных авторов.

В своих воспоминаниях обращался к журналу и С. Аксаков: «В детском уме моём (после знакомства с этим журналом) произошёл совершенный переворот, и для меня открылся новый мир...».

В одном из отзывов 1849 года отмечалось: «Чистые, нравственные правила, изложенные увлекательным для того времени языком, незаметно проникали в душу читателей, особенно читательниц, и мало-помалу дали совершенно иной колорит целому обществу».

Через 60 лет после появления «Детского чтения» В. Белинский воскликнул: «Бедные дети! Мы были счастливее вас: мы имели «Детское чтение» Н. Новикова».

Отдельные номера «Детского чтения» перепечатывались и успешно продавались в виде книжек после закрытия журнала. За «Детским чтением для сердца и разума» в 1785-1789 годах последовали другие подобные издания. Журналы исторически соответствовали тем задачам, которые возлагались на *детское чтение* вообще. С начала XIX века периодические издания для детской аудитории стали выходить один за



другим: «Друг юношества и всяких лет» М. Невзорова (1807-1815), «Друг детей» Н. Ильина (1809), «Новое детское чтение» С. Глинки (1821-1824).

Активно занималась журналистской деятельностью **ИШИМОВА АЛЕКСАНДРА ОСИПОВНА** (1805-1881) – писательница, переводчица, педагог. Была знакома с В.А.Жуковским, А.С.Пушкиным, Н.В. Гоголем, И.С. Тургеневым. Начала печататься в 1831 году. Работы высоко оценены многими выдающимися деятелями русской культуры (А.С.Пушкиным, Н.В.Гоголем и др.). Приобрели известность её рассказы для детей.

Шесть лет писала А.О.Ишимова **«Историю России в рассказах для детей»**.

За основу была взята «История» Карамзина, которую писательница прочла несколько раз. В своей книге она отразила все важнейшие события русской истории с древнейших времён до начала царствования Николая I.

*... «История» г-жи Ишимовой - важное приобретение для русской литературы: так богато сочинение её другими достоинствами, между которыми первое место занимает превосходный рассказ и прекрасный язык, обличающие руку твёрдую, опытность литературную, основательное изучение предмета, неутомимое трудолюбие. – В.Г.Белинский.*

Большой популярностью пользовались журналы, издаваемые Ишимовой.

В 1842 году начал издаваться журнал **«Звёздочка»**. Этот первый частный и единственный в то время воспитательный журнал для детей, издавался до 1863 года. С 1850 года журналов стало два – для детей и для девиц.

В журналах **«Звёздочка»** и **«Лучи»** (1850-1860) Ишимовой было помещено свыше 600 своих оригинальных и переводных произведений, впоследствии собранных в отдельные книги. В журналах и книгах Ишимовой с задачей религиозно-нравственного воспитания, желанием развить в юных читателях чувство добра и сострадания, соединялось стремление дать самые разнообразные знания о мире (его истории и географии), русской и мировой литературе, национальных достопримечательностях.

Особенностью первых журналов было то, что они выходили при полном отсутствии детской литературы. Вопрос о её создании уже стоял перед обществом. Необходимо было ещё и считаться уровнем грамотности населения. Ведь тогда не умело читать подавляющее большинство детей России.

Сергей Глинка – издатель журнала **«Новое детское чтение»**, спрашивал:

*«Итак, для кого же должно издавать книги, посвященные первоначальным летам?» И отвечал: «Для добрых отцов и попечительных матерей. Мы предлагаем в детских книгах не то, что может быть понятно детям при первом чтении, но то, что делается им вразумительным при объяснении тех, которых каждое слово и каждое изречение напечатлеваются в уме и в душе силою вещания внимательной и заботливой любви. А сия убедительность принадлежит отцам и матерям!»*

**ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ**

**Мария Сидлер (МОССАЛИТ, Москва)**

**ПАПА ДЛЯ ТИГРЕНКА****СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ**

Однажды в одном далеком-далеком зоопарке родился маленький Тигренок. Он был совсем крошка, и полоски на его шкурке были почти незаметны. Мама Тигрица каждое утро вылизывала Тигренка розовым шершавым языком. А малыш норовил удрать, проскальзывая между мамиными лапами вертким мохнатым комочком. Тигренок рос и с каждым днем становился взрослее. Его толстенькие лапки окрепли, полоски проступили ярче и стали почти, как у взрослого тигра. Но все равно он оставался маминым малышом. Все чаще Тигренок выбирался из клетки (когда мама была чем-нибудь занята), чтобы полазить по всему зоопарку. Он был любознательный, этот Тигренок.

Больше всего малыш любил ходить в гости к другим зверятам. В соседней клетке жила семья кенгуру с маленьким Кенгуренком, а чуть дальше стояла большая клетка с медведями, и там рос Медвежонок. Тигренок часто играл с обоими зверятами в разные забавные игры. Кенгуренку и Тигренку очень нравилось прыгать в высоту (все знают, что кенгуру лучше всех зверей умеют это делать). И папа Кенгуру частенько учил их правильно прыгать через кусты и другие разные препятствия. А когда мама Кенгуриха звала свое семейство обедать, Кенгуренок вместе с папой большими прыжками убегали за стол. Тогда Тигренок шел играть к Медвежонку. С ним он мог кувыркаться через голову хоть целый день. Но выходил из пещеры папа Медведь и звал Медвежонка учиться собирать мед на пасеке. Тигренок оставался один. Играть ему было больше не с кем, и он возвращался в свою клетку, к маме. Каждый раз она немного журила своего непослушного малыша за то, что он опять удрал без разрешения, но никогда долго не сердилась. Они садились пить молоко с банановым пирогом. И Тигренок считал, что вкуснее маминых пирогов нет ничего на свете. А еще он думал, что им с мамой очень здорово сидеть вдвоем и болтать обо всем, что приходит в голову. Только иногда, когда Тигренок видел, как дружно прыгают Кенгуренок с папой или когда папа

Медведь клал на плечо Медвежонку свою огромную мохнатую лапу, Тигренку отчего становилось немного тоскливо...

Как-то раз Тигренок спросил:

- Мама, а почему у меня нет папы? Вот у Кенгуренка папа, который выше всех прыгает, а у Медвежонка самый сильный папа....

Мама Тигрица помолчала немного, а затем ответила:

- Милый сынок! У тебя тоже был папа... Только... - мама помолчала еще чуть-чуть, - он погиб, защищая нас... Тебя еще не было на свете, когда в наши джунгли (помнишь, я рассказывала тебе про огромный лес с пальмами и лианами?) приехали охотники и начали ловить разных зверей. Вот и я попала в расставленную ловушку. Папа пытался меня освободить, но капкан держал крепко свою добычу, и тогда он остался рядом со мной. Когда пришли охотники, он кинулся на них, не давая подойти и увести меня из джунглей... И тогда один из охотников застрелил его из такой страшной штуки, которая называется ружье и плюется смертоносными маленькими камешками - пулями. А меня все-таки забрали и привезли сюда, в этот зоопарк... Здесь ты и родился...

Тигренок долго сопел носом и несколько соленых слезинок упали в его миску с молоком. Затем он спросил:

- Мама, а ты не скучаешь по папе и джунглям?

Тигрица ласково лизнула своего малыша в полосатую мордочку и ответила:

- Конечно, скучаю, но у меня же есть ты...

Вот так Тигренок узнал о своем папе. Теперь он подолгу сидел совсем один на берегу пруда, в котором жили крокодилы, думая о чем-то своем. Обычно малыш старался мысленно представить папу: такого большого полосатого тигра, смело бросающегося на злых охотников. И тогда он начинал сильно им гордиться. Но иногда Тигренку становилось очень обидно, что у всех зверят, которых он знает, есть папы, а у него нет... И даже геройский папин поступок не утешал маленького одинокого Тигренка. Как-то раз он рассказал эту историю своим друзьям. Но они ему не поверили. Кенгуренок сказал, что это враки, просто никто не захотел стать его папой. А Медвежонок обидно засмеялся и добавил, что никаких джунглей не бывает вообще, потому что его папа говорит, что все звери живут в зоопарках. Тигренок очень рассердился и слегка укусил Кенгуренка за хвост, а Медвежонку отвесил звонкую затрещину. Зверята обиделись и ушли, а Тигренок опять остался один на один со своими грустными мыслями. Может, друзья были правы и мама все выдумала, чтобы ему не было так обидно, что у него нет папы? Маленький Тигренок вот так думал, и думал... И придумал, что он обязательно найдет себе папу, самого настоящего. Сейчас пойдет и попросит дядю Льва, что бы тот стал его папой. Тогда у него будет самый смелый папа (ведь все знают, что львы очень смелые и вообще цари зверей). С этой мыслью Тигренок и отправился к клетке Льва. Надо сказать, что этот Лев был такой величественный, ходил по зоопарку с высоко поднятой головой и не здоровался с другими зверями. Как самый настоящий царь. Когда Тигренок, запыхавшись, прибежал к его клетке, Лев стоял около небольшой лужицы и разглядывал себя. Он поворачивал голову с роскошной лохматой гривой то в разные стороны, чтобы как следует полюбоваться своей царской особой.

- Здравствуйте, дяденька Лев! – поздоровался Тигренок, которого мама учила всегда быть вежливым.

Лев не повернулся в сторону малыша, но все же ответил снисходительно:

- Привет, маленький Тигренок! Что привело тебя ко мне?

- Понимаете...

Тигренок немного смущался, но, собравшись с духом, выпалил:

- У меня совсем нет папы, а у других зверят есть, и я хотел вас попросить стать им для меня.... Ну хотя бы на чуть-чуть... - закончил Тигренок тихо.

Лев задумался, посмотрел, наконец, на Тигренка, и спросил:

- А мне-то это зачем нужно?

Видя, что царь зверей не прогнал его сразу, храбрый малыш приободрился немного и ответил:

- Вы ведь живете один, а это должно быть страшно скучно! Мы могли бы вместе обходить владения, и вы научите меня как это - быть царем зверей!

Лев представил, как он будет гордо вышагивать по зоопарку, а Тигренок понесет его хвост с красивой кисточкой на конце, точно мантию. И еще Лев подумал, что его величие только возрастет, если он возьмется воспитывать приемыша. Все звери скажут, что Лев не только смелый, но еще и добрый! Царь зверей пришел замечательное расположение духа и сказал:

- Ну, хорошо... Я согласен быть твоим папой. Только, чур, не надоедай мне и не прибегай каждые пять минут! Я сам буду тебя приглашать, когда захочу.

Тигренок покивал в ответ, радуясь тому, что Лев согласился. Хотя в глубине души (очень-очень глубоко) Тигренок немного расстроился, потому что не так все представлял. Он надеялся, что папа Лев будет жить в клетке с ним и его мамой или пригласит их к себе... И по утрам они будут наперегонки бежать к пруду умываться... А мама Тигрица в это время приготовит что-нибудь вкусненькое на завтрак. Но Тигренок подумал, что Лев лучше знает, как правильно надо быть ПАПОЙ. Поэтому он вежливо попрощался и побежал обратно в свою клетку. Он спешил поделиться радостной новостью с мамой.

- Мамочка! – закричал Тигренок с порога. - Мамочка! У меня теперь есть папа!

Тигрица удивилась, но не подала вида и ласково спросила:

- И где же ты его нашел?

Тигренок торопливо рассказал ей о своем разговоре со Львом. Мама Тигрица грустно вздохнула, выслушав непоседливого малыша, и сказала:

- Ну, что ж, посмотрим, что из этой затеи получится... Только, прошу тебя, Тигренок, не расстраивайся, если все пойдет не так, как тебе хочется... Папы вообще звери капризные, а уж цари зверей тем более....

Но счастливый Тигренок не слушал маму. С аппетитом поужинав, он пошел спать. Перед тем как заснуть, он мечтал о том, как они с папой Львом завтра пойдут на рыбалку, а еще как папа Лев научит его громко и грозно рычать, чтобы все знали, что он тоже царь зверей, только маленький пока. А еще... И тут малыш заснул.

Наступило утро. Тигренок встал рано-рано, быстро умылся, позавтракал и уселся ждать, когда его позовет к себе папа Лев. Он решил ничем не заниматься, чтобы сразу можно было пойти с ним. Поэтому Тигренок не стал помогать маме делать уборку и отказался заниматься упражнениями, которые раньше делал каждое утро. Малыш очень боялся, что у папы Льва окажется свободное время, а он, Тигренок, будет занят. Но утром папа Лев не пришел. Тигренок сначала немного грустил, но потом подумал, что утром у царя зверей, наверное, много дел и стал ждать дальше. Пришли друзья, Кенгуренок и Медвежонок, и позвали его играть. Но Тигренок важно ответил, что ждет папу и на дурацкие игры отвлекаться не может. Ведь папа Лев (Тигренок особенно громко это сказал) появится с минуты на минуту, и у них много интересных дел на сегодня. Зверята удивились и ушли. Но Лев все не приходил и не приходил. Мама Тигрица изредка посматривала на одиноко сидящего малыша и грустно вздыхала. Уже подошло время обеда, а за Тигренком так никто не пришел. От расстройства он отказался есть и решил сам быстренько сбежать ко Льву. Может быть, они даже вместе пообедают... У Тигренка снова улучшилось настроение, и он со всех лап побежал к царю. Он бежал и представлял себе, как они с папой Львом будут сидеть за столом друг напротив друга и есть сочные мясные котлеты, запивая их свежей водой, а потом вместе поваляются на траве, и папа Лев будет рассказывать разные интересные

истории... Тигренок, запыхавшись, остановился около клетки и робко вошел. Хозяин обедал. Царь зверей рвал на части огромный кусок мяса и недовольно прорычал:

- Ты зачем пожаловал?

Малыш совсем оробел:

- Папа Лев, я ждал, ждал тебя, а ты не пришел... Нет, я понимаю у тебя много дел... Но я тут подумал, что может быть...

- Не может! – отрезал Лев, оторвавшись от еды. - Мы договорились, что ты не будешь мне надоедать, так?

Тигренок кивнул с самым несчастным видом.

- Тогда ступай к себе и жди. Освобожусь – позову! – Лев махнул лапой на выход и снова принялся за мясо.

Тигренок понуро вышел из клетки и поплелся домой.

В этот день папа Лев так и не пришел. И на следующий день тоже. И через день его не было. А потом в зоопарке звери начали готовиться к празднику, к звериному новому году, который, как известно, все звери отмечают летом, в день летнего солнцестояния. Почему они празднуют новый год летом? Да потому, что зимой холодно, некоторые звери впадают в спячку, поэтому и отмечать новый год зимой им совсем не интересно. Звери в зоопарке вычистили свои клетки и наготовили много разной еды. Они всегда собирались в большом загоне, у жирафов, и там дружно веселились. В честь праздника даже самые хищные звери никого не обижали. И вот, как раз накануне праздника, Лев прислал Шакала за Тигренком.

Тот так обрадовался, что всю дорогу до клетки Льва подпрыгивал на всех четырех лапах одновременно, не хуже кенгуру. Царь зверей удобно устроился на подстилке и важно сказал Тигренку, скромно стоявшему рядом:

- Ты будешь моим пажом и понесешь мой хвост! Да смотри, не разлохмать кисточку, я ее три дня расчесывал и подравнивал, что бы она была абсолютно идеальной! Для нас, царей, это самое главное!

Конечно же, Тигренок был на все согласен. Ведь папа Лев доверил ему самое главное.

Наступил день праздника. Звери собрались на поляне и стали ждать выхода своего повелителя. Им заранее было обещано удивительное зрелище. Слоны затрубили победный зов, и из густых кустов на поляну гордо вышел Лев. За ним, бережно держа в зубах его хвост, семенил маленький Тигренок. Он очень сильно волновался и от этого едва замечал, что творилось вокруг. Увидев своего царя, все звери зоопарка громко захлопали, кто во что мог: кто в лапы, кто в крылья, кто большими ушами, а крокодилы забили хвостами по земле. Лев величественно раскланялся во все стороны и, громко откашлявшись, начал свою торжественную речь:

- Мои верные подданные! Я, ваш повелитель, сегодня хочу сделать важное заявление. Я не только силен, смел и мудр, я еще и милосерден! У этого маленького Тигренка нет папы... Я решил взять его своим воспитанником и заменить ему родного... О-о-о... А-а-а!

Лев не успел договорить, потому, что какие-то озорники вытолкнули прямо ему под нос маленькую серую мышку. А храбрый царь очень боялся именно этих созданий. Увидев Мышь, которая тоненько запищала, Лев присел на задние лапы, а передние поднял перед собой, закрываясь от «серого чудовища». На беду, Лев придавил лапу Тигренку, а тот от неожиданности сильнее стиснул зубы. Царь зверей взвыл и бросился вперед. Тигренок, который не понял, что случилось, побежал за ним, не отпуская львиный хвост. Лев попытался стряхнуть «воспитанника», но малыш, думая, что это часть царского ритуала, про который папа Лев забыл ему рассказать, лишь крепче сжимал челюсти. Перепуганная Мышь металась по всей поляне. Так они и бегали друг за другом, а звери смеялись, глядя на это «удивительное зрелище». Наконец, Пантера

поймала серую нарушительницу и унесла, чтобы строго наказать за нападение на царскую особу. Лев с Тигренком остановились посреди поляны. Малыш очень устал и выплюнул «папин» хвост. Кисточка выглядела ужасно: вся слипшаяся от слюней, в репейнике и колючках. Лев посмотрел на то, что осталось от предмета его царской гордости, и зарычал так громко, что попугаи, целая стая, от страха попадали с ветвей дерева.

- Ты!... Ты!... Ты мне все испортил! Так опозорить меня, царя зверей! Убирайся отсюда, пока я тебя не проучил как следует! Никакой я тебе не папа и быть им не собираюсь!

Тигренок, загребая лапами пыль, побрел прочь... Мама Тигрица тотчас последовала за ним. Новый год они праздновали вдвоем в своей клетке. Мама Тигрица испекла ананасовый пирог, и они с удовольствием его съели, а потом долго-долго сидели рядышком и Тигрица утешала своего несчастного малыша. Она рассказывала ему о джунглях и о том, каким храбрым был папа. Издалека раздавались раскаты смеха других зверей, и среди них отчетливо слышался хвастливый голос Льва...

Прошло несколько дней после злополучного праздника, и Тигренок опять задумался над вопросом: где же ему найти себе папу? Он решил, что если первая попытка была неудачной, то уж в следующий раз ему обязательно повезет.

Однажды Тигренок шел мимо загона с зебрами. В нем бежал по кругу молодой самец Зебр, оставшийся совсем один после того, как его братьев и сестер отправили в какой-то другой зоопарк. Тигренок остановился полюбоваться на его бег. Зебр бежал ровно, грациозно вкидывая полосатые ноги, а его короткая грива забавно топорщилась на голове и холке. Время от времени из загона раздавалось залиvistое ржание. Тигренок вдруг подумал, что хорошо бы Зебра попросить стать его папой, ведь тогда у него будет самый быстрый на свете папа! Да и полоски у Зебра почти такие же, как у Тигренка! Последний довод показался малышу самым весомым, и он крикнул:

- Дяденька Зебр! Можно вас на минуточку?

Зебр обернулся, увидел Тигренка и поскакал к нему. Он остановился почти у самой сетки вольера, взметнув столбик пыли из-под копыт.

- Да-да! Привет, малыш? Что ты хотел? И-и-го-го!

- Дяденька Зебр! Станьте моим папой! Пожалуйста!

Зебра оглушительно заржал:

- И-и-и-го-го-го! Я буду твоим папой?

- У нас полоски почти одинаковые! – назвал Тигренок главную, по его мнению, причину.

Зебр задумался:

- А ведь точно! И-и-го-го! Они очень похожи! Только у тебя рыже-черные, а у меня бело-черные! Ну, ладно, заходи в вольер, буду учить тебя скакать! Если ты сможешь бегать так же быстро, как я, то я стану твоим папой!

Тигренок так обрадовался, что одним прыжком перемахнул через сетку и встал перед своим новым почти папой. В мечтах маленький Тигренок уже представил себе, как они с папой Зебром бегут наперегонки по загону и как папа гордится тем, что сын его обогнал...

- Эй! И-и-го-го! Ты чего заснул? Слушай! - И Зебр рассказал Тигренку, как правильно вскидывать ноги при беге и как пробегать повороты. И еще о том, что такое бег, который называется «галопом» (когда ноги по очереди вскидываются высоко-высоко вверх), и бег, который называется «рысью» (когда зебра почти летит над землей). А потом они поскакали. Но Тигренок почему-то сразу отстал, ведь его еще детски толстенькие лапы были совсем не похожи на мускулистые ноги Зебра. Они никак не хотели правильно сгибаться. Поэтому бежал Тигренок вперевалку, а на поворотах его заносило в сторону. Зебр оказался терпеливым учителем, он снова и

снова показывал Тигренку, как надо правильно бегать, но у того все равно получалось не так. Наконец, Зебр остановился и с сожалением сказал:

- И-го-го! Нет, так дальше дело не пойдет! Полоски полосками, но бегать-то ты совсем не умеешь! И-го-го! Не буду я твоим папой, и не проси! Чего доброго еще засмеют, что у меня такой неуклюжий сын! И-и-го-го!

Тигренок стоял молча, тяжело дыша после тренировки, и непрощенная слеза скатилась по его полосатой мордочке. Зебр отвернулся:

- Уходи! Вот научишься бегать, тогда возвращайся, посмотрим... И-и-го-го! Может, я и передумаю!

Даже не попрощавшись, Тигренок пошел прочь. Он шел по дорожкам зоопарка, не разбирая, куда идет, а слезы градом катились из глаз...

«Ну, почему?» - грустно думал Тигренок. - «Почему никто не хочет становиться моим папой? Разве я хуже других зверят?» Но ему никто не ответил. Он шел и шел, с трудом передвигая уставшие лапы, и вдруг уткнулся во что-то головой. Тигренок поднял заплаканные глаза и увидел, что это были пятнисто-желтые ноги Жирафа. Тот даже не шелохнулся, продолжая методично обрывать листочки с дерева и тщательно их пережевывать.

- Извините меня, дядя Жираф! – крикнул вежливый Тигренок и хотел было пройти мимо, но тут Жираф вздрогнул и наклонил свою длинную-предлинную шею. Его небольшая голова с забавными маленькими рожками и выпуклыми круглыми глазами оказалась прямо напротив мордочки Тигренка.

- О-о-о! Тигренок! – протянул Жираф. - А я тебя и не заметил!

- Да ничего страшного, дядя Жираф! Я просто случайно задел ваши ноги! Простите, я не хотел вас отвлекать... - Тигренок не удержался и шмыгнул носом.

- А почему ты плачешь? – глаза у Жирафа округлились еще больше.

Тигренку так хотелось с кем-нибудь поделиться своими печальями, что он рассказал Жирафу о том, что хочет найти для себя папу. Слушатель из Жирафа получился не очень внимательный - к середине рассказа он снова принялся жевать листву, и Тигренку теперь приходилось кричать во все горло, чтобы его услышали. Когда он закончил, Жираф снова наклонился и неторопливо сказал:

- Ну-у-у, если для тебя это так важно, хотя, право слово, я совсем не понимаю, почему я не могу быть твоим папой. Хочешь?

Тигренок моментально согласился

- Конечно, папа Жираф, я очень этого хочу! – воскликнул он, и слезы высохли у него на глазах. - У меня будет самый высокий в мире папа! – радостно закричал он.

- Вот и славно! – сонно ответил Жираф. - А теперь беги домой и ложись спать.

И Тигренок, гордо вскинув голову, пошел дальше. По дороге он увидел Кенгуренка и Медвежонка, игравших в кувыркалки. Он не удержался и рассказал им о том, что дядя Жираф будет теперь его папой. Но приятели снова не поверили и даже начали драться.

Дома мама, ничего не говоря, очень ласково потрепала его по холке и лизнула в мордочку, а затем перевязала лечебной травой полосатый хвост сына, немного пострадавший в потасовке. Тигренок заснул с приятной мыслью о том, что завтра с самого утра пойдет к папе Жирафу и обязательно попросит его сказать этим противным зверятам, что он теперь его папа. А еще Тигренок попросит поднять его высоко-высоко, чтобы можно было увидеть весь зоопарк сразу!

Солнышко еще не осветило своими лучами все уголки зоопарка, а Тигренок уже бежал к Жирафу. Он так торопился к новому папе, что даже не позавтракал как следует. Но оказалось, что Жираф все еще спит. Он лежал на земле, смешно подогнув ноги и свернув шею загогулиной. Тигренок приблизился и осторожно потрогал его рожки. Жираф открыл круглые глаза и удивленно спросил:

- Тебе чего, Тигренок?

- Папа Жираф, я пришел провести этот день вместе с тобой... Может, сходим куда-нибудь погуляем? – Тигренок просительно смотрел на него.

Но Жираф хотел спать и никуда не хотел идти.

- А почему ты называешь меня папой? – спросил он.

- Вчера ты хотел быть им... – растерянно ответил Тигренок.

- Да-а-а??? Разве? Ничего не помню...- Жираф равнодушно зевнул. - Я спать хочу! - и снова закрыл глаза.

И Тигренок понял, что Жираф наобещал все просто для того, чтобы его утешить и сегодня уже обо всем позабыл. Маленький Тигренок тихо ушел от очередного «НЕ папы» и отправился на свое любимое место, на пруд с крокодилами. С ужасом представлял он, как будут дразнить его бывшие друзья, Кенгуренок и Медвежонок. Малыш твердо решил никогда с ними больше не играть!

Мрачный Тигренок почти дошел до пруда, всерьез раздумывая, не попросить ли крокодилов разорвать его на части. Ему было плохо и одиноко, но мысль о том, что мама сильно огорчится, потеряв любимого сына, заставила Тигренка покраснеть от стыда. Вдруг его кто-то окликнул:

- Эй, маленький Тигренок!

Он обернулся и увидел, что к нему неторопливо приближается огромный мохнатый Пес. Этот Пес жил в зоопарке в большой конуре около ворот и по ночам охранял всю территорию от непрошенных гостей. Он свободно бегал, где хотел, и Тигренок часто видел его недалеко от своей клетки.

- Эй, малыш! – повторил Пес. - Подожди, пожалуйста! Я тебя повсюду ищу!

- Зачем это? – подозрительно спросил Тигренок.

- Да, понимаешь, я договорился с Гориллой пойти рыбу ловить на пруд, а он так и не пришел... Забыл, наверное... Вот я и подумал, может тебе это будет интересно? А то мне одному скучно... - Пес смотрел прямо в глаза Тигренку и дружелюбно махал хвостом.

Малыш подумал, что он ведь все равно идет туда, так почему бы им не пойти вместе? И утвердительно кивнул головой.

- Только у меня удочки нет, – добавил он на всякий случай.

- Это ерунда! – махнул лапой Пес. - Я тебе дам, у меня запасная удочка всегда с собой!

Вместе они дошли до места и в полном молчании уселись рыбачить. Тигренку было очень спокойно сидеть с удочкой на берегу в компании нового друга и незаметно для себя самого он позабыл о неприятностях. Молчание сближало большого Пса и маленького Тигренка. Им казалось, что они понимают друг друга без слов. День начал клониться к вечеру. Тигренок наловил небольшое ведерко мелких рыбешек, а Пес поймал всего несколько рыбин, но зато таких крупных, что они постоянно норовили опрокинуть ведро. Маленькому рыболову было даже немного (совсем капельку) завидно, что у его нового друга такой большой улов. Они почти подошли к клетке Тигренка, когда Пес неожиданно сказал:

- Давай поменяемся ведрами? Похвастаешься маме крупной добычей!

Тигренку очень хотелось удивить маму, но он был честным малышом и не мог присвоить чужие заслуги.

- Нет, - ответил он твердо. - Давай лучше ты зайдешь со мной, и мы покажем моей маме ТВОЙ улов.

Пес подумал и согласился. Мама сначала чуть-чуть испугалась гигантских размеров рыбин, а потом пригласила Пса на уху, которую тут же быстро сварила из их добычи. Затем они все вместе ели ароматную уху и смотрели на звезды. Пес очень интересно рассказывал о том, что звезды это не просто яркие светящиеся точки в небе, а другие миры, где, возможно, живет звездный тигренок с мамой и ест уху из звездных рыбин. Тигренок заинтересовался:



- А у звездного тигренка есть полоски?

Пес усмехнулся:

- Нет, звездный тигренок должен быть весь в звездочках!

Мама Тигрица рассмеялась. Тигренок представил себя в звездочках и тоже захохотал. Он догадался, что Пес просто пошутил.

Несколько дней спустя Пес опять пришел к их клетке и попросил маму Тигрицу отпустить с ним Тигренка в маленькое путешествие. Мама не возражала, и через несколько минут малыш и Пес вышли из ворот зоопарка. Тигренок раньше никогда не выходил за ограду. Он с любопытством вертел головой по сторонам.

- А куда мы идем? – уже в пятый раз спросил Тигренок у своего друга.

Пес в пятый раз сделал загадочную морду и ответил:

- Потерпи, скоро узнаешь!

Через некоторое время они подошли к подножию высокого-превысокого (Тигренку так показалось) холма и, пытая от натуги, полезли вверх. Они совсем запыхались, когда поднялись на самую вершину и огляделись.

- Смотри, Тигренок! – сказал Пес, разводя лапы в стороны. - Ты, кажется, хотел подняться высоко-высоко, чтобы посмотреть на зоопарк? Вот он, прямо под нами.

Тигренок посмотрел вниз и ахнул: его родной зоопарк весь был виден как на ладони. Он разглядел своих бывших приятелей, которые ловили рыбу на пруду. И Зебра увидел, который опять бегал по кругу своего вольера, и Льва, развалившегося в тени дерева, и Жирафа, мирно жующего листву. А потом Тигренок увидел маму, которая пекла пирог. Ему стало так весело, как никогда раньше. Тигренок высоко подпрыгнул и восторженно закричал:

- Эге-ге-гей!

Пес только улыбнулся в густые бакенбарды. Потом он рассказал малышу, что за пределами зоопарка есть большой и очень интересный мир. Тигренок во все глаза смотрел на горы со снежными вершинами, которые вздымались на горизонте, на речку, протекавшую через долину, на город, в котором жили люди. Пес и Тигренок долго смотрели на проплывающие над ними облака, и малыш представлял себе, как будто он летит среди них точно птица. Когда начало смеркаться, путешественники засобирались домой, тем более что Тигренку было хорошо видно, что мамин пирог уже готов. В сумерках они начали осторожно спускаться с холма. Тигренок был переполнен впечатлениями и болтал без умолку. И, конечно же, не заметил глубокой ямы на своем пути. Через секунду Тигренок уже стонал, лежа на самом ее дне. Что-то случилось с его лапой, и подняться самому не удавалось. Пес, не раздумывая, прыгнул к нему. Он бережно уложил малыша на свою широкую спину и сказал, чтобы Тигренок держался крепко-крепко за густую шерсть. Затем Пес пружинисто присел и резко оттолкнулся от земли. Тигренку показалось, что они взлетели и вот-вот окажутся среди облаков. Но даже такого мощного прыжка не хватило Псу, чтобы вырваться из плена. С трудом он успел вцепиться когтями передних лап в край ямы и медленно начал подтягивать туловище наверх. Лапы дрожали от напряжения, и земля осыпалась из-под когтей. Тигренок держался за своего спасителя из последних сил. Но все-таки огромному, сильному Псу удалось вытащить и себя, и Тигренка на поверхность. Некоторое время они отдыхали, лежа на животах и тяжело переводя дух. Затем Пес встал, поправил на спине стонущего от боли Тигренка и зашагал в сторону зоопарка. Мама сначала сильно расстроилась, но, убедившись, что кроме вывихнутой лапы все остальное у Тигренка цело, немного успокоилась и принялась его лечить. Сначала она перебинтовала лапу пострадавшего, а потом они все вместе съели яблочный пирог (ведь известно, что мамы пироги и плюшки очень способствуют быстрому выздоровлению). Когда от него не осталось ни кусочка, а мама Тигрица ушла мыть посуду, Пес с Тигренком, как обычно, начали искать на небе самую яркую звезду. Пес говорил:

- Смотри, вон самая яркая звездочка!

А Тигренок показывал на другую и спорил, что самая яркая именно та... То ли от испуга, когда он провалился в яму, то ли от того радостного состояния, которое его охватило на холме, но Тигренок вдруг заплакал и рассказал своему другу о том, как он неудачно искал папу и как никто не захотел им стать для него. Пес потрепал маленького Тигренка по загривку и спокойно сказал:

- Не плачь, малыш! Теперь тебе больше не надо никого искать, потому что твой папа это Я.

- Ты?! – удивленно и немного недоверчиво спросил Тигренок. - Ты согласен быть моим папой?!

- Нет, я и ЕСТЬ ТВОЙ ПАПА, - твердо, но ласково ответил Пес.

- Но... - Тигренок непонимающе замотал головой. - Как такое может быть? Ведь мой настоящий папа погиб...

- Такое иногда случается: если ты кого-то очень-очень сильно любишь и этот кто-то очень-очень в тебе нуждается, то после смерти твоя душа переселяется в того, кто может находиться рядом с твоими любимыми. Наверное, так случилось и с твоим папой Тигром. Потому что, когда вы с мамой появились в нашем зоопарке, я вдруг почувствовал ответственность за вашу судьбу и всегда старался находиться неподалеку. Я же видел, как ты отчаянно искал того, кто мог бы заменить тебе отца и поэтому решил подойти к тебе, сынок...

Тигренок молча уткнулся в мохнатый бок Пса. «ПАПА», с нежностью подумал он. В эту минуту малыш чувствовал себя самым счастливым тигренком на всем белом свете. А Пес сказал:

- Если ты и твоя мама не будете против, то я мог бы перетащить сюда свою конуру, чтобы мы могли жить вместе...

Самые смелые мечты Тигренка вдруг начали сбываться так легко, что он не нашел нужных слов и только яростно закивал головой, соглашаясь. Затем вскочил и убежал к маме.

После этого вечера они стали жить втроем. И все было так, как когда-то представлялось Тигренку: по утрам они с папой Псом наперегонки бежали купаться, и папа очень гордился, когда сыну удавалось его обогнать. А мама Тигрица в это время готовила на завтрак что-нибудь вкусненькое. И на холм они все вместе забирались еще не один раз. Папа Пес помирил Тигренка с Кенгуренком и Медвежонком. Однажды он пригласил их на рыбалку, и, пока они сидели и ловили рыбу, объяснил, как нехорошо смеяться над теми, кто растет без папы или без мамы. Зверьям стало стыдно, и они извинились перед Тигренком. А когда Пес научил их ловить самых крупных рыбин, они сказали, что его папа Пес такой же самый лучший, как их собственные папы. С тех пор Тигренок, Кенгуренок и Медвежонок сдружились еще крепче, чем прежде.

Как-то вечером, когда Тигренок почти заснул, он вдруг вспомнил, что не рассказал маме о том, какого удивительного жука они с папой сегодня видели. Поэтому он высунулся из конуры Пса, в которой очень любил спать, и уже хотел позвать маму, но тут увидел, что она и папа Пес сидят рядышком и любуются ночным небом. Глаза у Тигрицы горели ярче самых ярких-преярких звезд. Тигренок решил не мешать и тихонечко заполз обратно. Он засыпал и думал о том, что и его мама теперь будет счастлива...

## ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

**Мария Сидлер**



### ЧУДО-ЯГОДА

Заболела наша Катя...  
Как тут маме не заплакать?  
Видно, гадкая Простуда  
К нам пришла из Ниоткуда.

Поселилась рядом с Катей,  
Спряталась в ее кровати.  
Катя с ней дружить не хочет,  
Прячет носик свой в платочек.

Мама с доченькой согласна -  
Достает она лекарство,  
Но не горькую пилюлю,  
Ягоду одну лесную,  
По прозванию МАЛИНА -  
ГЛАВНЫЙ ВРАГ ЛЮБОЙ АНГИНЫ!

Так достанется Простуде,  
Что дорогу к нам забудет!  
Станет Катенька здорова,  
Улыбнется мама снова!

Скажем дружно мы: «СПАСИБО!»  
Чудо-ягоде красивой!

### ПРОГУЛКА

«Папе надо на работу!»-  
Мама говорит с утра.  
«Но сегодня же суббота!»-  
Отвечаю сонно я.

В календарике кружочком  
Этот день я обвела,  
Чтобы мама знала точно -  
Папе дома быть пора!

И вчера ложилась спать я,  
Думая лишь об одном:  
Что сегодня в новом платье  
С папой мы гулять пойдем!

Не спеша пройдем по парку,  
Пусть завидуют друзья!  
Поиграем мы в лошадку -  
Папа лошадь у меня!

Прокачусь с высокой горки,  
Чтобы ветер дул в лицо!  
Папа мой, конечно, ловкий,  
Но поймать меня - слабо!

И песочек мокрый самый  
Я в ведро положу -  
Для любимого папули  
Торт большущий испеку!

Невеселые слезинки  
Покатались по щеке...  
Папа снял свои ботинки  
И прижал меня к себе:

«С мамой взрослые заботы  
Мы отложим на потом -  
Ведь известно, что в субботу  
Веселей гулять втроем!»

**ИНТЕРВЬЮ**

**В ГОСТЯХ – ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)**

**«ТВОРЧЕСТВО – ЭТО ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА»**



*Поэт, прозаик, родился и живет в Москве. Доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института системного программирования РАН. Много лет занимается изучением культуры Китая: истории, философии, религии, литературы, поэзии, живописи. Один из исследователей китайской классической Книги Перемен. Писать акварелью начал с изучения альбомов китайской живописи и классических китайских трактатов по живописи. В живописи совмещает элементы китайской техники с европейскими материалами (бумага, акварель,*

*кисти). Художественные работы хранятся в частных коллекциях России, Канады, Германии, Голландии, Израиля, а также в ИСП РАН. Печатается в журналах и газетах («Новый мир», «АиФ», «МОЛ»), сборниках хайку, поэзии и прозы («Московский Дом» и др.), а также в Библиотеке Мошкова. В 2008 году вышла книга стихов «Ритуальные числа». Член Союза литераторов России, член МСП «Новый Современник» и Московского Салона Литераторов.*

**С Игорем Бурдоновым беседует член Моссалита Ольга Моисеева**

**На вашей авторской странице на Моссалите говорится, что вы – доктор физико-математических наук, мы же, ваши коллеги по перу, знаем вас как поэта, прозаика и художника. А вы сами себя больше кем чувствуете: физиком или лириком? Способности к математике помогают вам в сочинительстве?**

Прежде всего, я математик, а не физик, а это большая разница. Физика, как и другие науки, по крайней мере естественные, всё-таки пытается ответить на вопрос «Что есть истина?»

А математика – не пытается. Математика не просто не ищет

истину, она над ней издевается. Две тысячи лет учёные пытались доказать пятый постулат Евклида. Они хотели узнать, как всё устроено *на самом деле*: сколько прямых, параллельных данной, можно провести через точку? А оказалось – как хотите: у Евклида – одну, у Римана – ни одной, у Лобачевского – бесконечно много.

Ещё она издевается над очевидностью.

Только поверхностному взгляду математика кажется точной наукой, склонной к педантичности и занудству и поклоняющейся логике. На самом деле математика обожает абсурд и постоянно доводит до него всё, к чему прикасается. Логике она

следует формально, а фактически игнорирует её, придумывая много всяких логик, чтобы беспринципно выбирать ту или другую, какая больше нравится, не задаваясь вопросом: а как же *на самом деле*? Математическая точность – это точность, доведённая до логического конца, до абсурда, до своей противоположности, когда математически точно описываются самые чудовищные вещи, вроде бесконечности. Но даже тут математика не успокаивается: породив и взрастив бесконечность, она и её довела до черт-те чего, когда оказалось, что бесконечность не одна, их много, и среди них попадаются совсем уже ненормальные.



*Не ветер шумит –  
то деревья бранятся  
с весенней водой.*

Так что дело не в том, что гармония не сводится к алгебре, а в том, что алгебра не сводится к алгебре.

Математика любит всё чудесное и мистическое, она умудряется обнаруживать это в самых простых и, казалось бы, хорошо известных вещах. Ближе всего математика не к науке, а к магии, религии, философии и поэзии. В таких случаях всегда вспоминают высказывание Гильберта об одном из его бывших учеников: «А, этот? Он стал поэтом. Для математики у него было слишком мало воображения».

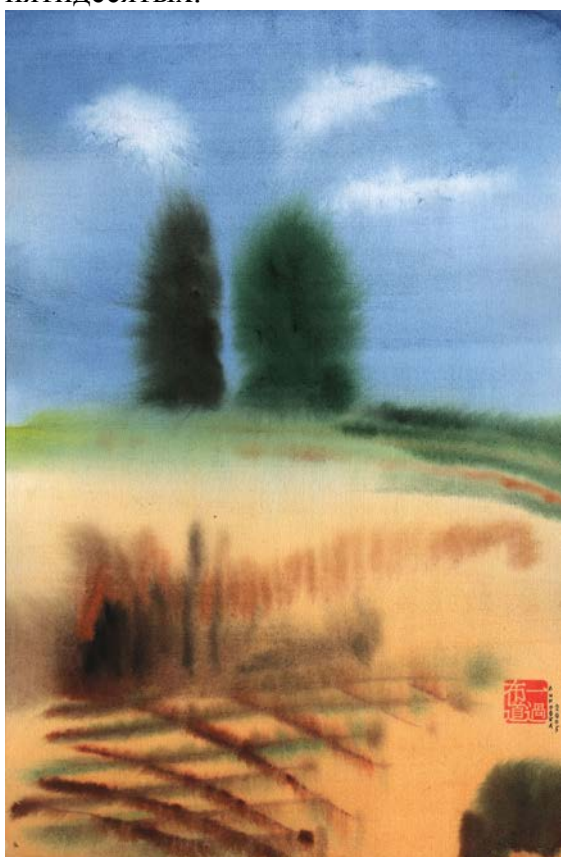
Поэтому Ваш вопрос следовало бы задать по-другому: способности к сочинительству помогают мне в математике? Но я-то думаю, что это одни и те же способности. Вот Владимир Микушевич, поэт и переводчик, считает, что именно поэзия во все времена была источником точных формулировок. К тому же я занимаюсь компьютерной математикой, где наиболее наглядно проявляется особенность математики вообще: не объяснять мир, а конструировать миры. Но ведь поэзия и вообще искусство занимают тем же.

**Расскажите, пожалуйста, почему вас привлекает именно Китай, как и когда вы начали заниматься изучением культуры этой страны?**

У этой истории (как у всякой истории) начала нет. Помню, как лет 25 назад я учился рисовать акварели, изучая китайские трактаты по живописи и рассматривая альбомы китайских художников. Но вообще-то, я рисовал и раньше (правда, мало), просто с Китая начался новый этап, и поначалу я рисовал по 10-20



картин «в один присест». Стихи я тоже писал всегда, но китайская поэзия и философия оказались и здесь поворотным пунктом. Раньше я не знал, что стихи могут быть такие, а философия – такой. А хотите – вспомню, как ещё ребёнком 6-7 лет познакомился с одним китайским военным, слушателем Академии им. Дзержинского (тогда артиллерийской, теперь ракетной). Он мне подарил китайскую закладку для книг, с кисточкой. А мама и бабушка по ошибке напоили его вместо водки уксусом. Китаец был вежлив, как все китайцы, и промолчал, но постарался побыстрее уйти. А домашние боялись, как бы не вышел международный скандал или ещё чего, – дело-то было в середине пятидесятых.



*Приплыли тучки  
поглядеть, как деревья  
дождь вызывают.*

Почему Китай? Ну, во-первых, он привлекает как всё иное.



*Солнце и горы  
недостижимы...  
А нас просто нет.*

Во-вторых, это ведь единственная (если не считать с некоторой натяжкой Индию) цивилизация, не знавшая перерывов в своём развитии с доисторических времён. Европа лишь спустя века вспомнила своё античное детство.

Китай поразила меня полным отсутствием фанатизма, его религии (даосизм, буддизм) предельно толерантны. И ещё – удивительным сочетанием предельного рационализма и предельного мистицизма. Казалось бы, конфуцианство и даосизм/буддизм во всём противоположны друг другу. Одни считают, что главное предназначение человека – служить государю, стране, исполнять социальные ритуалы. Другие не желают жертвовать и волоском из своей бороды, ради спасения Поднебесной, а идеалом поведения считают свободное следование Дао-

пути, подобно ветру и потоку. Но оказывается, всё это может совмещаться в одном человеке: полжизни он – конфуцианец, усердствующий на службе, а потом удаляется на покой и с лёгкостью неизъяснимой становится даосом или буддистом. Не случайно самая удивительная школа буддизма, так поразившая в прошлом веке европейцев, – чань-буддизм (дзэн, по-японски) – родилась именно в Китае. И самая свободная техника живописи – се-и, «писать идею» – сочетается с детально прорисованными, по-конфуциански выверенными линиями парадной одежды на китайском официальном портрете. И только в Китае основным жанром религиозной живописи становится пейзаж. И только в Китае сохранилась иероглифическая письменность, а каллиграфия считается основой и источником как живописи, так и литературы. Я мог бы ещё долго множить подобные примеры, но пора и остановиться.

Долгое время мы знали о Китае только две вещи: 1) они изобрели очень много всяких полезных вещей (шёлк, бумагу, порох, фарфор, книгопечатание и т.д.); 2) они очень отсталые. Хотя можно было бы и догадаться, что такое странное сочетание возможно только как временное явление. И XXI век, я уверен, будет веком Китая. «Большой дракон» проснулся, он уже расправляет крылья.

**Поделитесь, как возникает у вас желание писать или рисовать? Просто нисходит вдохновение или, может быть, к творчеству побуждает какая-то оригинальная мысль, интересное наблюдение? Как происходит работа над**

**произведениями, каков механизм их создания?**

Если вы серьёзно хотите заниматься творчеством, то к нему вас должно побуждать всё, даже лень. Вопрос в том, как этого добиться? Я не думаю, что что-то хорошее можно сделать без вдохновения. Но не сидеть же и не ждать, когда оно на вас снизойдёт! Вдохновение нужно тоже «сделать», если угодно, спровоцировать.



*В окне памяти  
лишь пятна и линии.  
И дата в углу.*

Просто «планировать», всегда быть готовым его «поймать», и внимательно прислушиваться к себе, чтобы не упустить. Это как вспоминать слово, «вылетевшее» из головы: состояние довольно мучительное, но и неотвязное, как попытка «не думать о белой обезьяне». Рано или поздно слово вспомнится, вдохновение придёт.

А когда оно придёт, начинается





*Дальше деревьев  
только деревья. Дальше  
снова деревья...*

работа. Здесь для меня важнее всего не что делать, а как делать. Не что написано, а как написано. Важны не ответы, а вопросы. Текст – это ответ, превращающийся в вопрос в процессе его создания, а потом – в процессе чтения. И может быть, совсем не в тот вопрос, с которого вы начинали писать текст. Как сделать, чтобы текст, который вы пишете, был умнее вас? Потому что, если он глупее, то зачем вы его написали? – тогда лучше предъявите себя вместо текста. А для этого нужно стараться делать что-то, превышающее ваше умение. В этот

момент, вы забываете всё, чему научились.

Я пишу довольно спонтанно, часто не зная, что будет в следующем предложении. Это так же, как рисование акварели – «вслед за кистью». Никогда не даю себе задания «нарисовать то-то», потому что заранее знаю – не получится.



*Вечером красным  
в доме под красной крышей  
красное снится.*

Но всё же в больших вещах или циклах требуется какая-то система. Обычно придумывают сюжеты, но я не умею их придумывать (а может быть, не люблю). Поэтому я заменяю сюжет (время) схемой, конструкцией (пространство). Так же и математика всю динамику времени сводит к статике вечности. Это не я изобрёл: все романы Милорада Павича так построены. Хотя идея старая как мир: Сэй Сёнагон, Конфуций, Лао-цзы, Чжуан-цзы, наконец, Библия



или Коран. Да почти любой древний (тем более «священный») текст бессюжетен! Но в нём есть схема. Это то ограничение свободы, которое необходимо для свободного творчества.

Но требуется ещё и третья составляющая: информация. Это та «глина», из которой вы будете «лепить» с вдохновением по заданной схеме. Бывает так, что информация всегда «под рукой», но иногда для создания «информационного поля» требуется провести целое исследование, почти научное. Например, так я создавал некоторые циклы «китайских» стихов, или акварелей по мотивам Книги Перемен, или роман-миниатюру «Равела Акварелист».

А в общем... если бы я знал механизм создания своих произведений, я бы, наверное, не стал их создавать, запатентовал механизм, и жил бы припеваючи на лицензионные отчисления.

**Почему вы занимаетесь творчеством? Только для собственного удовольствия? Чтобы поделиться своими идеями с другими людьми? Привлечь к себе внимание? Чего вы ждёте от своих работ?**

Вы задаёте какие-то неправильные вопросы. Правильный вопрос: почему не все люди занимаются творчеством? Что этому мешает? Я вот думаю: что же у меня в жизни не сложилось, раз я не умею сочинять музыку? Ведь творчество – это естественное состояние человека.

Меня всегда удивляло противопоставление профессионалов и дилетантов. Конечно, есть такая полезная вещь, как ремесло. Тот, кто им владеет, может тиражировать



*Вот место встречи  
тех, кто ещё не пришёл,  
и тех, кто ушёл.*

своё умение во многих вещах. Но дело в том, что творчество – это создание нового, а не повторение старого. Это не значит, что не нужно учиться или что надо отбрасывать традиции. Как раз наоборот, как говорил Конфуций: «Учиться и добиваться совершенства – разве не в этом радость?» Чем больше знаешь, тем больше не знаешь, так что профессионал – это дилетант в квадрате.

Ну, а всё остальное – и удовольствие, и желание поделиться, и тщеславие – это всё вторично. Хотя тоже важно. Конфуций не случайно говорил именно о радости (а не, скажем, полезности) учения и творчества. Виктор Шкловский писал, что мысли в искусстве должны жениться и выходить замуж. И тот же Конфуций считал важнейшей задачей – оставить после себя имя, правда, предупреждая, что «благородный человек» «не хмурится», если его не знают.

## **Игорь Бурдонов (МОССАЛИТ, Москва)**



*Микроатюра – это еще меньше, чем миниатюра. (Хотя «миниатюра» – вовсе не от слова «мини» – кто бы мог подумать? Она от латинского *mini* — красные краски, применявшиеся в оформлении рукописных книг.)*

# ВАСИЛИЙ, или БЕСЕДЫ О СМЕРТИ ЖУКА-ДРЕВОТОЧЦА С ЛЕВИТАТОРОМ

## БЕСЕДА О СТРАДАНИИ

Излучина реки. Излучина реки заросла камышом. Камыш шепчет свои камышовые слова. Словами высокими отвечают сосны. Сосны внизу видит ветер.

*Жук-древоточец.* Вид смертных мук меня печалит. Неужели нельзя было создать все смерти мгновенными и безболезненными?

*Левитатор (паря под облаком).* Разве можно не замечать смерти? Завершение жизни должно быть мощным. А что может быть мощнее страданий и боли?

*Жук-древоточец.* И ты еще будешь говорить, что КТО-ТО любит нас?

*Левитатор.* Я чувствую это. (*Поднимается над облаком.*)

*Жук-древоточец.* А я нет. (*Скрывается.*)

Василий, вздохнув, выпил полстакана водки и закусил сыроежкой.  
Завечерело.

## БЕСЕДА О БЛИЗКИХ

Малиновый цветок. Цветок прячется среди травы. Трава стелется по ветру и убегает вдаль. Вдали темнеет роща. За рощей прячется река. За рекою высокий холм. На холме одинокое дерево. За деревом облако в небе.

*Жук-древоточец.* Тяжело провожать в последний путь тех, кто был близок тебе. Неужели нельзя было сделать так, чтобы близкие умирали одновременно?

*Левитатор (кружась над лугом).* У каждого есть близкий. У близкого есть ещё близкий. У третьего есть четвёртый. У четвёртого есть пятый. Если последовать твоему совету, все умрут в один день и земля опустеет.

*Жук-древоточец.* В твоих словах есть логика. Но разве КТО-ТО не способен подняться выше логики?

*Левитатор.* Нам не дано знать. Мы должны принимать жизнь и смерть такими, какие они есть. И быть благодарны. *(Улетает к вершине холма.)*

*Жук-древоточец.* Я переполнен благодарностью. Сейчас лопну. *(Скрывается.)*

Василий, вздохнув, выпил полстакана водки и закусил подберёзовиком.  
Задождало.

## БЕСЕДА О НАДЕЖДЕ

Зелёный папоротник. Папоротник на краю болота. На болоте стоят обглоданные стволы берёз. Берёзы по краю трясины ещё зелёные и живые. Живой лес обступает мёртвый.

*Жук-древоточец.* Я не встречал никого, чья жизнь была бы прожита не напрасно. Мечты не осуществляются. Надежды рушатся.

*Левитатор (зависнув над серединой болота).* Вот потому и нужна смерть. Жизнь тесна для бессмертной души. Лишь после смерти, в вечности...

*Жук-древоточец.* Ещё одна мечта. Ещё одна надежда. Да ведь если КТО-ТО создал мир и решил, что он хорош, то чего ждать после смерти? Ещё одно разочарование. Ещё один обман.

*Левитатор.* Говоря так, ты обманываешь сам себя. Разочаровываешься в самом себе. Не сваливай свою вину на другого. *(Планирует к лесу и теряется среди деревьев.)*

*Жук-древоточец.* Ну вот, нашли виноватого. Теперь все довольны. *(Скрывается.)*

Василий, вздохнув, выпил полстакана водки и закусил груздем.  
Захолодало.

## БЕСЕДА О ПАМЯТИ

Старый пенёк. Пенёк на обочине лесной дороги. Дорога скрывается за поворотом.

*Жук-древоточец.* Я помню того, кто уже давно умер. Мысленно я могу с ним разговаривать. Но это нечестно. Это всё равно, что заниматься любовью со спящим.

*Левитатор (паря над дорогой).* Души умерших внимательно наблюдают за теми, кто остался жить. Но они не могут говорить с нами, потому что мы для них – спящие.

*Жук-древоточец.* КТО-ТО, кто всё это придумал, по-видимому, обладал изрядным чувством юмора. Но мне почему-то не смешно.

*Левитатор.* Когда ты умрёшь, ты будешь думать иначе. *(Летит вдоль дороги и исчезает за поворотом.)*

*Жук-древоточец.* Жду не дождусь. *(Скрывается.)*

Василий, вздохнув, выпил полстакана водки и закусил свинушкой.  
Заветрило.